

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-2 (43)

журнал выходит четыре раза в год

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
№ 4-2 (43), 2019

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
д.ф.н. А.М. Готов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Ошроев, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижеев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-2 (43)

the journal comes out four times a year

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**
№ 4-2 (43), 2019

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *T.S. Bittirova*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Глашева З.Ж.</i> К проблеме изучения «истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова	7
<i>Чотчаев Д.Д.</i> Основные тенденции в развитии просветительства в Карачае и Балкарии в XIX – начале XX в.	14
<i>Кармов А.Х.</i> Н.А. Катханов: роль и место в гражданской войне на Северном Кавказе	22
<i>Мирзоев А.С.</i> Черкесская школа в Сирии и, ее основатель – Самгуг Амин	35
<i>Сабанчиева Л.Х.</i> Адыгская традиционная одежда (адыгэ фащэ): этнокультурный бренд в современном предпринимательстве	40

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Алиева А.И.</i> Академик А.М. Шёгрэн и Шора Ногмов: история сотрудничества	46
<i>Бижоев Б.Ч.</i> Отражение в лингвистических трудах Ш.Б. Ногмова фонетико-грамматических процессов, происходивших в кабардино- черкесском языке в начале XIX в.	54
<i>Озова Ф.А.</i> Актуальность лексикографических исследований Ш.Б. Ногмова (на примере ориентализма аманһт)	60
<i>Гергокова Л.С.</i> Народные музыкальные инструменты в произведениях карачаево-балкарского фольклора	65
<i>Кучмезова Л.Б.</i> Лексико-семантические, лексико-грамматические и словообразовательные особенности словарных единиц цокающего диалекта карачаево-балкарского языка	72
<i>Сарбашева А.М.</i> Роль фольклора в формировании поэтико-стилистиче- ских особенностей балкарской прозы (1930–1960-е гг.)	78
<i>Берберов Б.А.</i> Специфика фольклорно-литературных связей в поэзии А. Созаева (на материале сборника «Голос рассвета моего»)	85
<i>Гутов А.М.</i> Первая запись песни об Андемиркане	91
<i>Хужева Л.К.</i> Фольклор как источник обогащения адыгских литературных языков	98

IN MEMORIAM

<i>Кузьминов П.А.</i> Общественные отношения в Кабарде в концепции В.Х. Кажарова	102
<i>Ошроев Р.Г.</i> Образец служения науке и обществу. К 70-летию В.Х. Кажарова	110

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Glasheva Z.Zh.</i> To the problem of studying the «history of the adychian people» Sh.B. Nogmova	7
<i>Chotchayev D.D.</i> Main tendencies in development of education in Karachay and Balkaria in the XIX – the beginning of the XX century	14
<i>Karmov A.Kh.</i> N.A. Katkhanov: the role and place in the civil war in the North Caucasus	22
<i>Mirzoyev A.S.</i> Circassian school in Syria and, its founder – Samgug Amin	35
<i>Sabanchieva L.Kh.</i> Adyg traditional clothing (adyge fasche): ethnocultural brand as the basis of modern model business	40

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Alieva A.I.</i> Academician A.M. Sjogren and Shora Nogmov: history of cooperation	46
<i>Bizhoev B.Ch.</i> Reflection in linguistic works by Sh.B. Nogmov phonetic-grammatical processes occurring in the kabardino-cherkess language at the beginning of the 19th century	54
<i>Ozova F.A.</i> Relevance of lexicographic studies Sh.B. Nogmova (on the example of orientalism amanht).....	60
<i>Gergokova L.S.</i> Folk musical instruments in works of the karachay-balkarian folklore	65
<i>Kuchmezova L.B.</i> Lexico-semantic, lexico-grammatic and word-forming features of the word-forming units of the sounding dialect of the karachay-balkar language	72
<i>Sarbasheva A.M.</i> The role of folklore in the formation of poetic-stylistic features of the balkan prose (1910–1960s)	78
<i>Berberov B.A.</i> Specificity of folk and literary relations in A. Sozaev’s poetry (based on the collection «The Voice of My Dawn»)	85
<i>Gutov A.M.</i> First record of the song about Andemirkan	91
<i>Khuzheva L.K.</i> Folklore as a source of enrichment of adyghe literary languages	98

IN MEMORIAM

<i>Kuzminov P.A.</i> Social relations in Kabarda in the conception of V.H. Kazharov	102
<i>Oshroev R.G.</i> Sample service to science and society. To the 70th anniversary of V.Kh. Kazharov	110

УДК 94-378.1

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-7-13

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ «ИСТОРИИ АДЫХЕЙСКОГО НАРОДА» Ш.Б. НОГМОВА

Глашева Зулейха Жамботовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zu-20.80@list.ru

Статья посвящена проблеме изучения «Истории адыхейского народа» Ш.Б. Ногмова. «История» Ш.Б. Ногмова является не только оригинальным и самостоятельным исследованием, основанным главным образом на материале кабардинского фольклора, но и литературным памятником и ценным историческим источником. Обращение к данной проблеме позволяет рассмотреть историю адыгских народов, а также осветить процесс этнического формирования. Обращается внимание на особенности переиздания главного исторического труда Ш.Б. Ногмова в течение дореволюционного, советского и постсоветского периода. В статье обозначены особенности изучения творческого наследия на юбилейных конференциях. Особое внимание уделяется на неоднократное переиздание «Истории» и перевода ее на немецкий и кабардинский языки. Автор приходит к выводу о том, что филологические и исторические труды Ш.Б. Ногмова вошли в золотой фонд наследия не только адыгов, но и других народов Северного Кавказа как первая попытка написания обобщающего исторического труда. Актуальность исследования обусловлена тем, что «Истории адыхейского народа» имеет преимущество перед другими трудами XIX в., посвященными адыгам потому, что она сохранила для потомства фольклорные и другие источники.

Ключевые слова: Ш.Б. Ногмов, «История адыхейского народа», Закавказский вестник, Кавказ, просвещение, история, фольклор, предания.

Шора Бекмурзович Ногмова кабардинский ученый, историк, филолог и просветитель. В творческом наследии, которого главное место занимает «История адыхейского народа». При жизни автора его труд не был опубликован, со значительными сокращениями работа впервые появилась в 1847 г. на страницах газеты «Закавказский вестник» под названием «О Кабарде» [О Кабарде 1847]. Редакция первого издания, по-видимому, расхотела с рукописью автора. А.П. Берже который сравнивал первое издание с оригиналом, свидетельствует, что «в первой допущены некоторые пропуски и отступления противу последней» [Кокиев 1944: 11]. Спустя два года, в 1849 г. в газете «Кавказ» были напечатаны отрывки из рукописи Ш.Б. Ногмова под названием: «О быте, нравах и обычаях древних адыхейских народов или черкесских племен» [О быте... 1849], «Сведения об адыхейцах, почерпнутые из местных преданий, песен и родословной книги под названием Джиафира и Джиаанама, на турецком языке» [Сведения... 1849], «Предания, адыхейцев, не бесполезные для истории России» [Предания... 1849]. Редакция газеты отмечала, что автор статьи проделал большую работу по сбору и переводу адыгского фольклора, что содержащиеся в отрывках материалы имеют важное значение для истории, географии и этнографии народов Северного

Кавказа. Газета указывала, что история черкесов еще не погибла окончательно и что «есть еще время и возможность спасти остатки преданий и песен». В 1850 г. из газеты «Кавказ» М.П. Погодиным в журнале «Москвитянин» в разделе «исторические материалы» были перепечатаны извлечения «Свидетельство о походе Святослава на Кавказ и проч.», снабжен кратким введением, там же в разделе «наука и искусства» часть «Истории» Ш.Б. Ногмова под заголовком «Предания адыгейцев, не бесполезные для истории России» [Предания... 1850]. П.Г. Бутков в редакционном предисловии «Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе» в газете «Северная пчела» в 1850 г. характеризовал очерки помещенные в газете «Кавказ» [Бутков 1850].

Второй раз «История» была полностью издана А.П. Берже, в Тифлисе в «Кавказском календаре» за 1862 г. [История 1861: 3–172]. Воспользовавшись, по его словам, подлинником «Истории», исправил опубликованные на страницах указанных газет статьи и издал труд Ш.Б. Ногмова в виде отдельной книги под названием «История адыгейского народа» с надеждой «вторично вызвать его из забвения и закрепить снова печатью» [История 1861: 3]. Работа была «напечатана с подлинной, исправленной рукописи и дополнена предисловием, биографией автора, примечаниями и приложениями А. Берже». Говоря о названии книги, А.П. Берже писал: «Заглавие, данное «Вестником» («Закавказский вестник») статье – «О Кабарде», я заменил тем, какое дано было ей самим Шора Ногмовым». Здесь мы можем полагаться только на авторитет А.П. Берже, так как в переписках по поводу рукописного наследия Ш.Б. Ногмова, подобное название не встречается. Везде речь идет о «Преданиях». В сам текст А.П. Берже внес некоторые стилистические исправления. В 1866 г. подготовленная А.П. Берже «История», издается в Лейпциге на немецком языке под названием «Сказания и песни черкесского народа» [Die Sagen und Liber des Tsherkessen... 1866].

Наиболее обстоятельному и глубокому анализу «Историю адыгейского народа» подверг впервые в своей рецензии писатель и публицист А.Г. Кешев в газете «Терские ведомости» в 1869 г. [История... 1969]. «Сочинение Шоры Ногмова есть первая попытка систематического изложения уцелевших в народной памяти преданий о минувших в народной памяти преданий о минувших судьбах адыгейского племени, потому, за отсутствием других сочинений по этому предмету, к нему по необходимости станут обращаться будущие историки адыге, в особенности кабардинцы» [История... 1869].

Труд Ш.Б. Ногмова и многие положения, высказанные им, вызвали интерес у известных русских ученых М.П. Погодина, П.Г. Буткова, Н.Ф. Дубровина, Л.Г. Лопатинского и других. Л.Г. Лопатинский, внесший большой вклад в сбор материалов устного народного творчества и в разработку кабардинского языка, высоко оценил труд Ш.Б. Ногмова. В «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» за 1891 г. полностью посвященного адыгской филологии. Публикуются: «Краткая кабардинская грамматика» Л.Г. Лопатинского со словарем [Лопатинский 1891: 7], а также «Кабардинские предания, сказки, записанные по-русски», собранные на протяжении многих лет с участием Кашежева и Тамбиева [Лопатинский 1891: 11–144; 1–81]. Он писал: «Хотя заключения и выводы, даваемые Ш.Б. Ногмовым, слишком смелы и во многих местах поражают даже своею неожиданностью, но нельзя отвергать большой заслуги этого неутомимого собирателя кабардинских исторических песен и преданий, тем более, что в настоящее время многое из того, что пелось и рассказывалось еще в первой половине текущего столетия, или уже забыто или придается забвению; народные певцы-уредбоу (гегуако) замолкли, а кабардинская «повесть временных лет» уже не передается из уст в уста» [Лопатинский 1891: 7].

Третий раз «История», была переиздана в 1891 г. сыном Шоры Ерустаном в Пятигорске [История... 1891]. Говоря о мотивах переиздания книги, он указывал в своем предисловии, что «История», отпечатанная в Тифлисе всего в количестве 20 экземпляров, «ныне сделалась большой библиографической редкостью, а ее содержание или предано забвению, или же, особенно молодому поколению, и совершенно не известно. Между тем, сведения об адыгейцах можно встретить в печати лишь весьма редко, и то в виде кратких заметок, разбросанных в разных периодических русских и иностранных изданиях давно минувшего времени». Большинство адыгов, и, в частности, кабардинцев, пишет он далее, «о своем прошлом или совершенно ничего не знают, или же имеют о нем до невозможности смутное и сбивчивое представление». «Вот почему, – заключает Ерустан Ногмов, – уступая желанием многих заслуженных и лучших людей современной Кабарды, я решился еще издать эту книгу и тем самым снова вызвать из забвения прошлое о дорогих нам наших сородичах, поколения которых – мы, под сению благотворной русской власти, освободились от тяжкого рабства, избавились от права сильного и ныне спокойно преуспеваем на поприще мирного труда и цивилизации». Текст для нового издания Ерустан подготовил еще в 1890 г. Это видно из того, что на книге стоит печать цензора: «Дозволено цензурою. Тифлис, 10 июня 1890 г.». «Предисловие» Ерустан написал 28 июня 1891 г. в Пятигорске. Книга была опубликована в 1893 г., переиздание затянулось на три года, из-за отсутствия материальных средств. За основу нового издания Ерустан взял издание 1862 г. В текст и в биографический очерк, составленный А.П. Берже, и в его примечания Ерустан внес некоторые поправки, уточнения и исправления.

Существует предположение, что четвертый раз «История», была переиздана в начале XX в. в Одессе, к сожалению, это издание пока еще не найдено.

В советское время «История» переиздавалась трижды, в 1947, 1958 и 1982 годах. В 1947 г. Г.А. Кокиев подготовил пятое издание, им были написаны введение и комментарии [Ногмов 1947]. Многие положения Г.А. Кокиева до сих пор свежи и успешно используются в научной литературе. Е. Зевакин в своей рецензии на 5-е издание «Истории» Ш.Б. Ногмова 1947 г. пишет, что работа «всегда будет источником первостепенной важности» [Зевакин 1948: С. 110]. В историографии до конца XVIII в. шло накопление сырого материала о Кабарде и Черкессии и его первичная обработка. Много районов оставались не исследованными, многие вопросы были недостаточно изучены или недостаточно освещены; документальные, письменные, устные и археологические источники не были еще привлечены» [Зевакин 1948: С. 110]. Автор рецензии так же утверждал, что данный труд «не устарел до наших дней, являясь классическим произведением о Кабарде и Черкессии» [Зевакин 1948: 111].

Серьезный вклад в исследование творчества Ш.Б. Ногмова внес В.К. Гарданов. В 1946 г. он опубликовал обстоятельную статью «К биографии Ш.Б. Ногмова» [Гарданов 1946: 341–342], а в 1958 г. большой очерк в котором дан глубокий анализ биографии, историческим и общественно-политическим взглядам Ш.Б. Ногмова [Гарданов 1958: 5–21]. В.К. Гарданов называет Ш.Б. Ногмова энциклопедистом и тем самым ставит его в ряд с западноевропейскими просветителями XVIII в. Слово «энциклопедист» к Ш.Б. Ногмову можно применить с оговоркой. В.К. Гарданов с присущими ему четкостью и ясностью определяет место и значение «Истории», указывает и на некоторые ее недостатки. В 1958 г. под редакцией В.К. Гарданова, Т.Х. Кумыкова, И.В. Трескова вышло шестое издание «Истории» [Ногмов 1958], в этом же году «История» выходит на кабардинском языке [Нэгумэ 1958].

В 1982 г. вышло новое издание «Истории» подготовленное Т.Х. Кумыковым [Ногмов 1982]. В издании восстановлено название, которое дал Ш.Б. Ногмов в своей рукописи, а именно «История адыгейского народа». Восстановлено так же ногмовское написание отдельных слов.

В постсоветский период «История» переиздавалась три раза. В 1994 г. в Нальчике [Ногмов 1994] к переизданию подготовленная Т.Х. Кумыковым и в Майкопе [История... 1994], а так же в Москве в 2011 г. [История... 2011].

Научная и просветительская деятельность Ш.Б. Ногмова была глубоко разработана в советский и постсоветский периоды. Советский период можно разделить примерно на три этапа: 20–30, 40–50 и 60–80-е гг. В 20–30-х гг. творчество Ш.Б. Ногмова не стало предметом специального исследования. О нем лишь упоминалось в статьях В. Чамазокова, У. Алиева, Е. Шиллинга, М.Е. Талпа. В 40–50-е гг. жизнь и творческая деятельность Ш.Б. Ногмова продолжала привлекать внимание исследователей: Г.А. Кокиева, Г.Ф. Турчанинова, Х. Теунова, В.К. Гарданова, И.В. Трескова, Т.Х. Кумыкова. В 60–80-х гг. в периодической печати, в ученых записках и журналах появились заметки, сообщения и статьи Г.Ф. Турчанинова, И.В. Трескова, Т.Х. Кумыкова, Е. Польской, А.Х. Хакушева, А.Т. Шортанова, Б.Х. Цавкилова, Ю.С. Кимова, М.А. Кумахова, А.Х. Касумова, З.М. Налоева, Г.Х. Мамбетова, Р.Х. Хашхожевой, Б.М. Курашинова, Р.У. Туганова, С.Х. Мафедзева, Р.Х. Гугова, В постсоветский период творческое наследие Ш.Б. Ногмова исследовано Т.Х. Кумыковым, С.Н. Бейтугановым, А.Х. Хакушевым, Р.Х. Хашхожевой, Е.С. Тютюниной, Х.М. Думановым, С.Н. Жемуховым, М.К. Шаковой в их работах вводятся в научный оборот новые сведения о Ш.Б. Ногмове, расширяющие наше представление о нем.

Творчество Ш.Б. Ногмова подробно изучалось на юбилейных конференциях, в июне 1944 г. исполнилось 100 лет со дня смерти. В плане подготовки к этому юбилею в местной прессе были опубликованы статьи и очерки, посвященные жизни и творчеству Ш.Б. Ногмова. 23 июня 1944 г. в Нальчике была проведена научная сессия, посвященная Ш.Б. Ногмову. С основным докладом «О жизни и деятельности Шоры Ногмова» выступил Г.Ф. Турчанинов. К юбилею был издан также сборник документации и статей под названием «Шора Ногмов». В статьях раскрывается просветительская и научная деятельность Ш.Б. Ногмова. В 1974 г. в Нальчике была проведена региональная научная конференция, посвященная 180-летию со дня рождения Ш.Б. Ногмова. Тематика конференции выходила за пределы ногмовской темы [Общественно-политическая мысль адыгов... 1976]. В сборник материалов конференции вошли 24 статьи, в которых исследованы проблемы творчества Ш.Б. Ногмова и других просветителей. В 2004 г. вышел сборник материалов юбилейной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ш.Б. Ногмова, которая прошла в Нальчике 6–7 октября 1994 г. Участники конференции стремились охватить в тематике своих докладов все аспекты наследия выдающегося просветителя. Исследовались отдельные стороны его деятельности, в освещении истории и современного состояния как отдельных направлений, так в целом и гуманитарной науки. Круг интересов Ш.Б. Ногмова включал широкую проблематику от вопросов кавказского языкознания до политической истории [Вопросы кавказской филологии и истории... 2004: 3].

В 1969 г. в журнале «Советская этнография» была опубликована критическая статья известного этнографа-кавказоведа Л.И. Лаврова «Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского фольклора» [Лавров 1969: 136–141], в которой автор в резкой форме возражает Ш.Б. Ногмову в толковании некоторых исторических событий. Статья вызвала серьезные возражения со стороны специалистов. З.М. Налоев в своей книге «Из истории культуры адыгов» посвятил специальный очерк определению жанра ногмовской «Истории». Он считает, что ей присущ функциональный синкретизм, с доминирующей, однако, идеологической установкой [Налоев 1978: 142–151].

Жизненный и творческий путь Ш.Б. Ногмова можно разделить на четыре периода имеющие свои хронологические рамки. Каждому из них соответствует определенная ступень интеллектуального и творческого роста. Первый период –

когда Ш.Б. Ногмов жил на Кавказе, учеба в Эндерийском медресе в Дагестане, где он выучил арабский и персидский языки. К этому периоду относится его непродолжительная работа в качестве сельского муллы. Второй период охватывает промежуток времени от его отказа от сана муллы и до отъезда в Санкт-Петербург (1818–1830 гг.). В это время он изучает русский язык, работает писарем I-го Волгского полка, затем в Нальчике в аманатской школе. Ш.Б. Ногмов составляет букварь родного языка, приступает к сбору фольклорных материалов. Третий период относится ко времени его пребывания в Санкт-Петербурге (1830–1835 гг.). Здесь он ближе знакомится с русской культурой, формируются его просветительские, философско-этические и научные взгляды, нашедшие отражение в его историко-филологических трудах. Четвертый период (1835–1844 гг.), характеризуется творческим подъемом [Кокиев 1944: 11].

Исследователями создано много интересных научных работ, посвященных творчеству первого адыгского просветителя. В них глубоко раскрывается многогранная деятельность Ш.Б. Ногмова, как первого национального просветителя, и как исследователя истории родного народа, как этнографа и собирателя устного народного творчества [Хакушев 1978: 67]. Его труд представляет первый опыт изложения истории адыгов. В ней прослеживается процесс этнического формирования, всесторонне показаны общественно-политическое положение, материальная и духовная культура, отражены особенности общественного и семейного быта.

Пребывание Ш.Б. Ногмова в Санкт-Петербурге, общение его с русскими поэтами, учеными, по существу явились решающими в формировании у него идейно-теоретических, философских и научно-просветительских взглядов. Именно в Санкт-Петербурге он окончательно формируется как ученый-просветитель. Здесь общественные взгляды и просветительская идеология стали глубокими убеждениями, которые находились под влиянием культурной жизни столицы и социально-политических идей того времени. Подводя итог изучению деятельности Ш.Б. Ногмова надо отметить, что благодаря общению с русскими поэтами, учеными, а также редакций газет «Закавказский вестник», «Кавказ», «Терские ведомости» «История адыгейского народа» стала известна научной общественности, а ее автор занял достойное место в числе деятелей науки и культуры народов Северного Кавказа. О важности «Истории» свидетельствует ее неоднократное переиздание и осуществление перевода на немецкий и кабардинский языки. Оценивая филологические и исторические труды Ш.Б. Ногмова, следует отметить, что они вошли в золотой фонд исторического наследия не только адыгских народов, но и других народов Северного Кавказа. Ш.Б. Ногмов вошел в историю первой половины XIX в. как создатель адыгской письменности, историк, лингвист, фольклорист, составитель азбуки (1825), «Истории адыгейского народа» (1843), «Кабардинской грамматики» в авторских редакциях (1840, 1843).

Источники и литература

1. Die Sagen und Liber des Tsherkessen – Volkes des Sanameit vom Kabardiner Schora Bekmursin Nogmov. Bearbeit und mit liner Vorrede fon Adolf Berge. Leipzig, 1866. xxxi, 144 p.
2. Бутков П.Г. Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе // Северная пчела 1850. №99.
3. Вопросы кавказской филологии и истории. Шора Ногма – выдающийся ученый и просветитель. Нальчик: Эль-фа, 2004. Вып. IV. 276 с.
4. Гарданов Б.А. К биографии Ш.Б. Ногмова // История адыгейского народа / под ред. Б. Гарданова, Т. Кумыкова, И. Трескова. 6-е изд. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1958. С. 5–21.
5. Гарданов Б.А. Шора Ногмов (1844–1944) // Сборник документации и статей к 100-летию со дня смерти. Нальчик, 1944 // УЗ КНИИ. Нальчик, 1946. Т. I. С. 341–342.

6. Зевакин Е. Ногмов Ш. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Введением, примечаниями и указателями снабдил проф. Г.А. Кокиев. Нальчик. Кабардинское государственное издательство. Изд. 5-е. 1947 // Вопросы истории. 1848. № 7. С. 110–112.
7. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым. (Кавказский календарь за 1862 г.) // Терские ведомости. 1969. № 31–32.
8. История адыгейского народа. Майкоп: Газ.-изд. комплекс «Благодарение», 1994. 112 с.
9. История адыгейского народа. М.: Книга по Требованию, 2011. 146 с.
10. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым / Под ред. А.П. Берже. 2-е изд., доп. // Кавказский календарь на 1862 год. Тифлис, 1861. С. 3–172.
11. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым, дополненная и исправленная сыном его Ерустан Шора-Бекмурзин Ногмовым. 3-е изд., доп. Пятигорск: Тип. И.П. Афанасьева, 1891. 144 с.
12. Кокиев Г.А. Шора Бекмурзин Ногмов выдающийся кабардинский ученый и просветитель. К столетию со дня смерти (1844–1944). Нальчик: Кабгосиздат, 1944. 39 с.
13. Лавров Л.И. Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского фольклора // Советская этнография. 1969. № 2. С. 136–141.
14. Лопатинский Л. Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности // СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып. XII. С. 1–81, 11–144.
15. Налоев З.М. Из истории культуры адыгских народов. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 142–151.
16. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа: Составленная по преданиям кабардинцев / введ., прим. и указ. Г.А. Кокиева. 5-е изд. Нальчик: Каб. гос. изд-во, 1947. 160 с.
17. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа / под ред. Б. Гарданова, Т. Кумыкова, И. Трескова. 6-е изд. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1958. 240 с.
18. Нэгумэ Ш.Б. Адыгэ народым и тхыдэ, къэбэрдейхэм къалутэж хьыбарыжьхэмкIэ тхыжауэ / Гарданов Б.А., Къумыкъу Т.Х., Тресков И.В. сымэ я редакцэкIэ: адыгэбзкIэ зэзыхтэкIар КъардэнгъушI З.П. Налшык: Къэб.-Балк. тхылъ тедзапIэ, 1958. 238 с.
19. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа: Составленная по преданиям кабардинцев / вступ. ст. и подгот. текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 1982. 166 с.
20. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа: Составленная по преданиям кабардинцев / вступ. ст. и подгот. текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 1994. 231 с.
21. О быте, нравах и обычаях древних адыгейских народов или черкесских племен // Кавказ. 1849. № 36–37.
22. О Кабарде // Закавказский вестник. 1847. № 4–21.
23. Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века. Материалы конференции 28–29 марта 1974 г. Нальчик, 1976. 323 с.
24. Предания адыгейцев, не бесполезные для истории России // Москвитянин. 1850. Кн. 1. № 1–2.
25. Предания, адыгейцев, не бесполезные для истории России // Кавказ. 1849. № 45.
26. Сведения об адыгейцах, почерпнутые из местных преданий, песен и родословной книги под названием Джиафира и Джианама // Кавказ. 1849. № 39.
27. Хакуашев А.Х. Адыгские просветители. Нальчик: Эльбрус, 1978. 259 с.

TO THE PROBLEM OF STUDYING THE «HISTORY OF THE ADYGHIAN PEOPLE» SH.B. NOGMOVA

Glasheva Zuleyha Zhambotovna, Candidate of History, Researcher in the Sector of Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), zu-20.80@list.ru

The article is devoted to the problem of studying the «History of the Adyghian people» Sh.B. Nogmova. «History» Sh.B. Nogmova is not only an original and independent study, based

mainly on the material of Kabardian folklore, but also a literary monument and a valuable historical source. Addressing this problem allows us to consider the history of the Adyghe peoples, as well as to illuminate the process of ethnic formation. The article draws attention to the features of the reprinting of the main historical work of Sh.B. Nogmova during the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet period. The features of studying creative heritage at anniversary conferences are outlined. Particular attention is paid to the repeated republishing of «History» and its translation into German and Kabardian. The author concludes that the philological and historical works of Sh.B. Nogmov entered the gold fund of inheritance not only of the Adyghe peoples, but also of other peoples of the North Caucasus as the first attempt to write a generalizing historical work. The relevance of the study is due to the fact that the «Stories of the Adyghian people» has an advantage over other works of the XIX century on Adygs. It consists in the fact that she preserved folk and other sources for posterity.

Keywords: Sh.B. Nogmov, «Stories of the Adyghian people», the Transcaucasian Bulletin, the Caucasus, enlightenment, history, folklore, traditions.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-7-13

УДК: 947.9(470.631)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-14-21

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА В КАРАЧАЕ И БАЛКАРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Чотчаев Дахир Джансохович, старший преподаватель кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, tchotchaev-dahir@yandex.ru

В данной статье рассматривается деятельность известных просветителей Карачая и Балкарии в XIX – начале XX в. Автор касается также благотворного влияния российской культуры на формирование мировоззрения представителей горской интеллигенции. В работе отражена решающая и прогрессивная роль представителей религиозного просвещения в регионе. В исследовании проанализирована деятельность таких выдающихся богословов Карачая и Балкарии, как Кючюк-хаджи Дебоевич и Мухаммат-апенди Кючюкович Байрамуковы, Хусейн-эфенди Урусов, Исмаил Якубович (Чокуна-эфенди) Акбаев, Джагафар-эфенди Ахматович Хачиров.

В статье также рассмотрена роль представителей карачаево-балкарской творческой интеллигенции, внесших большой вклад в развитие светского просвещения, в приобщение карачаевцев и балкарцев к русской цивилизации. Среди них были: Сафар-Али Исмаилович и Науруз Исмаилович Урусбиевы, Ислам Пашаевич Крымшамхалов, Хызыр Магомедович Халилов, Аубекир Батчаев, Наны Хасанович Токов, Иммолат Шогаевич Хубиев. Автор также отражает ту огромную лепту, которая была внесена горской интеллигенцией в становление светского образования.

Ключевые слова: творческая интеллигенция, просветители, примечетская школа, народное образование, трехклассное училище, алфавит, «Ана тил», просветительство.

Представители карачаево-балкарской творческой интеллигенции после присоединения региона к России сыграли важную роль в развитии культуры своего народа, в налаживании тесного сотрудничества лучших его представителей с выдающимися деятелями русской культуры.

Факты свидетельствуют, что карачаево-балкарские религиозные и светские просветители имели большие заслуги в повышении образовательного уровня своих соотечественников через открывавшиеся в тот период светские школы. Многие из них сами явились инициаторами основания образовательных учреждений.

Одним из выдающихся деятелей религиозного просвещения карачаевцев, который также много сил и энергии вложил в дело развития культуры народа после присоединения Карачая к России был уроженец аула Хурзук Кючюк-хаджи Дебоевич Байрамуков, известный в народе как Дебо улу Кючюк. Он окончил медресе в кумыкском селении Аксай в Дагестане, а затем Стамбульский университет. Изучил арабский и турецкий языки. Получил широкие познания в сфере культуры мусульманских народов, в персидской, арабской и турецкой поэзии. Как свидетельствует профессор К.Т. Лайпанов, Дебо улу Кючюк в первой трети XIX в. являлся кадием Карачая, то есть был духовным главой мусульман и шариатским судьей. Благодаря ему, была открыта примечетская школа в ауле Хурзук, где учащиеся обучались основам религии. Сам Кючюк-хаджи Байрамуков много времени уделял проповедям среди населения. По некоторым данным, он содействовал направлению на учебу в Дагестан многих представителей карачаевского народа, в том числе и известного религиозного деятеля того времени Хамзат-хаджи Кубанова [Лайпанов 1994: 3].

По сообщению источников, К.Д. Байрамуков в октябре 1828 г. участвовал в известных событиях на Хасаука. Однако после заключения договора о вхождении Карачая в состав Российской империи Кючюк-хаджи Байрамуков честно служил русскому государству. Как отмечает исследователь Ш.М. Батчаев, в конце 40-х годов XIX в. он был удостоен чина прапорщика русской армии. В августе 1850 г. Кючюк-хаджи Дебоевич Байрамуков вместе с 32 представителями карачаевского народа принимал участие во встрече с цесаревичем Александром Николаевичем, впоследствии ставшим императором Александром II [Батчаев 2006: 11].

Дебо улу Кючюк известен и как выдающийся поэт. Ряд исследователей придерживаются мнения, что он был автором слов песен «Хасаука» и «Умар», посвященных событиям Кавказской войны.

Источники утверждают, что в 1829 г. Кючюк Байрамуков встречался с великим русским поэтом А. С. Пушкиным. А. Узденов в статье «Пушкин бла Къарачай» («Пушкин и Карачай»), опубликованной в газете «Къарачай» 16 февраля 2006 г. приводит аргументы в пользу предполагаемого события. По мнению автора, ряд отрывков из стихотворения «Тюбешу» («Встреча») Кючюк-хаджи посвятил Александру Сергеевичу Пушкину. Вместе с тем, напоминая о пребывании в 1829 г. великого русского поэта на Кисловодской кордонной линии, границы которой доходили до верховьев Кубани, А. Узденов допускает, что встреча двух выдающихся людей могла состояться именно там [Узденов 2006].

Исследователи придерживаются различного мнения о времени смерти Кючюк-хаджи Дебоевича Байрамукова. Профессора А.Д. Койчуев [Койчуев 2006: 19] и Т.Ш. Биттирова [Эски къарачай-малкъар адабият 2002: 37] данное событие относят к 1862 г. Профессор К.Т. Лайпанов [Лайпанов 1994: 3], кандидат исторических наук З.К. Лайпанова [Лайпанова 2008: 36], а также исследователи Р.Т. Хатуев и Р.С. Тебуев [Тебуев, Хатуев 2002: 124] полагают, что это произошло в 1850 г. Ш.М. Батчаев считает, что период жизни Дебо улу Кючюка следует определять хронологическими рамками конца XVIII в. – после 1850 г. [Батчаев 2006: 11]. На основе имеющихся по этому поводу мнений, мы можем с полным основанием констатировать, что Кючюк-хаджи Байрамуков умер не ранее 50-х гг. XIX в. Подтверждением служит уже упоминавшийся исследователем Ш.М. Батчаевым факт состоявшейся в августе 1850 г. встречи Кючюк-хаджи Дебоевича Байрамукова с цесаревичем Александром Николаевичем. Отсюда явно следует, что зафиксированный некоторыми исследователями 1849 г. как дата смерти К.Д. Байрамукова не может быть точным.

Магомет Кючюкович Байрамуков (Мухаммат-апенди) также являлся кадием Карачая. Был известен как один из инициаторов открытия в 1878 г. первого в Карачае светского образовательного учреждения – Учкуланского начального училища. Вложил много сил в распространение просвещения среди соплеменников. Магомет Байрамуков (Мухаммат-апенди) умер в 1898 г.

Немаловажную роль в просвещении карачаевцев сыграл также выпускник Стамбульского университета эфенди аула Учкулан Хусейн Урусов. Благодаря ему, многие представители Карачая могли обучаться на карачаевском и русском языках. В 1910 г. заслуги Хусейна-эфенди в сфере просвещения отмечались издававшимся в Париже журналом «Мусульманин» [Дотдаев 2003: 108–109].

Раскрывая роль карачаево-балкарских просветителей в развитии культуры народа, нельзя обойти вниманием известного религиозного и общественного деятеля Карачая, просветителя и создателя первого карачаевского алфавита на основе арабской графики Исмаила Якубовича Акбаева. Он родился в Теберде в зажиточной семье. Его отец, известный религиозный и общественный деятель, совместно с Асланбеком и Магомет-Мурзой Крымшамхаловыми, Асланмырзой Боташевым и Джембарбеком Байрамкуловым добился открытия в ауле Карт-Джурт одноклассной школы. Якуб Акбаев, по мнению исследователей, был одним из первых учителей карачаевских светских школ.

После завершения обучения в начальной школе в родном ауле по решению родителей молодой горец отправился в Верхний Баксан к родственникам матери Эфендиевым. Здесь он приобрел первые представления о мусульманской грамоте, обучаясь в известной арабской школе. Впоследствии Исмаил Акбаев с отличием окончил высшее исламское учебное заведение – медресе в Казани, считавшееся в тот период центром мусульманского богословия в России. Далее образование он продолжил в школе знаменитого тюркофила И. Гаспринского в Крыму. После этого Исмаил обучался в Тифлисской учительской семинарии, а также в Баку и Стамбуле [Дотдаев 2003: 77]. Исследователи отмечают, что Исмаил Якубович Акбаев обладал обширными познаниями в философии, астрологии, этнографии, истории, географии. Достаточно хорошо владел арабским, турецким, персидским, русским, черкесским и другими языками. Был знаком с трудами многих восточных поэтов и писателей. Среди философов ценил выдающихся мыслителей Ибн-аль-Мукаффа, Вахб Ибн-Мунаббиха, Джахиз аль-Газали [Эски къярачай-малкъар адабият 2002: 106–107].

Известно, что свои знания и опыт Акбаев использовал на благо карачаевского народа. Первоначально работал в мезерте в ауле Верхняя Теберда. 1898–1917 гг. – время пребывания И.Я. Акбаева в должности законоучителя Верхнетебердинского трехклассного училища. Наблюдая за ходом учебного процесса в школах, карачаевский просветитель был занят поиском путей реформирования системы образования. Им применялись новые методы обучения и изучения мусульманской религии. Он полагал, что учебные заведения должны освободиться от схоластики и догм. В программу начальной школы им были введены естествознание, математика и география. Учащиеся также знакомились с русской литературой. Это говорит о том, что выдающемуся религиозному деятелю не были чужды и светские проблемы. Как и многие его соплеменники, он не был противником вовлечения карачаевцев в орбиту русской цивилизации, ибо понимал, что только образование и культура помогут народу еще больше повысить культурный уровень. Он был сторонником женского образования. В 1918 г. вместе с С.М. Халиловым добился основания в Теберде первой женской школы для обучения карачаевских девочек [Карачаево-балкарские деятели культуры... Т. 2. 1996: 73].

По данным исследователей жизненного и творческого пути Исмаила Акбаева, хорошее финансовое и экономическое состояние позволило ему помогать учебным заведениям Карачая, студентам высших и средних учебных заведений за его пределами. Вырученные от предпринимательской деятельности средства шли на издание книг, передовой литературы для медресе и светских школ Карачая и Балкарии. В 1910 г. в типографии В. Мавраева в г. Темир-хан-Шура он выпустил «Учебное пособие для первоначального обучения детей письму и чтению» на карачаево-балкарском языке. Спустя два года там же при содействии дагестанского арабиста Джамалутдина Султанова вышел переведенный И. Акбаевым «Иман-Ислам» под названием «О вероучении ислама на карачаевском языке». В 1914 г. в том же городе в журнале «Утренняя звезда» была опубликована поэма «Воспоминание о пророке». В тот же период увидели свет и другие его книги на арабской графике. Вместе с тем из печати не вышел подготовленный им учебник по природоведению для начальных классов. Не был издан и составленный «Карачаево-русский словарь» («Тылмач») на 12000 слов.

Наряду с этим, Исмаил Якубович Акбаев с 1914 г. был активно занят поиском наиболее приемлемого для карачаево-балкарского языка алфавита. Решить данную проблему пытались многие представители карачаево-балкарской творческой интеллигенции. Каждый из них, предлагая свой вариант, проделал колоссальную работу в этом направлении, однако удача сопутствовала именно Исмаилу Акбаеву. Это было обусловлено его состоянием и широкими связями, дающими доступ к крупным типографиям.

Из всех имеющихся алфавитов орфоэпике карачаево-балкарского языка подошла латиница, которая, однако, не была известна народу. Итогом стал аджам – письменность на основе арабского алфавита с использованием особых знаков для сохранения специфики языков. Он был разработан дагестанскими учеными. Книги на аджаме Исмаил Акбаев начал писать от руки для учащихся своей школы в Теберде. Ученикам приходилось из года в год их переписывать. И. Акбаев сознавал, что невозможно при таком количестве учебников поставить образование на должный уровень. В 1916 г. в Тифлисе им был выпущен первый учебник на карачаево-балкарском языке – «Ана тил» («Родная речь»), тираж которого составлял 2000 экземпляров. Известно, что на тот момент подобного учебника не имел ни один народ Северного Кавказа, кроме кумыков. В основе макета книги – учебник татарского языка вероучителя закавказской учительской семинарии, азербайджанского педагога, писателя Рашид-бека Эфендиева [Карачаево-балкарские деятели культуры... Т. 2. 1996: 75]. Новый карачаево-балкарский учебник был одобрен Кавказским учебным начальством в Тифлисе.

«Ана тил» стала настольной книгой многих карачаевских и балкарских детей, явилась образцом для последующих составителей учебников. Однако алфавит И.Я. Акбаева и его учебники попали под запрет, ибо царизм не был заинтересован в развитии языка и культуры народов – национальных меньшинств России. Тем не менее, появление карачаево-балкарского алфавита и букваря И.Я. Акбаева с полным основанием можно считать знаменательным событием в культурной жизни народа. Именно об этом говорилось в статье «Начало карачаевской письменности», опубликованной 11 октября 1916 г. в газете «Кубанский курьер». В ней констатировалось, что «комиссией вероучителей-карачаевцев и учителей министерских школ – карачаевцев составлены алфавит карачаевского языка и первый сборник в виде хрестоматии, куда входят много лучших литературных переводных произведений. Кроме того, старшим эфенди Тебердинского аула Исмаилом Акбаевым при ближайшем участии инспектора (народных училищ Кубанской области) Г. Меденика составлены букварь, первая и вторая книги для чтения после букваря на карачаевском языке с целью начать образование карачаевцев на своем родном языке. Попечитель Кавказского учебного округа распорядился выдать эфенди Исмаилу Акбаеву 300 рублей в вознаграждение за его, в высшей степени ценный труд. Таким образом, Исмаилом Акбаевым и Г. Медеником положено начало письменности карачаевского народа...» [Карачаево-балкарские деятели культуры... Т. 2. 1996: 74–75]. «Ана тил» Исмаила Акбаева использовался в школах Карачая и Балкарии в первые годы Советской власти и вплоть до 1924 г. [Карачаево-балкарские деятели культуры... Т. 2. 1996]

Известно, что Исмаил Якубович Акбаев достойно и с пониманием встретил установление Советской власти. Он добровольно отказался от своего имущества в пользу государства, активно включился в осуществление мероприятий в сфере просвещения. Он даже не посмотрел на то, что в некоторой степени Октябрьская революция помешала ему продолжить издательскую деятельность. В 1917 г. И. Акбаев прибыл в Санкт-Петербург для публикации своих рукописей, однако в связи с начавшимися событиями рецензенты покинули Россию, не вернув рукописи хозяину.

1922 г. стал временем переезда Исмаила Якубовича Акбаева в Баталпашинск. Здесь он вновь занялся педагогической и литературной деятельностью. Выдающийся просветитель осознавал, что без собственной типографской базы невозможно полноценное развитие культуры карачаевского народа. С целью ознакомления с работой типографий, издателей и издательств Акбаев посетил Москву, Санкт-Петербург, Тифлис, Баку, Ростов, Кисловодск, Пятигорск и ряд других крупных городов. В итоге сам привез в Баталпашинск необходимое оборудование. Однако, здесь не было специалистов в данной области, и он пригласил в 1923 г. из

Тифлиса мастера Алаверди Расулова, наладившего печатное оборудование и обучившего первых типографистов. Среди них были Исмаил Акбаев, Осман Урусов, Абдулкерим Халкечев, Ахмат Кайсынов [Койчуев 2002].

С 1924 г. Исмаил Якубович Акбаев работал в редакциях газет, книжных издательствах. Он никогда не отходил от идеи просвещения населения. В 1926 г. вместе с балкарским просветителем и ученым И.А. Абаевым издал в Москве один из первых советских учебников на карачаево-балкарском языке «Бизни кючюбюз – бизни джерибиздеди» («Наша сила – в нашей земле»). Начало 1926–1927 гг. ознаменовалось выходом в свет ряда учебников и учебных пособий с участием Исмаила Акбаева.

Исмаилу Якубовичу Акбаеву не удалось избежать сталинских репрессий. В начале 30-х годов он был отстранен от педагогической и издательской деятельности. Под запрет попала большая часть подготовленного им к публикации. В августе 1937 г. Исмаила Акбаева арестовали и расстреляли в Черкесске, о чем сообщают в своих трудах исследователи С.Б. Узденова [Узденова 1994: 109], А.Д. Койчуев [Койчуев 2002] и другие.

Таким образом, жизненный путь известных деятелей исламского просвещения свидетельствует о том, что они не только занимались конфессиональными, но и светскими проблемами своего народа. В центре их внимания стояли вопросы обучения соплеменников, для чего ими прилагались значительные усилия в деле открытия светских учебных заведений. В таких образовательных учреждениях учились зачастую и их дети. Кроме вышеупомянутого кадия Магомета Байрамукова, устроившего во вновь открываемые школы своих сыновей, следует назвать и еще одного духовного лидера Карачая – Джагафара Хачирова. Известно, что его дочери учились в светских учебных заведениях. Это говорит о том, что эти люди не заикливались только лишь на догмах вероучения, которое они исповедовали. Им не были чужды светские ценности, которые проникали в Карачай с его вхождением в состав России.

Нарастающее присутствие России на Кавказе способствовало появлению первых светских просветителей из числа карачаево-балкарцев, многие из которых получили основательное образование в учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Ставрополя и ряда других российских городов. После завершения обучения и возвращения на родину они обращали свои взоры и помыслы на развитие просвещения и культуры соплеменников, главную задачу видели в приобщении их к передовой мировой и российской культуре. Ими выдвигалась прогрессивная идея сочетания национального и интернационального воспитания, отстаивались требования обучения детей на родном языке, женского образования, а также формирования трудовых навыков. Овладев достаточно хорошо русским языком и письмом, возвратившись в свои аулы, просветители становились переводчиками, чиновниками в учреждениях, созданных властями в Нальчике и Баталпашинске. Иными словами в регионе появлялась пророссийски ориентированная интеллигенция.

Карачаево-балкарские деятели просвещения активно занимались изучением устного народного творчества, собирали фольклор, публиковали его, тем самым доносили до российского читателя. Так, благодаря балкарцам Сафар-Али и Наурузу Урусбиевым впервые стали известны карачаево-балкарские «Нартские сказания». Они были опубликованы в 1879 г. Сафар-Али Урусбиевым [Карачаево-балкарские деятели культуры... Т. 1. 1993: 36–38].

Сафар-Али Исмаилович Урусбиев, первоначально обучался в медресе Урусбиевского поселка у ученого-богослова из Дагестана Искандера-эфенди. Известно и то, что он учился и у русского учителя.

1872–1880 гг. – период пребывания Сафар-Али Урусбиева во Владикавказском реальном училище, где давалось среднестатистическое образование. Здесь

же он принял активное участие в деятельности Владикавказского революционно-го кружка народников, в котором состояли и балкарцы Кайтук и Мисост Абаевы. Мировоззрение Урусбиева формировалось под влиянием представителей горской интеллигенции, озабоченных тяжелой жизнью своих народов и стремившихся поставить народное образование на необходимый уровень.

В 1879 г. С.-А. Урусбиевым были опубликованы «Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области». П. Остряков отмечал, что «им (Наурузу и Сафар-Али) дороги памятники родной поэзии, и они с прискорбием боятся, что не найдется человека, который бы хотя бы в русском переводе сохранил заветные песни. Желание и любовь их доходит до того, что оба брата наперерыв предлагали мне быть переводчиком и комментатором...».

После окончания Владикавказского реального училища Урусбиев в 1880–1881 учебном году поступил в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию в Москве, созданную в 1865 г. по инициативе Московского общества сельских хозяев. Ему была назначена стипендия Лорис-Меликова. Кроме него, здесь учились Индрис Шанаев, Ефим Газданов, Д. Голиев и многие другие. Обучаясь в данной академии, Сафар-Али Урусбиев в то же время занимался и изучением карачаево-балкарского фольклора. 1881 г. ознаменовался изданием С.-А. Урусбиевым на русском языке нартских сказаний балкарцев. Следует отметить, что предисловие к ним «Несколько слов от составителя и переводчика», посвященное проблеме общности нартского эпоса, а также комментарии к сказаниям, положили начало исследованию эпоса карачаево-балкарцев.

Исследователи справедливо полагают, что труды С.-А.И. Урусбиева явились основой для энциклопедической статьи «Нартские богатыри», помещенной в 40-м томе словаря Брокгауза и Ефрона, вышедшем в 1897 г. По сообщению источников, в 1883 г. Сафар-Алий Исмаилович Урусбиев сопровождал В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского в поездке по Балкарии, помогая им в сборе полевого материала по этнографии и фольклору балкарцев и был у них переводчиком.

С 1885 по 1887 гг. С.-А.И. Урусбиев был занят изучением практического садоводства в Крыму. В 1887 г. Сафар-Али Исмаилович Урусбиев становится лесничим слободы Воздвиженская Грозненского округа. 9 февраля 1891 г. его перемещают на аналогичную должность во 2-ом ветлужском II разряда лесничестве Костромской губернии, откуда через год переводят в Угличское лесничество Ярославской губернии. В исторической литературе бытует версия, согласно которой Урусбиев был сослан в город Углич навечно за участие в революционных событиях рубежа XIX и XX вв. По мнению исследователя Р.Д. Дотдаева, выдающегося просветителя наказали за активную деятельность по воссозданию народной культуры и попытку разработки новой письменности на родном языке [Дотдаев 2003: 18]. Профессор Т.Ш. Биттирова подвергает сомнению сам факт ссылки С.-А. Урусбиева. Она пишет, что «анализ обнаруженных документов дает основание и для такого вопроса: а был ли Сафарали сослан вообще? Ибо при этом он не был ни в чем ущемлен. Иначе чем объяснить, что он неоднократно был избираем в органы земской управы, носил свой почетный титул князя, в 1907 году даже был награжден орденом св. Станислава 3-й степени? К 1915 году Сафарали Урусбиев имел чин надворного советника» [Карачаево-балкарские деятели культуры... Т. 1. 1993: 39].

Имеющиеся источники не указывают точной даты смерти Урусбиева. Последнее упоминание о нем относится к 1917 г, когда в своем очерке «К портрету князя Н.И. Урусбиева» В. В. Дубянский сообщает, что брат Науруза «служит по корпусу лесничих в министерстве земледелия и государственных имуществ» [Карачаево-балкарские деятели культуры... Т. 1. 1993: 39].

Представители карачаево-балкарской творческой интеллигенции выступали и в качестве публицистов. Многие из них в статьях на страницах периодической печати отражали собственное видение существующих социально-экономических

проблем, настаивали на необходимости коренных перемен в обществе. Богатством фактического материала отличались работы Ислама Крымшамхалова, Исмаила Акбаева, Хызыра Халилова, Аубекира Батчаева, Наны Токова и ряда других авторов, которые говорили о необходимости просвещения и развития народа при сохранении его самобытности.

Выдающимся просветителем конца XIX – начала XX вв., одним из первых учителей русского языка среди карачаевцев, пропагандистом и организатором светского новометодного образования в Карачае был уроженец аула Карт-Джурт Иммолат Шогаевич Хубиев. После окончания местной школы он продолжил обучение в Ставропольской учительской семинарии. Получив здесь знания, Иммолат Хубиев работал в учебных заведениях аулов Учкулан, Джазлык, Джегута, Карт-Джурт. Воспитанный на передовых идеях, Иммолат Шогаевич Хубиев стремился приобщить свой народ к русской культуре.

И.Ш. Хубиев главной задачей считал осуществление всеобщего обучения детей. Он был ярким приверженцем идеи женского образования. По его инициативе в Карт-Джуртской школе было создано отделение для девочек. Наряду с этим, в статье, опубликованной 30 апреля 1910 г. в газете «Кубанские областные ведомости», Хубиев высказался за политехническое образование и трудовое воспитание. Он уделял огромное внимание обучению грамоте взрослого населения.

Просветительские взгляды И.Ш. Хубиева изложены в таких его статьях, как: «Клич друзьям трезвости», «Карачай», «Несколько слов о современном просвещении народа», «Несколько слов о Карачае» и т.д. В них автор рассматривает наиболее насущные проблемы, которые стояли перед карачаевским народом. И.Ш. Хубиев показывает ту значительную роль, которую должно играть просвещение в борьбе с различными пороками. Школу он считал не только учреждением, содействующим семье в подготовке юной смены к жизни, труду, в приобщении к культуре, но и важным очагом духовной жизни населения. Особая роль в решении поднятых просветителем проблем принадлежит духовенству, которое, по мнению Хубиева, не должно стоять в стороне.

В 1918 г. представитель Карачая возглавил культурно-просветительское направление Отдела горцев Кавказа при Наркомнаце. Факты свидетельствуют, что в этом же году он был избран членом исполкома и заместителем председателя совнархоза Большого Карачая.

В период денкинской оккупации Иммолат Хубиев занимался активной агитационной работой среди населения, призывая к борьбе с контрреволюцией. В 1918 г. И. Хубиев и А. Аджиев были арестованы белогвардейцами и приговорены к смертной казни «за агитационную деятельность против добровольческих отрядов, ведущих войну с большевиками, и прежнюю службу советским властям» [ГА КЧР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11: 21]. Однако вследствие крайнего недовольства трудящихся Карачая атаману отдела пришлось заменить смертный приговор штрафом в 10 тысяч рублей с каждого [Узденова 1994: 116–117].

После восстановления Советской власти Хубиев на учредительном съезде народов Горской Республики, состоявшемся в 1920 г. во Владикавказе, утверждается заместителем председателя исполкома Карачаевского Национального Округа. Впоследствии его избирают председателем исполкома Малокарачаевского района. 30-е гг. XX в. стали периодом работы Имمولата Хубиева директором Северо-Кавказского краевого музея в г. Ростове-на-Дону. В то же время Хубиев исполнял обязанности секретаря комиссии по составлению нового карачаевского алфавита на основе русской графики [ГА СК. Ф. 11. Оп. 2. Д. 361: 4]. В 1937 г. Иммолат Шогаевич Хубиев вместе со своим зятем У.Д. Алиевым подвергся репрессиям. Реабилитирован посмертно.

Таким образом, представители карачаево-балкарской интеллигенции сыграли важную роль в культурном развитии народа. При этом они были заняты не только

проблемами чисто этнического характера, но и считали необходимым просвещение своих соотечественников в контексте русской культуры.

Источники и литература

1. *Батчаев Ш.М.* Джэгдай. Ставрополь: ГУПСК «Краевые сети связи», 2006. 272 с.
2. ГА КБР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 85. ЛЛ. 28–32.
3. ГА КЧР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 21.
4. ГА СК. Ф. 11. Оп. 2. Д. 361. Л. 4.
5. *Дотдаев Р.Д.* Становление и развитие культуры карачаевцев в дооктябрьский период (XIV–XX вв.): Дисс... канд. ист. наук. Карачаевск: КЧГПУ, 2003. 183 с.
6. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX вв. Избранное: В двух томах. Т. 1 / сост., предисловие, статьи об авторах, комментарии Т.Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 1993. 264 с.
7. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX вв. Избранное: В двух томах. Т. 2 / сост., предисловие, статьи об авторах, комментарии Т.Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 1996. 264 с.
8. *Койчугев А.Д.* Биринчилени биринчиси (Первый среди первых) // Карачай. 2002. 25 ноября.
9. *Койчугев А.Д.* Карачай: вопросы истории, культуры и религии. Ставрополь; Карачаевск, 2006.
10. *Лайпанова З.К.* Просветители Карачая и Черкесии. Черкесск, 2008. 120 с.
11. *Лайпанов К.Т.* Уллу поэт Дебо улу Кючюк-хаджи (Великий поэт Дебо улу Кючюк-хаджи) // Къарачай. 1994. 22 июня.
12. *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев М; Ставрополь, 2002.
13. *Узденов А.* Пушкин бла Къарачай (Пушкин и Карачай) // Къарачай. 2006. 16 февраля.
14. *Узденова С.Б.* Народное образование и педагогическая мысль в Карачае и Черкесии (до Октября 1917 г.). Пятигорск: Издательство Пятигорского государственного пединститута иностранных языков, 1994. 136 с.
15. Эски къарачай-малкъар адабият. (Традиционная карачаево-балкарская литература) / сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. 302 с.

MAIN TENDENCIES IN DEVELOPMENT OF EDUCATION IN KARACHAY AND BALKARIA IN THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Chotchayev Dahir Dzhansokhovich, senior teacher of Russian History Department of Karachay-Cherkess State University named U.D. Aliyev, tchotchayev-dahir@yandex.ru

This article discusses the activities of the well-known enlighteners of Karachai and Balkaria in the XIX – early XX centuries. The author also refers to the beneficial influence of Russian culture on the formation of the worldview of representatives of the mountain intelligentsia. The work reflects the decisive and progressive role of representatives of religious education in the region. The study analyzed the activities of such prominent theologians of Karachai and Balkaria as Kucuk-Hadji Deboevich and Muhammad-upendi Kucukukov Bayramukovs, Hussein-effendi Urusov, Ismail Yakubovich (Chokuna-effendi) Akbaev, Dzhagafar-effendi Akhmatov.

The article also discusses the role of representatives of the Karachay-Balkarian creative intelligentsia, who made a great contribution to the development of secular education, in introducing the Karachais and Balkars to Russian civilization. Among them were: Safar-Ali Ismailovich and Nauruz Ismailovich Urusbiev, Islam Pashaevich Krymshamkhalov, Khizir Magomedovich Halilov, Aubekir Batchaev, Nana Hasanovich Tokov, Immolat Shogaevich Khubiev. The author also reflects the enormous contribution that the mountain intelligentsia made to the formation of secular education.

Keywords: creative intelligentsia, enlighteners, school of education, public education, three-grade school, alphabet, «Ana til», enlightenment.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-14-21

Н.А. КАТХАНОВ: РОЛЬ И МЕСТО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Кармов Амерби Хазретович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), karmovamerbi@mail

В статье анализируются историография исследуемой проблемы. В ней отмечается большой вклад республиканских историков в изучении жизни и деятельности одного из активных участников революционного движения в Кабардино-Балкарии Назира Катханова. Личность его весьма неоднозначна и противоречива. Будучи проповедником мусульманской идеологии, он стал одним из рьяных апологетов советской власти. Из числа своих воспитанников сохст он сформировал военизированную сотню, ставшую впоследствии основой шариатского полка.

В самые критические дни, когда терское казачество и белогвардейцы, которые оперировали в районе Владикавказа, единым фронтом пошли против советской власти, а в Нальчике была ликвидирована советская власть, шариатский полк во главе с Н. Катхановым разогнал шакмановский совет в Нальчике и восстановил здесь советскую власть.

В статье введены в научный оборот новые архивные документы, характеризующие взаимодействие Н. Катханова с осетинским сводным отрядом Д. Тагоева и освобождение Нальчика от белогвардейцев. Также использованы протоколы заседания секретариата обкома ВКП(б) от 25.03.1927 г., О похоронах Башира Катханова и VIII областной партконференции 15-23-января 1927 г., где зафиксированы антикатхановские выступления Бесланеева, Никонова, Бекулова, Карашаева и др.

Ключевые слова: Н. Катханов. Б. Калмыков, медресе, учительская семинария, шариатский полк, 1-я шариатская колонна, репрессия, Моздок.

В истории Гражданской войны на Северном Кавказе трудно найти столь противоречивую и неординарную фигуру как личность Н.А. Катханова. Он стал жертвой политических репрессий, развернувшихся вскоре после победы советской власти в Кабардино-Балкарии. Хрущевская «оттепель» лишь только приоткрыла занавес жестокой эпохи сталинизма. Тем не менее, она сыграла свою роль в реабилитации многих необоснованно и невинно осужденных и расстрелянных граждан, в том числе и Н.А. Катханова.

Следует подчеркнуть, что когда общество находится в полной изоляции от объективной информации, когда ценные архивные материалы спрятаны за семью печатями и историкам – исследователям они недоступны, этот пробел заполняется слухами, которые воспринимаются им, как непреложная истина. В таких условиях формировался образ Н. Катханова как жертвы борьбы с всемогущим Б. Калмыковым, на совести которого десятки и сотни загубленных жизней, тысячи исковерканных судеб.

Провозглашенная М.С. Горбачевым концепция ускорения и перестройки экономической и общественно-политической жизни при всеобщей гласности и открытости внесла существенные коррективы в формировании общественного сознания. Резко повысилась степень заинтересованности общества в открытом и объективном обсуждении «былых пятен» нашей истории. Одним из них была

судьба Н.А. Катханова. На страницах республиканских газет и журналов появились статьи, посвященные ему. Правда, эти публикации не в достаточной степени были обеспечены документальной базой, многие из них носят эмоциональный характер, а иногда приводятся данные, несоответствующие действительности. Так, в одном из номеров газеты «Кабардино-Балкарская правда» была опубликована статья Курашинова З.П., в которой сообщалось, что Н. Катханов окончил реальное училище. Между тем он никогда не учился в данном учебном заведении хотя бы потому, что к открытию реального училища в 1909 г. ему шел девятнадцатый год, и он перерос возраст для поступления в училище.

Тем не менее, они имели большое значение с точки зрения постановки проблемы.

В этой связи уместно отметить значение указа президента России в 1992 г. о рассекречивании документов, связанных с массовыми репрессиями и другими нарушениями прав человека, который несколько улучшил положение исследователей, получивших доступ к некоторым архивным материалам [<http://www.kremlin.ru/acts/bank/1534>. Дата обращения 20.12.2019].

Были введены в оборот новые архивные документы, проливающие свет на картину событий времен гражданского противостояния и начала строительства новой жизни. Эти и другие источники легли в основу публикаций о Н.А. Катханове, появившихся на страницах газет и журналов Кабардино-Балкарии. Однако ограниченный формат настоящей статьи не позволяет анализировать их в полном объеме. Тем не менее, отметим, что в советской историографии образ Н.А. Катханова рисуется как образ борца за народное счастье, стоявшего на платформе революционного шариатизма. Последнее обстоятельство в советское время воспринималось как признак идеологической неустойчивости и политической близорукости.

После деидеологизации советского общества и распада СССР в средствах массовой информации и научных изданиях появились различные оценочные суждения о личности Н. Катханова, простирающиеся от негодования той негативной ролью, которую он сыграл в жизни кабардинского народа в сентябре 1918 г. [Боров и др. 1999:46] до восторга его способностью сформировать из кабардинцев и осетин боевой отряд и под лозунгом «Да здравствует Советская власть и шариат» повести его на Нальчик [Текуева. <http://regiment.ru/Lib/D/93>. Дата обращения 21.10.2019]. И в этом нет ничего удивительного, поскольку каждый исследователь имеет свое видение и свое восприятие исторических процессов, касающихся судеб народов и государств.

М. Текуева опубликовала ряд научных статей, посвященных Н. Катханову [Текуева Исламское движение в Кабарде и Балкарии во время Гражданской войны на Тереке [<http://regiment.ru/Lib/D/93.htm>. Дата обращения 21.10.2019; Текуева 1990; Текуева 2008]. В этих работах автор выявляет неизвестные факты из биографии Н. Катханова, показывает героизм, проявленный им в годы Гражданской войны, анализирует его деятельность в послевоенный период как в КБАО, так и за ее пределами.

В статье Х. Мамсирова, посвященной Н. Катханову, анализируется многогранную деятельность последнего на новом и очень ответственном посту уполномоченного национального отдела ГЭУ ВСНХ СССР по Северному Кавказу, который отвечал за финансовое и материально-техническое обеспечение промышленности в национальных районах Северного Кавказа. Особую ценность имеет доклад Н. Катханова, представленный 29 января 1926 г. председателю Северокавказского крайисполкома Богданову, в котором раскрывается глубокое знание особенностей экономического развития в регионе и отображаются его огромные усилия в деле восстановления промышленности, разрушенной в годы Гражданской войны на Северном Кавказе [Мамсиров 2019].

Кандидатская диссертация Т. Дзуганова была посвящена Кабардино-Балкарскому национальному представительству, в которой анализируется деятельность Н. Катханова по обеспечению взаимодействия с центральными государственными учреждениями для ускоренного решения экономического и социально-культурного возрождения области [Дзуганов 2004: 5].

Важное место в изучении общественно-политической и государственной деятельности Н. Катханова занимают работы его сына – К. Катханова. Они появились в средствах массовой информации в 90-е годы прошлого века. Так, в 1993 г. на страницах газеты «Кабардино-Балкарская правда» был опубликован историко-документальный очерк, в котором он воссоздает образ своего знаменитого отца. Этот очерк стал составной частью его документальной повести «Назыр», изданный в Москве в 1997 г. [Газета Кабардино-Балкарская правда. Март 1993. № 46–50]. В 1998 г. это произведение с исправлениями и дополнениями было переиздано [Катханов 1998].

Во вводной части автор подчеркивал, что главной целью данной повести является освобождение биографии отца от лжи и наветов, накопившихся десятилетиями после его расстрела. Он отмечает, что в основе повести положены рассказы родных, родственников и близких людей о жизни и деятельности Н. Катханова, доступные архивные материалы и личные воспоминания членов семьи Н. Катханова.

Третье переиздание (Литературная обработка Р.Т. Афауновой; послеслов М.А. Текуевой) состоялось в Нальчике в 2008 г. [Катханов 2008]

Очевидно, что революционное движение в Кабарде и Балкарии и начало строительства новой жизни народ связывал с именами Н. Катханова и Б. Калмыкова. В этой связи уместно напомнить, что в романе А. Кешокова «Вершины не спят» прототипом Матханова являлся Н. Катханов. На это прямо указывают созвучие фамилий и род их деятельности. Как пишет А.М. Гутов, «...еще в 60-х гг. неожиданно для всей отечественной литературы (А. Кешоков – А.К.) вывел образ типичного «попутчика» новой жизни Казигирея Матханова, как личности весьма симпатичной и благородной в своих устремлениях. Пойдя еще дальше, писатель выписал образ партийного «вожака» не традиционно однозначным, а вполне человеческим, с человеческими изъянами. Все это было для того времени на грани крамолы» [Гутов 2003: 78–79].

Следует согласиться с утверждением, что общественно-политическая и государственная деятельность Н. Катханова до сих пор мало изучена. Особенно это касается периода между двумя революциями и началом Гражданской войны на Северном Кавказе. По сути дела мы узнаем Н. Катханова, как религиозного деятеля и как значимую фигуру общественно-политической жизни Кабарды и Балкарии в период работы IV съезда народов Терека во Владикавказе и IV съезда народов Нальчикского округа, т.е. в августе 1918 г.

В опубликованных материалах до августовских событий 1918 г. деятельность Н. Катханова в исламском движении Кабарды и Балкарии не просматривается. Еще менее выражена его связь с лидерами этого движения. Известно только то, что Н. Катханов учился в медресе, которое было перенесено в Нальчик и преобразовано в 1917. в учительскую семинарию. Из-за отсутствия средств на содержание штатных учителей «К преподаванию в младших классах привлекались самые подготовленные из старших учеников (например, Н. Катханов), которые за свой труд ничего не получали и работали из альтруистических побуждений, питаюсь вместе с сохстами и живя в их общезитии» [Адаб... 1991: 32]. Видимо тогда формировалось единство взглядов Н. Катханова и его подопечных на окружающий мир на основе шариатского постулата. Вряд ли Н. Катханов в то тревожное время занимался глубоким анализом этико-правовых норм ислама, скорее всего его больше интересовала практическая сторона проблемы с точки зрения возможности использования шариатской идеологии в своих политических целях.

Н. Катханов понимал, что пожар Гражданской войны, разразившейся на Дону и Кубани в феврале 1918 г., не обойдет Северного Кавказа. На этом фоне вполне обосновано выглядит вывод М. Текуевой «...о существовании уже с весны-лета 1918 г. кавалерийской сотни, которая и явилась ядром будущего войска» [<http://regiment.ru/Lib/D/93.htm>. Дата обращения 21.10.2019]. Более того, с высокой долей уверенности можно утверждать, что Н. Катханов никогда не прекращал работу над расширением контингента шариятистов и совершенствованием внутренней организацией данного полувоенного формирования, вскоре оказавшегося востребованным.

В начале июня 1918 г. пламя Гражданской войны близко подобралось к границам Кабарды и Балкарии. Сподвижник ген. Деникина полк. Шкуро в районе Кавказских Минеральных Вод поднял восстание. В это же время контрреволюционные силы терского казачества во главе с меньшевиком Георгием Бичераховым подняли вооруженный мятеж против советской власти в Моздоке. На казачье-крестьянском съезде, состоявшемся 23 июня 1918 г., был избран так называемый «казачье-крестьянский совет» во главе с меньшевиком Г. Бичераховым. Моздокское правительство назначило командующим вооруженными силами Моздокской контрреволюции генерала Ельмурзы Мистулова, который объявил войну советской власти на Тереке. В этих чрезвычайно сложных условиях началась подготовка к IV съезду народов Терека. Для обсуждения положения на Тереке, сложившегося в результате Моздокского контрреволюционного мятежа и принятия необходимых мер по организации отпора антибольшевистским силам 23 июля 1918 г. во Владикавказе начал работать IV съезд народов Терека. На этот съезд прибыла кабардино-балкарская фракция во главе с Калмыковым и Энеевым в составе 76 человек [Улигов 1979:176]. По сути, Кабарда и Балкария остались без политического руководства. В этих условиях 6 августа 1918 начал работу IV Нальчикский окружной народный съезд. На нем присутствовали делегаты от 46 селений Большой Кабарды и Балкарии. Представители Малой Кабарды, отрезанные от остальной части Нальчикского округа восставшими казачьими станицами, не смогли прибыть на окружной съезд. Тем не менее, съезд признал себя правомочным для разрешения всех вопросов, поставленных на повестку: о ходе мирных переговоров IV областного съезда с казаками; выборы комиссара Нальчикского округа и его помощника; выборы окружного народного совета; земельный вопрос. В первый день работы съезд заслушал доклады о борьбе с чумой, охватившей рогатый скот, о ходе мирных переговоров областного съезда с восставшими казаками и другие [Документы по истории...1983: 208–209].

На второй день работы окружного съезда были избраны Бекмурза Карачаев начальником округа, его помощником – Ломако. В тот же день был избран окружной народный совет. Он оказался в руках либерально-демократической интеллигенции.

Первым серьезным испытанием нового состава Нальчикского окружного совета явилось сообщение военного комиссара Нальчикского округа А. Крутова о взятии восставшими казаками центра Терской республики Владикавказа и аресте некоторых ответработников Совнаркома. В связи с этим он передал окружному съезду просьбу Владикавказа об оказании военной помощи. В свою очередь А. Крутов предложил атаковать один из трех полков мятежников, дислоцированных в районе Ардонской. Однако вместо ожидаемых решительных действий по оказанию военной помощи Владикавказу, съезд после долгих прений постановил: «Ввиду важности этого вопроса обсудить его в селениях и продолжать съезд с 12 августа. Назначить военным комиссаром Темиркана Хурзанова ...» [Документы по истории борьбы...1983: 210–211].

Съезд возобновил свою работу 14 августа. После обмена мнениями по вопросу текущего политического момента он поручил комиссии из духовных лиц

сообщить, как смотрит шариат на вопрос о войне и мире. Духовная комиссия пришла к заключению: по отношению к войне и миру держать нейтралитет [Документы по истории борьбы... 1983: 212]. Делегаты съезда надеялись на мирное разрешение конфликта между казаками и большевиками Терека, полагая, что вступление в вооруженное противостояние на какой бы то ни было стороне обострит и без того напряженную ситуацию на Северном Кавказе и приведет еще к большим жертвам. Поэтому съезд принял постановление временно держать нейтралитет до выяснения причин, вызвавших войну и положение других народов области. Одновременно он принял решение послать делегацию в штаб советских войск и узнать там положение дел, если дело позволит, послать в казачий штаб, в Малую Кабарду и Большую Кабарду, чтобы выяснить, кем и насколько разорены населения округа, лежащие в пограничной полосе.

По уверждению Б. Калмыкова, к Бичерахову в качестве делегатов были посланы Тамбиев, Куныжев, Кармов, Катханов. Бичерахов, как опытный дипломат, встретил их тепло и радушно чуть не с распростертыми объятиями. Он решил использовать делегацию в своих политических целях. Для этого он рекомендовал ей ехать в Малую Кабарду и организовать агитацию в поддержку восставших казаков. Однако малокабардинцы встретили их враждебно и заставили их поехать во Владикавказ. По прибытии туда делегаты были арестованы красноармейцами. В то время Б. Калмыков находился во Владикавказе в составе кабардино-балкарской фракции для участия в работе IV съезда народов Терека. Вспоминая об этом периоде революционной деятельности, Б. Калмыков писал: «Когда мне сообщили об аресте делегации, я немедленно отправился в комендантское и увидел там арестованного Катханова. Его тотчас освободили. Катханов заявил «Я понял, что эти люди – подлые люди. Я отныне отрекаюсь от них. Я буду отныне верным работником советской власти» (*Катханов говорил о Бичерахове и пр.*)

Мы освободили из политических соображений всю делегацию» [Калмыков 1983: 42].

Н. Катханов вместе с Калмыковым выехал в Малую Кабарду. Здесь, как пишет Б. Калмыков, он Н. Катханову «...выдал мандат на организацию в Большой Кабарде красных воинских частей. Имея также бумаги от казачьего штаба, Катханов беспрепятственно проехал в Большую Кабарду. Там он собрал отряд в 300 всадников и двинулся с ними в сторону Нальчика. Отряд вошел в Нальчик вместе с русскими красными частями: национально-шариатский совет был распущен и вместо него образован Народный Совет. Это было в конце сентября 1918 года [Калмыков 1983: 42].

Этому предшествовала большая организационная работа, проведенная Н. Катхановым и его соратниками, которые сформировали в районе сел. Коголкина революционный отряд. Последний стал пополняться вооруженными жителями близлежащих населенных пунктов.

По данным Р.Х. Гугова, была установлена связь с Реввоенсоветом Осетии, и представители братских народов заключили официальный письменный договор о совместных действиях против контрреволюции. Правда, текст этого договора никто из историков не видел.

Р.Х. Гугов со ссылкой на работу «Гражданская война в Северной Осетии» приводит данные о том, что до вступления сводного отряда из кабардинцев и осетин в Нальчик их было 4000 всадников [Гугов 1975: 286].

По этому же вопросу У.А. Улигов пишет, что «25 сентября 1918 г. Катханов со своим трехтысячным кабардинским отрядом и осетинской сотней вступил в Нальчик» [Улигов 1979: 195]. В интерпретации У.А. Улигова основной костяк отряда составляли кабардинцы. Такой вывод вполне обоснован, так как этот отряд из кабардинцев был укомплектован в основном сохстами – сподвижниками Н. Катханова.

Говоря о количественном составе отряда Н. Катханова перед вступлением в Нальчик, создается впечатление, что он определялся воображением информаторов. Иначе как объяснить, тот факт, что в представлении, подписанном всеми делегатами от Северокавказских национальностей на съезде народов Востока в 1920 г. в г. Баку, в Реввоенсовет республики о награждении орденом Красного Знамени бывшего командующего 1-й Ударной Шариатской Советской Колонной на Северном Кавказе Катханова Н.А. четко зафиксировано, что он во главе своего отряда в 1400 всадников под зеленым знаменем шариата вступил в Нальчик.

Наиболее предпочтительными представляются сведения о численном составе отряда Н.Катханова, содержащиеся в ходатайстве, подписанном делегатами Бакинского съезда народов Востока, поскольку они были непосредственными и активными участниками современных революционных процессов.

По взятии Нальчика отрядом Н. Катханова был создан революционный Шариатский Военный Совет и отряд был переименован в Шариатский полк [АЙГИКБНЦРАН. Ф. 55. Л. 2–3].

В тот же день состоялось экстренное заседание Военно-Шариатского Совета, на котором членов окружного (шакмановского) Совета под угрозой силы отстранили от власти.

В день разгона окружного и национального Советов Кабарды Н. Катханов заявил о себе как о крупном революционном деятеле, пользующимся большим авторитетом среди населения.

В то время, когда Б. Калмыков был занят решением политических задач и заседал на съездах и собраниях, Н. Катханов со своим шариатским полком с оружием в руках воевал за советскую власть. Особую популярность он завоевал при подавлении Бичераховского мятежа. По этому поводу А. Тахо-Годи писал: «Ликвидировали Моздок и Бичерахов с компанией бежали. Гнали их и ингуши, и кабардинцы вместе с Красной Армией. Шариат и хурият – лозунг, ставший в Дагестане символом контрреволюции, не нашедший там другого выразителя кроме, как контрреволюционера Гоцинского, – на Тереке нашел нового адепта в лице молодого арабиста и ученого муталима Назира Катханова, который со своей шариатской колонной первый водрузил советское знамя над черным Моздоком. «Молодец Назир Катханов, наш Назир, говорили горцы» [Тахо-Годи 2006: 99].

В условиях приближения Добровольческой армии к границам Нальчикского округа появились первые отряды для защиты населения от наступающих деникинцев.

Областная газета «Народная власть» известила население о том, что еще в декабре 1918 г. выступил на революционный Терско-Кубанский фронт кабардинский шариатский полк, набранный исключительно из жителей Большой Кабарды. Вслед за ним отправились на фронт Мало-Кабардинский и Балкарский полки. Кабардинской дивизией командовал Н. Катханов.

Шли ожесточенные бои с белыми, которые наступали со стороны Пятигорска и Кисловодска [История КБР 1967: 77]

25 января 1919 г. части Добровольческой армии Деникина заняли г. Нальчик. С этого времени до начала марта 1920 г. Кабарда и Балкария находились в зоне оккупации Добровольческой армии Деникина.

Находясь на разных ответственных должностях, в этот тяжелый период борьбы с белой армией, Н. Катханов проявил себя как крупный организатор Кабарде и Балкарии в разгрома северокавказской контрреволюции. Его личная храбрость, мужество и героизм снискали глубокое уважение. Оно выразилось в представлении, сделанном в 1920 г. делегатами съезда народов Востока, проведенном в г. Баку, «... о награждении Н. Катханова орденом Красного Знамени» бывшего командующего 1-й Ударной Шариатской Советской Колонной на Северном Кавказе Назыра Адильгиреевича Катханова за проявленные им подвиги в борьбе

с контрреволюцией на Северном Кавказе в 1918, 19 и 20 гг.» [АИГИКБНЦРАН Ф. 55. Л. 6].

К 10-летию РККА за подписями всех национальных представительств Северного Кавказа при ВЦИК-е было осуществлено повторное представление Н. Катханова к награждению. Однако все эти представления остались без последствия. Лишь только 27 декабря 1990 года Указом Президента СССР М. Горбачева Н. Катханов посмертно награжден орденом Боевого Красного Знамени о за «большой вклад в установление Советской власти на Северном Кавказе, умелое руководство боевыми операциями и проявленные при этом храбрость и мужество» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения 25.11.2019].

Здесь следует подчеркнуть, что в представлениях о награждении Н. Катханова и в других источниках Н. Катханов выступает в качестве командующего 1-й Ударной Шариатской Советской Колонной. Именно в этом качестве его воспринимали в период разгрома Н. Катхановым Нальчикского окружного Совета и Национального Совета Кабарды в сентябре 1918 г.

Для бойцов, подавивших бичераховский мятеж, он также оставался командующим шариатской колонны, хотя к этому времени, т.е. в октябре 1918 г. командующим шариатской колонной был назначен Г.И. Мироненко. Его боевая биография чрезвычайно скудна.

В феврале 1918 г. он вступил в Красную Армию, организовал сотню красных партизан, которая была включена в состав шариатистов Н. Катханова [<http://www.skunb.ru/node/4877>. Дата обращения 25.11.2019].

В этом контексте определенный интерес представляет мандат, выданный Н. Катханову сразу после назначения Г. Мироненко на должность командующего Шариатской колонной председателем Реввоенсовета Северного Кавказа, одним из известнейших революционных деятелей региона Яном Полуяном, в котором говорится: «Дан сей Командующему объединенными войсками Нальчикского и Владикавказского округов тов. Катханову в том, что ему разрешается беспрепятственный пропуск хождения во всех местах расположения революционных войск во всякое время дня и ночи. Имеет право говорить по телефону и телеграфу, беспрепятственный и бесплатный проезд по всем линиям железных и грунтовых дорог. Всем частям, входящим в состав 1-й Ударной Шариатской Советской Колонны беспрекословно исполнять все приказы и распоряжения тов. Катханова. За неисполнение его приказаний подлежат аресту и отстранению от должности. Всем политическим организациям и Советским властям оказывать тов. Катханову самое широкое содействие в его просьбах. Имеет право ношения оружия как огнестрельного, так и холодного, что подписью и приложением печати удостоверяется [АИГИКБНЦРАН. Ф. 55. Л. 17].

Таким образом, содержание данного мандата свидетельствует о том, что практическое руководство шариатской колонной осталось в руках Н. Катханова, а формальное назначение Г. Мироненко имело политическую подоплеку.

Следует подчеркнуть, что в региональной историографии тема антиденикинской борьбы на Северном Кавказе освещена достаточно глубоко и всесторонне. Однако в силу идеологической целесообразности в научный оборот не вводились «неудобные» архивные документы, которые не соответствовали партийно-государственной идеологии. Особенно это касается освобождения Нальчика от белогвардейцев.

Историкам известно, что по заданию штаба Терской областной группы красных повстанческих войск во главе с Н.Ф. Гикало, был разработан план освобождения Кабарды. В основе этого плана лежало взаимодействие кабардинских и осетинских партизанских отрядов, возглавляемых Н. Катхановым и Д. Тагоевым.

В своих воспоминаниях участники Гражданской войны в Кабарде и на Северном Кавказе единодушно утверждают, что освобождение Кабарды от белогвардейцев

явилось образцом взаимодействия кабардинцев и осетин в борьбе против белогвардейцев.

В этом же духе освещает эту проблему один из ведущих специалистов по истории революции и Гражданской войны на Северном Кавказе У.А. Улигов [Улигов 1979: 268–269]. Важно отметить, что операция по освобождению Нальчика началась с посещения Н. Катхановым 20 февраля 1920 г. сел. Христиановское. Тогда же на объединенном заседании Осетинского ревкома, Реввоенсовета и Окружного штаба 21 февраля 1920 г. Катханов выступил с докладом о положении в Кабарде. Было принято решение дать Н. Катханову поддержку. В качестве такового было выделено полсотни всадников, и с этим отрядом 23 февраля Д. Тагоев перешел Урух и присоединился к отряду Н. Катханова.

В течение пяти дней смешанный отряд неоднократно вступал в боевые действия против белогвардейских сил.

Кульминация наступила 28 февраля 1920 г., когда навстречу отрядам Н. Катханова и Д. Тагоева, которые расположились друг от друга, вышла делегация из сел. Клишбиева. Н. Катханов начал переговоры с ней.

У.А. Улигов объективно освещает ход переговоров Н. Катханова с делегацией селения Клишбиева. При этом У.А. Улигов обвинил клишбиевцев в предательстве, в результате которого осетинский отряд под командованием Д. Тагоева потерял 20 человек. Осетины заподозрили Н. Катханова в связи с кабардинскими князьями.

Как пишет У.А. Улигов, 2 марта Н. Катханов прибыл в Ново-Урух и забил повторную тревогу. Осетинский ревком поддержал просьбу Н. Катханова и выделил ему боевой отряд. Совместно с вновь выделенным отрядом Д. Тагоева 11 марта 1920 г. Н. Катханов вошел в Нальчик [Улигов 1979: 268–269]. Правда, это утверждение вызывает некоторое сомнение, поскольку реальные события, произошедшие с 8 по 11 марта 1920 г., не вписываются в идеологическую схему, нарисованную автором цитируемой работы.

Как свидетельствуют архивные данные, 8 марта 1920 г. отряд Д. Тагоева в составе трех кавалерийских сотен и двух сотен пехоты перешел реку Урух [ЦГА РСФСР-Алания ФР. 39. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–7]. Как только отряд перешел р. Урух, начались грабежи и разгромы кабардинских сел, лежащих по обе стороны дороги. Так, в рапорте комиссара селения Асламурза-Анзорова был зафиксирован список имущества, ограбленного у населения, а также фамилии и имена трех убитых жителей села: Гурфов Туту, Гурфов Абубекир и Самгуров.

Наибольшее количество пострадавших от осетинского отряда оказалось в сел. Клишбиево, где было ограблено 343 семьи на сумму 16 861 447 руб. [ЦГА РСФСР-Алания ФР. 39. Оп. 1. Д. 26. Л. 18–18об.].

Из протокола дознания всадника отряда Бориса Акоева мы узнаем, что в отряде Д. Тагоева был создан карательный взвод. По его словам, применялось телесное наказание. Были случаи мародерства, отбирания всадниками серебряных вещей и т.д. И этот ряд можно продолжить.

Проведенное дознание в апреле 1920 г. по делу о походе отряда Д. Тагоева в Кабарду в марте 1920 г. и разгроме кабардинских сел говорит о возможном возбуждении уголовного дела. Но, видимо, по политическим соображениям оно было прекращено. Этот эпизод из истории революционной деятельности Н. Катханова был одним из немногих неудач.

Тем не менее, в тот же день он, как командующий революционными войсками Нальчикского округа, обратился с воззванием к населению гор. Нальчика о восстановлении советской власти [Документы по истории борьбы... 1983: 402].

Велика роль Н. Катханова в установлении и укреплении советской власти в Кабардино-Балкарии. Однако следует отметить, что те его товарищи по борьбе за советскую власть, с которыми он добывал победу и чтит их, понимали еще в

1920 г., что дело Н. Катханова не жизнеспособно. Об этом свидетельствует телеграмма С.М.Кирова, посланная в Баку Г.К. Орджоникидзе 29 марта 1920 г. «Был в Кабарде на съезде. Дела там хорошие. Катханов и шариатисты потерпели крах. В развитии лозунга Кобы да будет шариат, я провозгласил свободу советского шариата, будто это помогает делу» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 2459. Оп. 1. Д. 2. Л. 3].

При анализе деятельности Н. Катханова необходимо обратить серьезное внимание не только на героические сюжеты, связанные с революционной борьбой на полях сражений и пропаганду шариатской идеологии, но и на конкретные практические дела, связанные с исполнением обязанностей в рамках должностной компетенции. Так, будучи начальником Нальчикской окружной народной милиции, Н. Катханов 21 апреля 1920 г. с охраной самолично произвел арест Султанбека Касаевича Клишбиева [Опрышко О. Л. 1996: 5]. Тем самым, вольно или невольно, Н. Катханов стал одним из тех, от которых впоследствии он сам стал жертвой.

28 апреля и 1 мая 1920 г. в с. Аргудан Нальчикского округа были произведены по пять арестов в день. Аресты производились на основании постановления начальника народной милиции Катханова по подозрению в контрреволюционной деятельности. Были арестованы Алхасов М.А., Бадраков К.Э., Мамхегов А.Ш., Мамхегов А.И., Мамхегов Х.Ш., Мамхегов Ц. А., Жаноков К.Ш., Желетжов Ш.А., Абазов К.Б., Тазиев К.М.

8 сентября 1920 г. постановлением Терского ЧК все арестованные были освобождены за недоказанностью вины. [Книга памяти... 2009: 10–415].

В республиканском архиве сохранился документ, согласно которому Н. Катханов являлся членом комиссии по изъятию ценностей у кабардинских мечетей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 62]. С точки зрения шариата покушение на имущества мусульманских мечетей воспринималось как большой грех и участие Н. Катханова в работе этой комиссии трудно поддается пониманию.

Следует особо подчеркнуть, что введение в научный оборот новых материалов обосновывается стремлением более обстоятельно и объективно охарактеризовать его деятельность в различных военно-политических ситуациях на Северном Кавказе.

Особое место в деятельности Н. Катханова занимала работа в центральных органах власти, когда он оказывал огромное позитивное влияние на социально-экономическое и культурное развитие Кабардино-Балкарии. Именно в эти годы были предприняты попытки дискредитации Н. Катханова партийно-государственным руководством области. Для этого были использованы материалы оперативно-следственных мероприятий по борьбе с врагами народа. В них содержалась информация о наличии в Кабардино-Балкарии подпольной группы, ставившей своей целью примирить все классы Кабарды, прекратить всякие аресты, обыски и конфискации имущества, уничтожить классовую рознь и т.д. Для осуществления этого плана были разработаны два варианта: привлечение на свою сторону населения Кабарды и Балкарии путем активной пропагандистской работы через своих представителей в каждом населенном пункте; а если этот план не сработает, то организация террористических актов. В этом случае организаторы полагали достаточным убрать Б. Калмыкова и заменить ЦИК КБАО. По словам источника данной информации, центр подпольной организации находился в Ростове н/Дону и возглавлял ее З. Мидов. В эту группу входили Б.Хуранов и Д. Шекихачев. Организация имела своих представителей в Москве в лице Н. Катханова и М. Энева, в Петровске в лице Магомет-Гирея, Ибрагима Урусбиева и Татарчевского, в Баку – Дадаши Балкарокова, в Кабарде – в лице Якова Кривчика, Мажида Казиева, Цугурова и многих других. По сведениям того же источника организация имела связь с Карачаем [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 24].

Если эти сведения имели реальную основу, то вполне очевидно, что столкнулись две взаимоисключающие политические линии, которые не могли мирно

существовать. Власти нужен был повод для ликвидации этих противоречий насильственным путем. Им стала болезнь и смерть брата Назыра Катханова, председателя Баксанского окрисполкома Башира Катханова, активного участника революции и Гражданской войны в Кабарде.

После тяжелой и продолжительной болезни Башир Адельгериевич умер в Москве. Перед смертью он написал завещание: «Дорогой Бетал, Назыр! Моя просьба – принять к неуклонному сведению маленькое заявление: во-первых, признать меня действительным революционером-коммунистом, который ярко понимал значение Советской власти для трудящихся масс всего мира и в которую я вложил всю свою силу, энергию и здоровье для ее осуществления.

Во-вторых, признать меня действительным мусульманином, признающим Единого Бога и его пророка Магомеда с его исламом, который бы хотел в случае смерти и был бы быть похороненным по мусульманским обрядам, где вы найдете для меня лучшее место.

В-третьих, настаиваю в Псыхурей.

Желаю Вам здоровья, и довершить революционное дело.

Благодарен за все. Б Катханов» [УЦДНИ АС КБР Ф. 25. Оп. 1. Д. 78. Л. 23].

После смерти Б. Катханова бюро обкома партии приняло решение о его похоронах по большевистским обрядам. Однако близкие родственники настояли на выполнении последней воли усопшего – похоронить Б. Катханова в Псыхурей по мусульманским обрядам.

По этому вопросу работала специальная комиссия под руководством Металина. 25 марта на заседании секретариата Кабардино-Балкарского обкома партии Металин сообщил о поездке в Баксанский округ в связи с похоронами Б. Катханова. Он заявил, что катхановщина, в связи с похоронами Башира Катханова, выявила свою голову.

Впервые в докладе Металина Н. Катханов официально был объявлен отъявленным контрреволюционером.

По его свидетельству Назыр Катханов выступил с речью, которая сводилась к тому, что благодаря тем, которые крепко стоят и борется за религию, настанет время, когда не будет ни власти Калмыкова (советской), ни власти своей (шариатской), а будет другая власть (нужно понимать – власть белых). В России религию не притесняют, религию притесняют только в Кабарде» и т.д. [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 40–41].

Оголтелая антикатхановская критика развернулась на VIII областной партийной конференции 15–23 января 1927 г.

С докладом о необходимости борьбы с антисоветской платформой выступил Боровицкий. К сожалению, текст доклада в архиве не найден. Зато сохранились выступления участников конференции по докладу Боровицкого: Бесланеева, Никонова, Бекулова, Карашаева, Скорофатова и др. Какие только эпитеты не использовали они, дабы очернить Н. Катханова, З. Мидова и других, и обвинить их в контрреволюционной деятельности. Для Бесланеева «Мидов – это второй Клишбиев. Он раздавал землю по 500 десятин Товкешевым и Наурзоковым и другим.

Катханов Назыр белогвардеец, взятый в плен и выведены из-под расстрела.

Хуранов палач, расстреливающий красноармейцев по Урванскому округу и Малой Кабарде».

Как ни парадоксально, почти все выступавшие ораторы на этой конференции ставили в вину Н. Катханова его встречу с Г. Бичераховым в Моздоке как делегат IV съезда народов Нальчикского округа. По их утверждению во Владикавказе он был взят в плен, но благодаря Калмыкову он спасся от расстрела. Конечно же, здесь ни слова о поручении Г.Орджоникидзе и Б.Калмыкова по восстановлению советской власти в Кабарде, о роли шариатского полка в разгроме бичераховцев под Моздоком и т.д.

Конференция приняла постановление «Об антисоветских группировках в области», в котором Н. Катханов объявлялся одним из лидеров реакционного духовенства и кулачества.

Также было принято отдельное постановление, где Северо-Кавказский Краевой Комитет ВКП(б) подвергался критике якобы за игнорирование решения руководства Кабардино-Балкарии по отношению к группе, работавшей в Москве и Ростове. В связи с этим конференция предлагала вновь избранному комитету осуществить ряд организационных и репрессивных мероприятий для стабилизации обстановки в области [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп 1. Д. 54. Л. 9–21, 73–74].

В результате непрекращающейся борьбы против Н. Катханова и его группы областному комитету партии удалось добиться ареста Н. Катханова в Ростове – на Дону, куда он поехал по делам службы 23 апреля 1928 г.

После так называемого контрреволюционного шариатско-кулацкого выступления крестьян, получившее название «Баксанские события», положение Н. Катханова резко ухудшилось. Он был объявлен одним из идеологов антисоветского выступления крестьян в Баксанском округе. Поэтому он говорил своему дяде Шохайбу, что «все это теперь припишут мне, посмотришь» [Катханов 2008: 77]. Так и получилось. Областной комитет партии во главе с Б. Калмыковым достиг своей цели и 3 августа 1928 г. Коллегия ОГПУ приговорила Н. Катханова к расстрелу вместе со своими соратниками, а 12 августа того же года приговор был приведен в исполнение.

В заключении следует отметить, что Н. Катханов сыграл выдающуюся роль в борьбе за установление и укрепление советской власти в Нальчикском округе. Он отличался личной храбростью и умением сплотить вокруг себя крестьян под флагом шариата и повести их на борьбу за светлое будущее.

Свою незаменимость он продемонстрировал в самый критический момент, когда терское казачество в союзе с антибольшевистскими силами, во главе которых стояли полковники Кибилов, Агоев, Семенов и др., выступило единым фронтом против советской власти на Тереке. Тогда Н. Катханов со своим шариатским полком разогнал в Нальчике «шакмановский» совет и восстановил советскую власть в виде Венно-Революционного Шариатского Совета. Этот успех вдохновил Н. Катханова и укрепил его веру в возможности соединения мусульманской идеологии с идеологией большевизма. С этого периода деятельность Н. Катханова и его шариатистов была подчинена беспрекословному выполнению приказов вышестоящих военно-политических инстанций, как и всех других активных участников борьбы за установление советской власти в Кабарде и Балкарии. Более того, он командовал военными силами Нальчикского и Владикавказского округов, которые составляли костяк 1 Ударной шариатской колонны. Под командованием Н. Катханова они сыграли выдающуюся роль в подавлении антисоветского выступления Бичерахова в Моздоке.

Велика роль Н. Катханова в восстановлении советской власти в Нальчикском округе в марте 1920 г. Однако, внушительные успехи Н. Катханова в деле освобождения округа от белогвардейцев были омрачены инцидентом, связанным с походом Д. Тагоева в Кабарду 3-11 марта 1920 г. Тем не менее, 11 марта 1920 г. Н. Катханов со своими бойцами освободил Нальчик, и советская власть была восстановлена.

После восстановления советской власти Н. Катханов занимал самые ответственные посты в округе и всегда действовал в строгом соответствии с должностными полномочиями. Однако преданность делу большевистской власти не спасла Н. Катханова от репрессии. Слишком велика была сила, противостоявшая ему.

Источники и литература

1. Адаб Баксанского культурного движения / сост. З.М. Налоев. Нальчик: «Эльбрус», 1991. 440 с.
2. АИГИКБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
3. Боров А.Х., Думанов Х.М., Камсаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы, Нальчик: Издательский центр «ЭльФа», 1999. 183 с.
4. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1975. 495 с.
5. Гутов А.М. Слово и культура. Нальчик: «Эльбрус», 2003. 160 с.
6. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922). Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1983. 799 с.
7. Дзуганов Т.А. Кабардино-Балкарское национальное представительство (1921–1938 гг.): Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Нальчик: 2004. 21 с.
8. История Кабардино-Балкарской АССР в двух томах. Т. 2. М.: Издательство «Наука» 1967. 439 с.
9. Калмыков Б.Э. Статьи и речи. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1983. 240 с.
10. Катханов К. Назыр. Документальная повесть (издание второе, исправленное и дополненное. М., 1998. 204 с.
11. Катханов К. Назыр Книга об отце. Нальчик: «Эльбрус», 2008. 143 с.
12. Книга памяти жертв политических репрессий. Кабардино-Балкария. 1920–941. Нальчик: издательство М. и В. Котляровых. 2009. 552 с.
13. Мамсиоров Х.Б. Новые документы о деятельности Н.А. Катханова в ВСНХ СССР // Кавказология. 2019. № 3. С. 129–162. DOI: 10.31143/2542-212X-2019-3-129-162
14. Мироненко Г.И. <http://www.skunb.ru/node/4877>
15. Научное наследие А.А.Тахо-Годи. Ч. I. Махачкала, 2006. 348 с.
16. Опрышко О.Л. На изломе времен. Нальчик: «Эльбрус», 1996. 351 с.
17. Текуева М.А. Исламское движение в Кабарде и Балкарии во время Гражданской войны на Тереке [<http://regiment.ru/Lib/D/93.htm>] (Дата обращения: 21.10.2019).
18. Текуева М.А. Судьба Назира Катханова. Кабардино-Балкарская правда. Март 1990. №№ 182,183.
19. Текуева М.А. Личность Н. Катханова в историческом измерении // Катханов К. Назыр Книга об отце. Нальчик: «Эльбрус», 2008. 143 с.
20. Улигов У.А. Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1979. 353 с.
21. Указ Президента СССР от 27 декабря 1990 о посмертном награждении орденом Боевого Красного Знамени Катханова Н.А. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
22. Указ Президента Российской Федерации от 23.06.1992 № 658 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1534>
23. УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории АС КБР
24. ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив республики Северной Осетии-Алания.

N.A. KATKHANOV: THE ROLE AND PLACE IN THE CIVIL WAR IN THE NORTH CAUCASUS

Karmov Amerbi Khazretovich, Candidate of History, Senior Researcher, Modern History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), karmovamerbi@mail.ru

The article analyzes the historiography of the investigated problem. It notes the great contribution of republican historians to the study of the life and work of one of the active participants in the revolutionary movement in Kabardino-Balkaria, Nazir Kathanov. His personality is very controversial and contradictory. As a preacher of Muslim ideology, he became one of the zealous

apologists for Soviet power. From among his pupils, he formed a militarized hundred, which later became the basis of the Sharia regiment.

In the most critical days, when the Terek Cossacks and the White Guards, who operated in the Vladikavkaz region, joined the Soviet regime in a united front and the Soviet power was liquidated in Nalchik, the Sharia regiment, led by N. Kathanov, dispersed the Shakman council in Nalchik and restored Soviet power here.

The article introduced into scientific circulation new archival documents characterizing the interaction of N. Kathanov with the Ossetian combined detachment of D. Tagoev and the liberation of Nalchik from the White Guards. Also, for the first time, the minutes of the meeting of the secretariat of the regional committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) dated March 25, 1927, on the funeral of Bashir Kathanov and the VIII regional party conference on January 15-23, 1927, where the anti-Kathan speeches of Beslaneyev, Nikonov, Bekulov, Karashaev and others.

Keywords: N. Kathanov, B. Kalmykov, madrasah, teacher's seminary, Sharia regiment, 1st Sharia column, repression, Mozdok.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-22-34

ЧЕРКЕССКАЯ ШКОЛА В СИРИИ И, ЕЕ ОСНОВАТЕЛЬ – САМГУТ АМИН

Мирзоев Асланбек Султанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), marzeibach@mail.ru

Просветительство как культурное явление в жизни зарубежной черкесской диаспоры появилось почти одновременно с ее образованием во второй половине XIX в. В основе этого явления лежало несколько факторов: стремление к сохранению национальной идентичности в условиях проживания в иноязычной культурной среде, появление своей интеллигенции, получившей европейское или исламское образование, отсутствие каких-либо форм национальной государственности. Для решения задач сохранения языка, традиций, национальной культуры в странах проживания черкесской диаспоры создавались культурно-просветительские общества. Черкесская школа в Кунейтре – одно из направлений деятельности «Черкесского общества содействия просвещению и культуре», созданного группой черкесской интеллигенции в Сирии во главе с Самгутом Амином.

Ключевые слова: черкесская диаспора, Сирия, Кунейтра, черкесская школа, культурно-просветительская деятельность.

Последствием Русско-Кавказской войны (1764–1864) стало образование за пределами Кавказа многочисленной черкесской диаспоры. Оказавшиеся в результате изгнания с Кавказа на Ближнем Востоке представители черкесского народа попали в другую языковую и культурную среду, столкнулись с проблемой сохранения своей этнокультурной самобытности. Для ее сохранения и противодействия ассимиляционным процессам, черкесские общины в местах своего проживания стали создавать культурно-просветительские общества, занимавшиеся проблемами изучения национальной истории, сохранения языка, традиций и культуры черкесов.

Еще до распада Османской империи и образования арабских государств, началась культурно-просветительская деятельность общественно-благотворительных и культурно-просветительских обществ, созданных представителями черкесской общины. Это стало возможным благодаря политическим свободам, провозглашенным после победы младотурецкой революции 1908 г. Национальным и религиозным меньшинствам были гарантированы гражданские права, разрешено создание обществ и союзов, издание газет. В 1908 г. в Стамбуле было открыто «Черкесское общество единения и взаимопомощи» (Хасэ). С 1910 г. оно издавало черкесскую газету «Гъуазэ», налаживало контакты с исторической родиной, издавало книги и буквари, написанные на кабардинском диалекте черкесского языка на основе арабской графики. Секретарем общества и главным редактором газеты был Нури Цагов [Хъэкъуащэ 1993]. В 1913 г. он вернулся на историческую родину – в Кабарду, где занимался просветительской деятельностью. В 1917 г. вместе с братьями Дымовыми в с. Старая крепость (ныне г. Баксан КБР) он организуют издание газеты «Адыгэ Макъ» («Голос адыга») на черкесском языке на арабской графической основе [Ошнокова 2003: 13].

Представители черкесской диаспоры в арабских странах, также проводили активную культурно-просветительскую деятельность, направленную на сохранение черкесской культуры, языка, традиций, национального самосознания. В Сирии эта деятельность была развернута группой черкесской интеллигенции во главе с ее лидером Самгуг Амином (1900–1953). Он родился в абадзехской* семье в Сирии. После окончания начальной школы в г. Кунейтра и средней в г. Дамаске, получил специальность агронома в Бейруте, затем в 20-х гг. учился на отделении политэкономии Сорбонского университета. В годы учебы во Франции собирал научный материал по истории черкесского народа. В последствие на их основе написал несколько работ, из которых были опубликованы «Введение в историю черкесов» (Дамаск, 1984), «Черкесы в войнах против царей» (Амман, 1984). В 1928–1936 гг. был председателем муниципалитета г. Кунейтры, а в 1931 г. избран депутатом парламента Сирии. [Адыгская (черкесская) энциклопедия 2006: 1036]. В 1927 году группа единомышленников Самгуга Амина образовала «Черкесское общество содействия просвещению и культуре». Текст устава общества на османском языке, изданный в г. Кунейтра в 1928 г., переведен на русский язык Б.Н. Березговым [Березгов 2017: 13–18]. «Черкесское общество воспитания и единения» (буквальный перевод названия организации с черкесского языка – *А.М.*) ставило своей задачей осуществлять всестороннюю деятельность, направленную на сохранение родного языка и обычаев; способствовать развитию национальной литературы; добиваться от местных властей и представителей французской колониальной администрации предоставления черкесской общине автономии в Кунейтрском округе. Деятельностью общества руководил Центральный комитет, состоявший из 9 человек и располагавшийся в г. Кунейтра. В городах и селах компактного проживания черкесов создавались городские и сельские отделения общества, возглавляемые избранными руководителями (тхаматами) и подчинявшиеся Центральному комитету. Общее собрание (конгресс) общества проходило ежегодно 10 мая в г. Кунейтре, на котором утверждался годовой план мероприятий, доходы и расходы организации. 10 мая было объявлено днем общенационального праздника [Березгов 2017: 16].

В Дамаске в 1929 г. под редакцией Балага Наубатука вышел черкесский букварь, для которого использовался алфавит на латинской основе [Черкесские общественные объединения...]. Началось издание брошюр и школьных учебников на черкесском языке. Новое общество наладило выпуск газеты «Мардж» (с 7 октября 1927 до 1932 г.), главным редактором которой был Хагур Тарык Мумтаз. Газета «Мардж» издавалась на четырех языках: черкесском, турецком, арабском, французском. Соответственно в ней было четыре страницы. Газета публиковала материалы по истории, культуре и различным проблемам черкесского народа в Сирии и других странах. Номера газеты рассылались в черкесские общины Трансиордании, Египта и Турции [Информатор Беданоко Нихат Хасан 2019]. На базе Черкесского общества содействия просвещению и культуре был создан Черкесский литературный союз, под председательством Салима Закарии, различные комитеты, спортивное общество. Деятельность общества продолжалась до 1932 г., после чего оно было закрыто по политическим причинам [Кушхабиев 1993: 119].

В 1933 году при поддержке французской администрации, с которой сотрудничал Самгуг Амин, в г. Кунейтре была открыта черкесская национальная школа, рассчитанная на обучение детей со всего округа [Кушхабиев 1993: 119]. Школа содержалась как за счет государственных средств, так и на частные пожертвования [Информатор Жырчаго Гиса Аюбович 1995]. Самгуг Амином и другими патриотами были открыты магазины, доходы от которых шли на финансирование школы. Военнослужащие черкесского полка французских вооруженных сил в Сирии

* Абадзехи – черкесский субэтнос, проживавший до выселения в Турцию на Северо-Западном Кавказе по бассейнам рек Белой, Курджипс, Псекупс, Пшиш и Пшеха.

жертвовали на содержание школы и издание газеты «Мардж» часть своего жалования [Информатор Беданоко Нихат Хасан 2019]. Для преподавания в школе были приглашены учителя из различных черкесских районов Сирии [Кушхабиев 1993: 119]. Это сам Амин Самгуг, Яхья Шеркас, Акиф Хунагу, Фахри Хажу, Исмаил Анзор, Руфат Гутоко, Шейх-Тагир Джатао, Мухамад Тхакахо, Хамад-Али Исхако, Яхья Хатко, Раджаб и Харун Бланао, Абдул-Латиф Уджыху, Адиб Шагуж, Ахмад Кат, Ибрагим Цей, Шейх-Саид Шапсуг. Среди учителей были и женщины: Шарлот Гутоко и Сатаней Либзу. Из числа этих преподавателей поэтами были: Самгуг Амин, Кат Ахмад, Цей Ибрагим, Шапсуг Шейх-Саид, Хажу Фахри, Харун Батоко (Бланао) [Информатор Беданоко Нихат Хасан 2019; Хафице 2000: 267–268]. Первым директором школы стал Рахфат Гутоко, но он умер в апреле 1933 г. В последующем директором школы работал Акиф Хунагу [Информатор Беданоко Нихат Хасан 2019]. Помимо общеобразовательных предметов в ней преподавались: черкесский язык, народные обычаи, песни и танцы. Детям старались прививать дух патриотизма и любви к исторической родине [Кушхабиев 1993: 119]. Каждый день занятия в школе начинались с исполнения учениками черкесского гимна, слова и музыку к которому сочинил Самгуг Амин [Информатор Беданоко Нихат Хасан 2019; Хафице 2000]. По программе обучения с 1 класса до 3-го преподавание велось только на черкесском языке. С 4-го по 5-й подключали арабский. Обучавшие арабскому языку были арабы, их предоставляло государство, все остальные преподаватели были черкесы. С 5-го класса подключали французский язык. Учителем французского была Шарлот Гутоко, получившая образование во Франции. Арабский и французский языки изучали как иностранный. Все ученики школы были черкесы. Буквы для черкесского языка были латинские. Буквы (шрифт) для печатания делались в самой школе из дерева. Книги делали самиздатом. Все делалось преподавателями. Кроме школы планировалось открытие училищ по трем специальностям: биологический, торгово-экономический, ремесленный (промышленный). Окончившие их должны были отправляться для продолжения учебы в университеты Сирии и других стран. Цель создания школы ее основатели видели в воспитании черкесов в национальном духе, привитии им знания обычаев, фольклора, истории. Ученики школы, в их представлении, должны были, образно выражаясь, стать «семенами для посева» – в них видели будущих идеологов и практиков возвращения своего народа на историческую Родину. Но для этого они должны были быть подготовлены идеологически и хорошо образованы [Информатор Беданоко Нихат Хасан 2019].

Ученики, мальчики и девочки, носили национальную одежду. Из учеников был набран музыкальный оркестр школы. В школе обучали национальным танцам. Каждый год проводились культурные и спортивные фестивали, где ученики соревновались в чтении стихов на черкесском языке, знании фольклора, в исполнении национальных песен и танцев. Работал школьный театр, ставивший небольшие спектакли на черкесском языке. Большое внимание уделялось физической подготовке учеников, проводились спортивные фестивали, на которых проходили соревнования по различным спортивным дисциплинам. Созданы две футбольные команды черкесов проживавших на Голанах – «Ямлидж» и «Ямыбляж» [Информатор Беданоко Нихат Хасан 2019].

Каждый год в конкурсе среди начальных школ, черкесская школа занимала 1-е место. Преподаватели работали с большим энтузиазмом. Школа проработала до 1943 года. Причиной закрытия послужили несколько факторов. Один из них это – начало второй мировой войны. В Сирии, объявленной военной зоной, было установлено чрезвычайное положение. Территория Ближнего Востока стала ареной боевых действий, а французские военные подразделения разделились на сторонников генерала де Голля – лидера французского сопротивления и сторонников французских коллаборационистов – «вишистов», вставших на путь сотрудничества

с фашистской Германией. Второй фактор – усиление проарабской группировки черкесов, число сторонников которой возросло в начале 30-х годов. Она возглавлялась крупными землевладельцами из черкесских родов Баг и Дугуж. «Эта группировка, – как отмечает в своей работе А. Кушхабиев, – поддерживала тесные связи с арабскими националистическими партиями и организациями... Подчеркивая религиозную общность с арабами и общесирийское единство, они выступали против создания черкесской автономии и призывали своих соотечественников поддержать арабское освободительное движение, поддерживаемых арабскими националистами, борющимися за отмену французского мандата и создание независимого сирийского арабского государства» [Кушхабиев 1993: 118].

В сентябре 1936 года между Сирией и Францией был подписан договор, признававший независимость первой. Мандат подлежал отмене в течение трех лет со дня его ратификации. Усиление арабского освободительного движения имело результатом и наступление сирийского правительства на права этнических и религиозных меньшинств. 9 сентября 1936 года произошло вооруженное столкновение между двумя черкесскими молодежными группировками: сторонниками группы Самгуга и организацией проарабской ориентации «Железные рубашки». С обеих сторон имелись потери. Этот инцидент был использован сирийским национальным правительством как повод для обвинения «Черкесского общества содействия просвещению и культуре» в сотрудничестве с французами. В связи с этим была запрещена дальнейшая деятельность общества [Кушхабиев 1993: 120]. Смещен был с поста председателя муниципального совета г. Кунейтры Амин Самгуг.

В 1937 году Самгуг Амин и его единомышленники образовала новую организацию «Джолан», которая ставила целью способствовать массовому возвращению черкесов на Кавказ. Представители этой организации обратились в советское посольство в Париже с просьбой о предоставлении сирийским черкесам права на репатриацию, но получили отрицательный ответ, после чего деятельность «Джолан» была приостановлена. Амин Самгуг отстранился от политической борьбы, продолжал только научную деятельность и преподавание в школе, до ее закрытия в 1943 году.

Источники и литература

1. *Хьэжлуацэ А.Хь.* Лъэпкъ щӕныгъэм и лӕжыкӕуӕ псэемыблӕж // Цагъуӕ Нурий. Тхыгъэхэр. Налчык: Эльбрус, 1993. Н. 5–43.
2. *Оинокова Ф.Ш.* Адам Гафарович Дымов // А.Г. Дымов. Избранное. Из творческого наследия. Нальчик: Эльбрус, 2003. С. 6–20.
3. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. 1247 с.
4. *Березгов Б.Н.* Из истории черкесской диаспоры в Сирии // Архивы и общество. Нальчик, 2017. № 43. С. 13–18.
5. Черкесские общественные объединения и их вклад в культурную жизнь диаспоры // URL: www.circas.ru / По материалам сайта Адыги.ru (www.adygi.ru)
6. Информатор Беданоко Нихат Хасан, 1944 г.р., г. Манбидж, Сирия. Проживает г. Нальчик, ул. Шогенцукова 42/218. Записано 21 сентября 2019 г.
7. *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. Издание республиканского фонда «Возрождение». Нальчик, 1993. 168 с.
8. Информатор Жырчаго Гиса Аюбович, 1919 г.р., с. Мударея, Сирия. Проживал в г. Нальчике, ул. Калинина 25 а / 129. Записано 9 апреля 1995 г. А.С. Мирзоевым
9. Хафице М. Разбросаны адыги по белому свету. Книга о черкесском зарубежье. Нальчик: Эльбрус, 2000. 325 с.
10. НА ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 12. № 5027.

**CIRCISSIAN SCHOOL IN SYRIA
AND, ITS FOUNDER – SAMGUG AMIN**

Mirzoyev Aslanbek Sultanovich, Candidate of History, Senior Researcher Fellow Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), marzeibach@mail.ru

Enlightenment as a cultural phenomenon in the life of the foreign Circassian Diaspora appeared almost simultaneously with its formation in the second half of the 19th century. This phenomenon was based on several factors: the desire to preserve national identity while living in a foreign-language cultural environment, the emergence of their intelligentsia who received a European or Islamic education, and the absence of any form of national statehood. To solve the problems of preserving the language, traditions, and national culture, cultural and educational societies were created in the countries of the Circassian Diaspora. The Circassian school in Kuneitra is one of the activities of the Circassian Society for the Promotion of Education and Culture, created by a group of Circassian intelligentsia in Syria led by Samgug Amin.

Keywords: circassian diaspora, Syria, Kuneitra, circassian school, cultural and educational activities.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-35-39

АДЫГСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА (АДЫГЭ ФАЦЭ): ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ БРЕНД В СОВРЕМЕННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Сабанчиева Любовь Хабижевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), sablyu@mail.ru

Одежда является важнейшим компонентом системы жизнеобеспечения человека в любом обществе, воплощая в себе культурные коды народа. В статье исследуется использование традиционной одежды в современном предпринимательстве. В качестве этнокультурного бренда в современном модельном бизнесе представлена традиционная женская и мужская черкесская (адыгская) одежда – *адыгэ фацэ*. До XX в. черкесская одежда являлась образцом одежды для многих народов Кавказа, формируя самобытный черкесский стиль. Исследуются адаптивные свойства адыгэ фацэ: отмечаются константные и модернизируемые элементы традиционной мужской и женской черкесской одежды и аксессуаров к ней. Анализ проблемы показал, что в целях наибольшего удовлетворения потребностей заказчиков и дальнейшего развития бизнеса, мастерам приходится адаптировать традиционную одежду под современные запросы потребителей. Наибольшей трансформации подвергается конструкция традиционного женского платья: оно за исключением сценической и свадебной становится закрытым, видоизменяется также покроем рукавов. Неизменными остаются женская шапочка и аксессуары - пояс, нагрудник. Обращается внимание на стиливые отличия изделий мастеров. Автор приходит к выводу, что традиционная черкесская одежда не потеряла своей актуальности, и она может являться успешным основанием бизнеса. Одновременно акции центров модельного бизнеса по своим характеристикам можно отнести к коммеморациям, выступающими механизмами воспроизводства этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: адыгэ фацэ, этнокультурный бренд, современный модельный бизнес, мужская и женская черкесская одежда, покроем одежды, материалы, аксессуары, коммеморация.

Сегодня в Российской Федерации одной из проблем является проблема сохранения культурного наследия ее многонационального населения. Очевидно, что культура является одной из его базовых составляющих этнокультурной идентичности. Своеобразие национальной культуры видно более всего в вещах, созданных в процессе народного художественного творчества. Поэтому без понимания значения народного художественного творчества невозможно говорить о полноте формирования национальной идентичности и наличии культурного суверенитета. Как отмечает известный исследователь народного творчества М.А. Некрасова, «...как и язык, народное искусство соотносится с этносом, народом, культурно-генетически и исторически с ним связано. Являясь органической культурой, соединенное с родовыми корнями, народное искусство по природе своей источник творчества черпает в национальном, народном самосознании ...» [Народное... 2003: 78]. Как видно, утрата традиций станет невосполнимой утратой этнокультурной идентичности.

Функции художественно-прикладного искусства разнообразны. Например, традиция может выступать в качестве своеобразного стимулятора художественного

творчества (эвокативная функция); может быть отправным принципом в творческом процессе; нередко традиция выступает в качестве эталона, на который ориентируется художник в инновационной деятельности, в конце концов, она может быть основанием бизнеса. Но для того, чтобы все вышеперечисленные функции народного искусства не растерять, нужна их поддержка и воспроизводство в коллективной памяти, т.е. необходимы коммеморативные акты. Тем более это важно, поскольку коллективная память может иметь не только событийную, но иную форму, например, изобразительную [Арнаутова 2003: 31]. Подтверждением этой мысли служат результаты исследования Д. Н. Прасолова, откуда видно, что при проведении различных форм коммеморативных акций в Кабардино-Балкарии их обязательными атрибутами являются этнокультурные символы – флаг, комплект национальной одежды всадника. Эти символы, например, черкесский флаг, имеют огромное значение в коллективной памяти и этнической мобилизации адыгов (черкесов) [Прасолов 2017: 71].

Коммеморация может быть связана с различными артефактами, называемыми народными, то есть присваиваемыми народами предметами, занимающими центральное место в национальном самосознании: в нашем случае – «адыгэ фацэ». Коммеморация возникает не на пустом месте, а по объективной социальной необходимости. «Если память – побочный продукт прошлого опыта, то коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий» [Мегилл 2007: 116].

Представленная статья – одна из первых, посвященная использованию этнокультурного бренда – черкесской одежды (*адыгэ фацэ*) в современной коммерческой деятельности, что делает данную работу актуальной. Ранее были публикации З. Кешевой о брендинге других компонентов традиционной материальной культуры [Кешева 2018а; 2018б].

Для того чтобы выяснить в какой мере изделия современных мастеров соответствуют канонам адыгэ фацэ, т.е. являются этнокультурным брендом, необходимы некие лекала. В качестве таковых могут послужить результаты скрупулезно проведенных исследований одежды Е. Н. Студенецкой. Ее отдельные статьи и монография наиболее полно раскрывают динамику трансформаций одежды и ее аксессуаров, украшений, промыслов и других компонентов материальной культуры кабардинцев и других народов Северного Кавказа под влиянием социально-экономических факторов [Студенецкая 1948а; 1948б; 1989]. Здесь также можно отметить работы Г.Х. Мамбетова, где представлены и обычаи, связанные с одеждой [Мамбетов 1962; 1971; 1972]. Что касается коммерческой стороны проблемы в традиционном обществе, они нашли отражение в работе Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1965].

Современный модельный бизнес, основанный на этнокультурном бренде имеет исключительную особенность. Он сродни искусству, которое дает возможность наиболее полно выразить свою индивидуальность и создать свой стиль. В этом смысле показательна творческая судьба и стремительное восхождение модельеров Кабардино-Балкарии *Медины Саральп и Медины Хацуковой*.

Мадина Саральп является художником-модельером и дизайнером одежды. По ее признанию, она шла к своей вершине целенаправленно и с юных лет. Начиная с моделирования и шитья одежды. Постепенно расширив круг своих интересов, М. Саральп теперь не ограничивается созданием одежды. Как это принято в известных домах моды, для нее характерно создание завершенного образа женщины, т.е. единого дизайна одежды и аксессуаров. Поэтому в 2002 году практически одновременно она создает первую авторскую коллекцию одежды из сорока ансамблей,

которая была раскуплена в течение месяца, и по ее же эскизам в мастерской известного ювелира *А. Шукова* создается коллекция украшений в этническом стиле. Это позволило ей открыть в том же году авторский салон эксклюзивной одежды, ставший модным и популярным у женщин. В последующие годы плоды творчества *М. Саральп* демонстрировались на персональных выставках в Национальном музее КБР и Русском этнографическом музее в Санкт-Петербурге и в зарубежных странах. Успех модного дома *Madiha Saral'p* обеспечивается умением вписываться в контекст времени, а также удачным прочтыванием философии традиционной одежды и ее наложением на современные потребности модниц выразить свою индивидуальность через этническую одежду. Так произошло с ее коллекцией стилизованных свадебных платьев «Девичий сон».

Творческие возможности *М. Саральп* не ограничиваются шитьем одежды и ее продажей. Фольк-шоу «Черкесский круг», проведенный в Санкт-Петербурге, продемонстрировал ее возможности как художника по сценическим костюмам. Высокий профессионализм модельера позволяет ей сотрудничать с известным режиссером *А. Сокуровым*, с неподражаемым мастером ювелирных изделий *А. Еутых* в качестве художника. Переплетение различных видов искусств, высокое качество исполнения превращает все, к чему прикасаются руки *М. Саральп*, в произведения искусства, которые требуют не только созерцания, но прочтения и изучения. Творческий стиль *М. Саральп*, для которого не характерно прямое воспроизводство традиционного национального костюма, а его модернизация, определенным образом «наложился» на современный тренд – желание девушек иметь *адыгэ фацэ* – адыгское национальное женское платье и аксессуары (пояс, нагрудник, золотное шитье). В последние годы, по словам *М. Саральп*, у нее появилось много клиентов готовых заказать платья не фольклорного, а этнического формата, т.е. коррелирующие с европейским по покрою, но с наложением деталей и аксессуаров в этническом стиле. В целях развития бизнеса она вынуждена идти навстречу заказчикам. При этом трансформации подвергаются покрой рукавов, платье становится закрытым, расширяется цветовая палитра, и также выбор ткани. Но в итоге никто не проигрывает: созданные мастером женские образы олицетворяют изысканность, роскошь и природную красоту горянок.

Не всегда данный мастер подвержен идее модернизации традиционной одежды. Это касается в первую очередь мужской и женской сценической одежды для фольклорных ансамблей. Здесь, по убеждению *М. Саральп*, необходимо придерживаться этнических традиций, как в покрое, цветовой гамме *адыгэ фацэ*, так и аксессуаров к ней, при этом ее путеводителем в творчестве являются исследования *Е.Н. Студенецкой* [17]. По нашим наблюдениям так это и происходит на практике. При этом создаваемая мастером женская и мужская одежда и аксессуары в основном воплощают в себе характерные черты моды конца XIX–XXв., на которую к тому времени уже было оказано влияние городской одежды [Студенецкая 1989: 71–226].

Основанный в 2012 г. *М. Саральп* центр кавказской моды *Madina Saral'p* многофункционален. Одновременно он сочетает в себе творческую и торговую площадку, музей и школу молодых мастеров. Выставленные здесь экспонаты заслуживают самой высокой эстетической оценки.

М. Саральп уверена, что *адыгэ фацэ* облагораживает человека, делает его поведение достойным, даже влияет на этническую самоидентификацию, поэтому к ней необходимо относиться бережно как к национальному достоянию. Ее нужно уметь носить [17]. В личном плане *М. Саральп* удачно сочетает творчество, бизнес и материнство. Определенное место она занимает и в социальных сетях, презентуя плоды своего творчества. Выложенные на ее сайте не только одежда и аксессуары, но и сами фотоизображения можно смело отнести к высокохудожественным произведениям.

Как и полагается социально ответственной бизнесвумен, она проводит ежегодную благотворительную акцию для детей «Мир в твоей ладошке»[3].

Творчество другого модельера *Медины Хацуковой* характеризуется наибольшей приверженностью воспроизводству традиционной одежды. Если предыдущий модельер большей частью увлечена черкесской женской одеждой и аксессуарами, и в ее творчестве наблюдается тенденция большей модернизации, то М. Хацукова, наоборот, от стилизации женской национальной одежды пришла к реконструкции национальной женской и мужской одежды не только адыгов, но и других северокавказских народов. Поэтому в ее авторские костюмы, являющиеся настоящими произведениями искусства, одеты многие знаменитые творческие коллективы Северного Кавказа – «Кабардинка», «Хатти», «Бжамий», «Балкария», «Терские казаки», «Эльбрус», «Вайнах», «Ингушетия». В разные годы несколько специальных заказов модельер выполнила и для причерноморских шапсугов. Именно на ее предприятии шились сценические национальные костюмы для детских садов, школьных танцевальных ансамблей и коллективов Центра адыгской культуры п. Лазаревское Краснодарского края.

Работы швейной мастерской М. Хацуковой, имеющие яркий самобытный и легко узнаваемый стиль, можно встретить в самых разных регионах России и за рубежом. Их украшают басонные изделия, сутаж ручной работы, национальный орнамент в технике золотного шитья, стеклярус вприкреп, галунная тесьма. Женские шапочки в строгом соответствии с традицией украшены галунами с металлическим навершием в виде птички, сидящей на шаре или без нее. Внимание покупателей привлекает и мужская одежда М. Хацуковой. Наряду с черкесской, скроенной и изготовленной в соответствии с традиционной технологией (галунная тесьма, басонные плетения, натруска из рога и серебра, изготовленная З. Лакуновым), практикуется также и шитье мужских рубашек, стилизованных под национальную одежду.

В Национальном музее Кабардино-Балкарии прошла персональная выставка национальных костюмов «*Жыг гуацэм и псысэ*» (Предания Богини деревьев), на которой был представлен традиционный адыгский костюм в исполнении М. Хацуковой. Реконструировались они по старинным гравюрам и другим историческим источникам. Каждый костюм был расположен на фоне увеличенного гравюрного его изображения. Реконструированные костюмы требуют соответствующих аксессуаров. Выход был найден. Старинные пояса, газыри, шашки, кинжалы были позаимствованы из частных коллекций. У модельера четко обозначились приоритеты. На своей персональной выставке она призналась: «Мужской костюм я люблю еще больше. Чем дальше углубляешься в историю, тем больше хочется понять крой, систему сакральных знаков в орнаменте. Глядя на старинные гравюры, видишь совсем другие очертания фигур, и черкески тогда шили иначе»[18].

Интересно понимание мастером значимости народного искусства не только своей эстетической сутью, но и социальной. Представляя Кабардино-Балкарию на традиционной «Ярмарке ремесел» во Флоренции, она отмечала: «Это мероприятие традиционное и проходит в старинной крепости Фортеза – да-Бассо рядом с площадью Детей Беслана. Мы хотели продемонстрировать, что на Кавказе не только стреляют, что народы, живущие здесь, обладают богатой и яркой традиционной культурой» [2].

Одежда, создаваемая М. Хацуковой, четко ассоциируется с национальной, она узнаваема, и она вызывает определенные эмоции. Выдержка из комментария фолловера ВКонтакте М. Хацуковой: «...Честно так приятно смотреть на эти вещи, на **наши** (выделено нами – Л.С.) вещи... Даже чувствуется внутри настроение **патриотическое** (выделено нами – Л.С.) когда видишь такие вещи.. обязательно куплю, когда приеду обратно на родную землю.... с уважением к вам и вашему труду !!!!» [16]. М. Хацукова проводит платные курсы золотного шитья по разработанной ею

двенадцатичасовой программе в городах Нальчик, Черкесск, Москва, тем самым расширяя круг людей, приобщенных к народному искусству.

Много места в творчестве М. Саралып и М. Хацуковой отводится изготовлению свадебных платьев. Они шьются на заказ. И здесь наблюдается дифференцированный подход к покупателям. Цена зависит от объема декоративно-отделочных работ, качества нитей, состава тканей, объема ручной работы и, конечно, аксессуаров – нагрудника и пояса. Не всякий желающий может заказать классическое национальное платье. Помимо нагрудника и пояса оно включает в себя восемь самостоятельных элементов (верхнее основное платье, нижнее платье, кафтанчик, два нарукавника, шапочка, платок, подъюбка и сумочка).

В итоге можно констатировать, что и М. Саралып и М. Хацукова успешно используют в модельном бизнесе адыгский национальный костюм, искусно совмещая традиционное и современное. Они широко понимают цели и задачи производства и воспроизводства *адыгэ фацэ*. Несмотря на стиливые отличительные черты, обе мастерские по своей роли в культуре народов являются не только коммерческими центрами, но и центрами коммеморации, т.е. источниками формирования коллективной этнокультурной памяти.

Необходимо отметить, что черкесский стиль в современном модельном бизнесе просматривается не только в продукции адыгских мастеров. Элементы черкесской женской и мужской одежды (пояс, нагрудник, распашное платье, газырницы, золотное шитье, папаха, башлык) в своих коллекциях используют модельеры Вероника Башартьян, Ульяна Сергеенко и другие. Также кавказские мотивы можно наблюдать на показах высокой моды в Париже.

Источники и литература

1. Арнаутова Ю.Е. «Методіа»: тотальный социальный феномен и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2003. С. 19–37.
2. Газета Юга. 2011. № 20 (897). 19 мая.
3. Горянка. 2012. № 39(684). 26 сентября.
4. Кешева З.М. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев как объект этнокультурного бренда // История науки и техники. 2018а. № 6. С. 69–73.
5. Кешева З.М. Адыгские музыкальные инструменты как элементы историко-культурного брендинга // Музыка и время. 2018. № 7. С. 40–43.
6. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 420 с.
7. Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 111 с.
8. Мамбетов Г.Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1971. 407 с.
9. Мамбетов Г.Х. Одежда в традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев // Вестник КБИГИ. 1972. Вып. 5. С. 71–113.
10. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация». 2007. 480 с.
11. Народное искусство России в современной культуре / Автор-составитель, научный редактор М.Л. Некрасова. М.: Коллекция. М., 2003. 256 с. 16 ил. Электронный источник: URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/nariskros/text.pdf> (дата обращения: 04.03.2019).
12. Прасолов Д. Н. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. № 2(112). 2017. С. 67–82.
13. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М.: Наука. 1989. 288 с.
14. Студенецкая Е.Н. К вопросу о национальной кабардинской одежде // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. 1948. Т. IV. С. 197–238.

15. Студенецкая Е.Н. Украшение одежды у кабардинцев в XIX–XX вв. // Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института. 1948. Т. V. С. 163–194.
16. Электронный источник : URL: <https://vk.com/madinakhat> (дата обращения : 05.09.2019).
17. Электронный источник: URL: Интервью М. Саралып. Проект ZOOM Ютюб Ляны Кажаровой (дата обращения 04.09.2019).
18. Электронный источник: URL: <http://v7550.vps.masterhost.ru/kbr/news/culture/1376-2010-02-01-16-36-57.html> (дата обращения: 22.08.2012).

ADYG TRADITIONAL CLOTHING (ADYGE FASCHE): ETHNOCULTURAL BRAND AS THE BASIS OF MODERN MODEL BUSINESS

Sabanchieva Lyubov Khabizhevna, Candidate of History, Senior Scientific Employee of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), sablyu@mail.ru

Clothing is an essential component of a person's life support system in any society. She embodies the cultural codes of the people. This article is devoted to the place and role of traditional clothing in modern entrepreneurship. In particular, the attention of the reader as an ethnocultural brand in the modern modeling business is presented to the traditional women's and men's Circassian (Adyghe) clothing - adyge fashe. It is well known that up to the XX century Circassian clothing was a model of clothing for many peoples of the Caucasus, and there was a Circassian style. The adaptive properties of adyghe fashe are studied: constant and modernizable elements of traditional male and female Circassian clothing and accessories are noted. The analysis of the problem under study showed that in order to best meet the needs of customers and further business development, masters have to adapt traditional clothes. The design of the traditional women's dress undergoes the greatest transformation: it, with the exception of the stage and wedding dress, becomes closed, and the cut of the sleeves also changes. The women's hat and accessories remain unchanged: belt, bib. Attention is drawn to the style differences of the products of the masters. The author comes to the conclusion that traditional Circassian clothing has not lost its relevance, and it can be a successful business foundation. At the same time, shares of model business centers can be classified as commemorative in terms of their characteristics.

Keywords: adyge fashe, ethnocultural brand, modern model business, Circassian men's and women's clothing, tailoring, materials, accessories, commemorative.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-40-45

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-46-53

АКАДЕМИК А.М. ШЁГРЕН И ШОРА НОГМОВ: ИСТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Алиева Алла Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора фольклористики Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, matilda19@mail.ru

В статье воссоздана история дружбы и сотрудничества двух замечательных людей, чья деятельность в разной степени связана с истоками истории культуры и просветительства на Кавказе. Один из них это природный кавказец, кабардинец Шора Ногмов – первый адыгский ученый и просветитель, создатель первого кабардинского алфавита, первой грамматики адыгского (кабардино-черкесского) языка, автор знаменитой «Истории адыгейского народа...», опубликованной уже во второй половине XIX века и на русском языке, и в переводе на немецкий. Второй – финн на русской службе, Андрей Михайлович Шёгрэн (Sjögren Johann Andreas), академически образованный ученый – филолог, член Императорской Российской академии наук по историко-филологическому отделению (филология и этнография финских и кавказских народов России), многие годы работавший в Санкт-Петербурге и живо интересовавшийся языками и культурой народов Кавказа.

Статья основана на письмах Шоры Ногмова и дневниковых записях А.М. Шёгрена, оригиналы которых обнаружены автором в рукописных хранилищах Финляндии, в г. Хельсинки, а также архивах Санкт-Петербурга. Автор статьи – первый российский кавказовед, работавший с материалами Архива Шёгрена в г. Хельсинки.

Ключевые слова: Ногма, Шегрен, Грамматика, История атыгейского народа, Российская академия наук, Хельсинки.

Жизненный путь, судьба и научное наследие первого адыгского ученого и просветителя Шоры Бекмурзовича Ногмова (1796–1844) изучена так подробно, что библиография изданий «Истории атыгейского народа...» и работ, посвященных этому труду и его автору, могут составить объемистую книгу.

Г.Ф. Турчанинов, скрупулезно исследовавший научное наследие и А.М. Шёгрена, и Ш. Ногмова, воссоздал также историю дружбы и сотрудничества этих двух славных представителей российской науки первой половины XIX века. Но этому описанию явно не хватало документальной основы.

Совершенно неожиданно ее обнаружила автор этой статьи, работавшая не только в трех петербургских архивах, где хранятся материалы архива А.М. Шёгрена (Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Институте восточных рукописей РАН, Центральном Государственном историческом архиве), но и – первой из российских кавказоведом – в двух архивах в г. Хельсинки в Финляндии – в Литературном архиве Финского Литературного общества и в Отделе рукописей Национальной библиотеки Финляндии. В Архиве Финского Литературного общества хранится «Дневник» А.М. Шёгрена – с сентября 1835 до января 1838 г., в котором день за днем описан весь ход его экспедиции на Кавказ и в Крым; во втором хранятся письма Шоры Ногмова, адресованные А.М. Шёгрёну.

Документы, хранящиеся в архивах г. Хельсинки, и составили документальную основу данной статьи.

А.М. Шёгрэн подробно рассказал в своем кавказском «Дневнике» историю знакомства и сотрудничества с Шорой Бек-Мурзиным (Ногмовым). Он узнал о Шоре в Тифлисе 26 октября 1835 г. в доме князя А. Шаховского; вскоре с ним познакомился, и началось их сотрудничество, продолжавшееся до самой кончины великого кабардинца.

Отправившись на лечение в Пятигорск в феврале 1837 г., А.М. Шёгрэн решил воспользоваться близостью черкесских поселений, «чтобы узнать что-нибудь черкесское у крещеных черкесов, живущих среди колонистов» в шотландской колонии Карас (ныне пос. Иноземцево, пригород Пятигорска. – А.А.) [Дневник. 21 февраля 1837]. Сначала Шёгрэн «заключил договор с крещеным черкесом, который, как сказали, «самый знающий из всех» [Там же], а 22 февраля он решил разыскать Шору Ногмова и встретиться с ним: «...я написал письмо черкесскому узденю Шоре Бек-Мурзину, с которым я познакомился в Тифлисе, – он живет в 35 верстах отсюда – и пригласил его приехать в Карас, чтобы обучить меня черкесскому языку».

В фонде А.М. Шёгрэна в Национальной библиотеке Финляндии [Coll. 209.19] сохранился ответ Ногмова на это письмо — он обещал приехать к академику уже на следующий день.

27 февраля 1837 г. «к великой <...> радости» А.М. Шёгрэна, Ногмов прибыл. Ученый подробно зафиксировал в своем дневнике все этапы их совместной работы. Так, запись свидетельствует, что 28 февраля 1837 г. было принято «решение о переезде Шоры сюда, так как хозяин обещал за ту же цену снабжать его едой вместе со мной».

2 марта Ш. Ногмов переехал жить на квартиру Шёгрэна, где пробыл до 12 марта, и ученый «...успел закончить выписки из рукописи Ногмы» (из его «Атыхейской грамматики». – А.А.) (Дневник. 12 марта 1837). Следующая встреча Шёгрэна с Ногмовым состоялась в сентябре 1837 г. и продолжалась всего 3 дня. Эти занятия А.М. Шёгрэн подробно описал не только в своем дневнике, но и в письме к академику Х.Д. Френу, отправленном из Владикавказа 19 апреля 1837 г., в котором он не только воссоздал историю своего знакомства с Ногмовым, но и рассказал о его работе над кабардинской грамматикой, подчеркнув, «...что автор ее достоин всяческого уважения. Поражает уже сам факт, – писал А.М. Шёгрэн, – что ему пришла в голову идея создать подобный труд, что же говорить о том, что ему хватило мужества и упорства довести начатое дело до конца, тем более что русским языком он владеет весьма посредственно и это единственный европейский язык, который он знает. В нескольких восточных языках – в турецком, в татарском и арабском, он, напротив, весьма сведущ; на основе арабского он составил свой новый черкесский алфавит...».

А.М. Шёгрэн очень подробно охарактеризовал в этом письме особенности фонетики кабардинского языка, очень точно подметив, что «...уже внешняя сторона языка служит демонстрацией его бойцовского духа, страстей, желания во что бы то ни стало, любой ценой победить трудности, которые, как кажется, он создает сам себе словно для того, чтобы поддерживать прекрасную форму в постоянных упражнениях и не дать ей разнежиться и одряхлеть». <...> Язык уже представлял бы достаточно большой интерес с точки зрения своего грамматического строя, если бы не пугающие трудности произношения, весьма осложняющие подход к нему».

Удивительно, что, еще не ознакомившись с сочинением Ногмова «История адыгейского народа, А.М. Шёгрэн уже по его рассказам попытался понять суть народной поэзии адыгов: «...язык этот (кабардинский. – А.А.) издавна находится в употреблении, и сегодня используется каждый день как в ежедневном обиходе, так и в поэзии. Возможно, у этого народа нет ни одного вождя, известного

в истории, о котором не было бы сложено хотя бы одной песни. В древние времена поэты должны были присутствовать на поле боя, где их песнопения вдохновляли воинов. Этот обычай, как кажется, напоминает традиции древних скандинавов, что, впрочем, является далеко не единственным замеченным мною сходством между этими народами, пусть не в языке. Этого рода песнопения по сей день широко <распространены> среди черкесов. Ногма сам является страстным поэтом; так, все время, что он провел в моем доме, он в основном занимался поэзией как собственного сочинения, так и переводами, которые он делал с русского. Их песни очень оригинальны и характерны. Как и песни татарских народов, они большей частью меланхоличны и однообразны, с той лишь разницей, однако, что у черкесов голос неожиданно с силой поднимается на последнем стихе или на припеве. К сожалению, у меня было недостаточно времени для того, чтобы получить полное представление ни об интимном характере черкесской поэзии, ни о ее тематике, ни о ее формах, поскольку я полностью посвятил себя изучению грамматики, так как <...> я хотел завершить ее изучение».

Говоря о стремлении Шоры Ногмова поскорее вернуться домой, Шёгрэн как бы мимоходом характеризует один из адыгских обычаев в отношениях мужа и жены: «Я стремился отправить своего гостя назад, к его соплеменникам, поскольку Шора все чаще и настойчивее получал приветы от своей маленькой дочки. Таков их обычай. Чужой не имеет права передавать приветы от женщины, если он не хочет оскорбить своего земляка и доставить себе неприятности. Причина этого – в жизненном укладе особого рода по восточным законам, по которым чужой мужчина не имеет права видеть женщину в доме. «Какая тирания и варварство!» – воскликнут наши европейские дамы. Другое дело – черкешенки, которые родились и выросли, соблюдая эти законы. Черкешенка сама почувствует себя оскорбленной, вздумай ее муж предложить ей прогулку на людях. Подобный образ мыслей не допускает и считает позорным передать кому-то привет от жены. Точно также будет сочтено за оскорбление справиться о жене другого; разве может это касаться кого-то, кроме мужа! Кроме того, кажется, что мужчины вообще считают постыдным вести друг с другом разговоры о женщинах».

Итак, во время кавказской экспедиции А.М. Шёгрэн занялся изучением еще и «незапланированного» кабардинского (черкесского) языка. Случайная встреча с Шорой Бек-Мурзиным (Ногмовым) и с его «Грамматикой» позволила ему сначала познакомиться с этим удивительным языком, приступить к его изучению, а затем и помогать пытливому кабардинцу, мечтавшему о приобщении к грамоте своего народа, в совершенствовании его труда.

Основательным анализом труда Ногмова Шёгрэну предстояло заняться после завершения его кавказской экспедиции и возвращения в Петербург.

Действительно, переписка А.М. Шёгрэна с Ш.Б. Ногмовым возобновилась сразу после отъезда академика в Петербург. Из письма Ногмова Шёгрэну от 6 июня 1838 г. мы узнаем, что он отправил свою «Грамматику» командующему Отдельным Кавказским корпусом барону Г.В. Розену и ему не известна ее дальнейшая судьба, что Шёгрэн говорил об этом сочинении Ногмова с президентом Академии наук и министром народного просвещения графом С.С. Уваровым и Ногмов надеется на его помощь, и главное, что Шёгрэн дал ему ряд советов по доработке «Грамматики» и он пытается их реализовать: «По советованиям Вашим я уже постараюсь прибавлять к “Грамматике” словосочинение или синтаксис практического употребления, также и словарь, отдельным образом с разговором; <...> я полагаю, что <...> “Грамматика” самой лучшей будет, потому что всю снова рассматривал, только в русском языке я не так сильный».

Ш.Б. Ногмов, несмотря на чрезвычайную загруженность – он теперь исполнял должность секретаря Временного суда в Нальчике, продолжал работу над своим трудом, и уже 2 января 1839 г. писал Шёгрэну: «...относительно трудов моих

уведомляю, что “Грамматика” мною окончена, исправлена и дополнена и теперь до самых глаголов вовсе не та, что была прежде; вскоре она будет отправлена к Вам».

И эта огромная работа была выполнена в кратчайшие сроки, хотя Ногмов продолжал служить во Временном суде и одновременно с «Грамматикой» им было составлено «Историческое описание атихейского народа от древних времен», – сообщал Ногмов в том же письме от 5 июня 1840 г. Далее следует «Оглавление» «Исторического описания атихейского народа» – труда, который Шёгрэн сможет прочитать и сделать из него выписки только в 1845 г. по посмертным бумагам своего кавказского коллеги.

Видимо, в ответе на это письмо Ш.Б. Ногмова А.М. Шёгрэн выразил готовность ознакомиться с доработанной рукописью «Атихейской грамматики» и вскоре получил письмо Ш. Ногмова от 5 июля 1841 г.: «Благодарю Вас за снисходительное внимание, с которым Вы беретесь разобрать мою “Грамматику”. И в этом случае совершенно полагаюсь на Ваше благоусмотрение, на милостивое расположение, которое Вы изъясняете в Ваших письмах, и не ищю никакой награды. Единственное мое желание состоит в том, чтобы содействовать к образованности моих <нрзб.> и обратить внимание высшего начальства на труды человека мало ученого, но горящего ревностью к просвещению и сближению с российской державой своего народа.

Если по Вашей рекомендации я могу привлечь на себя внимание Правительства, то это послужит к убеждению моих единоземцев, что не одна личная храбрость и искусное владение оружием могут заслужить благосклонность Правительства. Без сомнения, распространение сего мнения будет поощрять молодых людей к учению, разысканиям и возбуждать в них соревнование к просвещению себя знанием и науками, чуждыми доселе нашему народу».

Отослав рукопись «Атихейской грамматики» своему наставнику 19 июля 1840 г., Ш.Б. Ногмов отправил ему письмо, в котором описал, как возник у него замысел этого труда: «Узнав в нашем эскадроне от штаб-ротмистра Туганова о предписании 1830 года господина графа Бенкендорфа, нашего благодетеля, коим предложено было о составлении “Черкесской грамматики”, что и побудило меня ревностно заниматься составлением “Грамматики”. И когда справитесь, то постарайтесь чрез господина Министра Уварова довести до сведения его сиятельства графа Бенкендорфа о моем сочинении».

Представляя доработанный вариант своей «Грамматики» А.М. Шёгрэну, Ш.Б. Ногмов надеялся на получение за нее награды: «Я Вас покорнейше прошу представить труд мой господину Министру Уварову, и независимо <к> Демидовской премии, просить его о исходатайствовании мне в поощрении прочим с Монаршей наградой», и даже доверял академику хлопоты о ее оформлении, как и о возможной публикации его «Грамматики»: «Доброе Ваше расположение заставляет меня надеяться на то, что просьба моя не будет Вами оставлена, и Вы, как и прежде уверяли меня, будете во всем стараться по возможности. Посылаю при сем к Вам один лист бумаги за моей подписью. Может быть, Вам нужно будет для представления в Академию – то, что нужно, на нем напишете. Что же касается до напечатания “Грамматики”, то я очень прошу у Вас совета. Я в сем деле не сведущ, и уверен, что Вы мне напишете, как лучше».

А.М. Шёгрэн внимательно изучил новый вариант «Грамматики» Ш.Б. Ногмова, о чем свидетельствуют его конспекты этого сочинения и выписки из него, хранящиеся в филиале АРАН [Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 193; Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 268. С. 1–27 об.].

В контексте характеристики сотрудничества А.М. Шёгрэна с Ш.Б. Ногмовым особый интерес представляют его «Примечания» – рецензия на «Грамматику» Ногмова, содержащая ряд серьезных замечаний. Целесообразно процитировать письма Ш.Б. Ногмова к А.М. Шёгрэну от 26 сентября 1841 г., свидетельствующее о том, что Ногмов с пониманием воспринял критические замечания своего

наставника: «Получив Ваше письмо, от 10 минувшего августа писанное, с возвращением моей рукописи и с приложением собственной Вашей записки, на которое уведомить честь имею: найденные Вами в моем сочинении ошибки весьма основательны. Следовательно, я и не смею быть в претензии за сделанные Вами мне замечания, но, напротив того, приношу Вам искреннюю мою благодарность за пожертвование двухмесячного времени на исправление ошибок и недостатков <э>того сочинения. Это я принимаю знаком истинного Вашего ко мне благорасположения; будьте уверены, что я потщусь к оправданию оногo».

Здесь же Ш.Б. Ногмов объяснил недостатки своей «Грамматики» несколькими обстоятельствами: «Теперь позвольте сказать Вам откровенно: не имея никакого совершенно воспитания, да и к тому же не владея хорошо русским языком, как бы я не руководствовался рекомендованною Вами переделкою, но мог ли обойтись без ошибок.

Дикая необразованная наша сторона, в которой я жительствую, отнюдь не могла бы препятствовать к усовершенствованию умственного развития. Если бы я имел некоторое образование, к тому же не был бы занят другими народными делами, от коих по обязанности моей отказаться не смею, что и не дозволило мне отъехать для рассмотрения напред такого моего сочинения на обращение внимания на главнейшие его несовершенства сведующего человека. Кроме того, побуждаем будучи высшим начальством о скорейшем представлении в корпусный штаб моего сочинения, содержавшего в себе предания и песни кабардинского народа, вынужден был отправиться в Тифлис, поручив мою рукопись писарю как для окончания, так и отправления к Вам, отчего произошли такие несо<o>бразности с настоящими правилами; ныне же я усугублю все мои способности к исправлению всех ошибок и исключу не понравившиеся Вам буквы, и в генваре будущего 1842 года представлю к Вам».

Вероятно, Ш.Б. Ногмов надеялся, что А.М. Шёгрэн не просто ознакомится с новым вариантом «Грамматики», но и подготовит ее к публикации и будет ходатайствовать о представлении его труда к Демидовской премии: «По получении которой Вы примете на себя труд пересмотреть оную, и если и затем найдете какие-либо ошибки, то, исправив таковые, представьте в Академию для напечатания от имени моего и выпущения в свет, ибо я – если потружусь при немалых моих занятиях, то это не для корысти, но единственно для пользы моих соотечественников; следовательно, с Демидовскою наградою, которая по существующему положению следует мне, я предоставляю Вам ведаться там по усмотрению Вашему, как я уже писал Вам и прежде».

В 1841 г. переписка Ш.Б. Ногмова с А.М. Шёгреном прекратилась – во всяком случае никаких ее следов в архивах академика не обнаружено. Имя Ногмова возникает в его рукописных материалах только после 10 июня 1844 г., когда первый кабардинский просветитель скончался в Петербурге, будучи прикомандированным к Кавказско-Горскому полуэскадрону для доработки своих ученых сочинений и их возможной публикации.

В Центральном государственном историческом архиве в Петербурге сохранились «бумаги, оставшиеся после смерти Шора Бек-Мурзина»; они находятся в двух фондах: [Ф. 1268. Ед. хр. 478 и Ф. 735. Оп. 2. Ед. хр. 482].

В 2009 г., когда я работала в этом архиве, материалы Ф. 1268 находились на сканировании для Библиотеки им. Б.Н. Ельцина: доступными оказались только документы, составившие [Ф. 735. Оп. 2. Ед. хр. 482]. Это «Дело Канцелярии и Министра народного просвещения» – оно включает переписку военного министра с министром народного просвещения и вице-президентом Академии наук.

Особый интерес в этом фонде представляет «копия с донесения экстраординарного академика Императорской Академии наук статского советника Шёгрена о рукописях, найденных по смерти кабардинского узденя штаб-капитана Шора-Бек Мурзина», подготовленного по поручению вице-президента Академии наук князя Дондукова.

«Г. Военный министр по Высочайшему повелению препроводил на рассмотрение Академии наук найденные по смерти бывшего кабардинского узденя, штаб-капитана Шора-Бек-Мурзина, составленные им с целью распространения в Кавказском и Закавказском краях: 1) “Граматику атихейского языка”; 2) “Предания черкесского народа” и сверх того разные черновые бумаги, к этим предметам относящиеся.

К сему г. Военный министр присовокупил, что, по отзыву местного начальника, распространение означенных сочинений может иметь полезное для нас влияние на умы тамошних жителей.

Оценка этих сочинений и бумаг в ученом отношении может быть сделана с надлежащею точностью собственно Вами потому, что Вы как ученый лингвист занимаетесь и наречиями Кавказа.

Посему, препровождая у сего упомянутые сочинения и бумаги при особой описи, я предлагаю Вам рассмотреть оные и представить мне обратно с Вашим мнением.

Вице-Президент Князь Дондуков».

Приведу важнейшие выводы рецензента. Прежде всего Шёгрэн дает высокую оценку личности первого просвещенного кабардинца: «Покойный штабс-капитан Шора Бек-Мурзин, при жизни мне лично известный, был человек по своей преданности Правительству и по чистой своей любви к просвещению достойный высшего уважения, тем более что он не только умел вполне ценить высокое преимущество просвещения пред грубым невежеством своих единоземцев, но и собственными неусыпными трудами старался таковое невежество от них устранять и в том именно отношении собою подал своим соотечественникам пример доныне первый и единственный. Наилучшим подтверждением сказанного служит, кроме оставшихся его многочисленных бумаг, собственное его “Предисловие” к “Грамматике атихейского языка”, живо отражающее пламенное стремление души его к просвещению и к споспешествованию распространения его между грубыми своими соотечественниками многолетними неутомимыми трудами. По крайней мере я не без сердечного умиления мог прочитать это, сверх того и примерною скромностью отличающееся “Предисловие”, сожалея о жестокости судьбы, преждевременно прекратившего его жизнь...»

Строго и конструктивно рецензировавший в 1840 г. первый вариант «Граматики» Ш. Ногмова, в «Донесении» А.М. Шёгрэн чрезвычайно деликатно говорит о доработанном автором втором ее варианте: «Вследствие неожиданной кончины упомянутая его “Грамматика”, к сожалению, осталась в нынешнем виде, не достигши еще того совершенства, которое она могла бы получить, если бы судьба дозволила автору ее здесь в Петербурге обработать <...> это сочинение полезно только тому, кто умеет им критически пользоваться как материалом к исследованию грамматического устройства чудного и трудного кабардинского языка, существенно еще гораздо более различающегося от русского, нежели можно предполагать по одностороннему изложению покойного автора. Весьма естественно, что самая большая часть читателей книги, напечатанной в таком виде, мало или вовсе не будет пользоваться ею вышеозначенным критическим образом <...> а потому я и сомневаюсь в пользе отпечатания этой “Граматики”»

Иное заключение сделал А.М. Шёгрэн о другом сочинении Ногмова – «Предания черкесского народа»: «Другое дело с пространнейшею еще историческою рукописью под заглавием “Предания черкесского народа”. Есть, конечно, и в этой ощутительные недостатки и странные неосновательные соображения, естественные по степени образования покойного автора; но тут каждый предусмотрительный читатель сам легко увидит, в какой мере он может полагаться на сочинителя, и, не опасаясь быть введенным в заблуждение, снисходительно извинит встречающиеся недостатки, щедро вознаграждаемые множеством любопытных и совершенно новых сведений. И вот на каком основании эта рукопись и с пользою

может быть напечатана в каком-либо хорошем периодическом журнале или, может быть, лучше даже отдельной книгой и, разумеется, под именем автора, коего многостороннему трудолюбию она делает честь».

Далее А.М. Шёгрэн подробно охарактеризовал содержание 16 «Черновых тетрадей», позволяющих составить представление о процессе работы Ногмова и над «Грамматикой», и над «Преданиями черкесского народа».

Завершая «Донесение», А.М. Шёгрэн четко сформулировал предложение издать «Предания черкесского народа» и в приложении к ним – ряд материалов из рабочих тетрадей Ногмова «Что же касается другой рукописи под заглавием “Грамматика атихейского языка” со всеми прочими черновыми тетрадями, относящимися по большей части к той же “Грамматике”, то я долгом считаю представить на благоусмотрение Правительства, не угодно ли будет пожертвовать все эти бумаги Академии наук, как самому приличному месту для их хранения».

А.М. Шёгрэн не просто рекомендовал издать «Предания черкесского народа», но и подготовил такое издание. Подтверждение тому – сохранившиеся в СПб. ФАРАН [Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 19. Caucasia 2. С. 215–236 об.] рукопись «Utdrag af Nogmas “Предания черкесского народа”» («Отрывки из “Преданий черкесского народа” Ногмова»), написанная рукою ученого на шведском языке, с цитатами из кабардинского фольклора на кабардинском языке и в русском переводе, и этот же текст, перебеленный рукою переписчика [Там же: 264–319 об.]. По какой-то причине А.М. Шёгрэн не издал ее, и только в 1861 г. сочинение Ногмова было опубликовано сначала на русском языке, а затем в немецком переводе, и стало широко известно не только в России, но и в Европе.

Итак, сотрудничество А.М. Шёгрэна с Ш.Б. Ногмовым продолжалось с 1835 до 1841 г., которым датировано последнее письмо кабардинского корреспондента. Следует подчеркнуть, что это было действительно сотрудничество – доверительное и бескорыстное. По материалам Ногмова (в частности, по тщательно законспектированной рукописи первого варианта его «Грамматики») и с его помощью Шёгрэн изучил кабардинский язык.

Но А.М. Шёгрэн не только использовал работы Ногмова, но и пытался помочь ему их совершенствовать – прежде всего я имею в виду его рецензию на «Грамматику».

В то же время А.М. Шёгрэн чувствовал некоторое недоверие Ногмова к себе: в кавказском дневнике он подметил мнительность своего наставника в кабардинском языке и, возможно, упомянул о его недоверии в письмах к нему. Об этом мы узнали из письма Ногмова к Шёгрэну от 6 июня 1838 г. [ОР НБФ. Coll. 209. 19]: «...я ни в чем не сомневаюсь. Извините меня, что и прежде я напрасно сомневался, не зная о благих Ваших намерениях, за то я недоверчивый черкес есть, и что прошло, то прошло, я теперь Ваш слуга».

Вопрос о недоверии к Шёгрэну снова возникает в письме к нему Ногмова от 5 июня 1840 г.: «Что же касается до недоверия моего к Вам, то оно всегда было чуждо меня; доказательством сему может служить моя “Грамматика”, которую Вы скоро получите. Ибо если бы я не доверил Вам, то мог бы найти много средств отправить “Грамматику” через нынешнее начальство в Академию, но я надеюсь на Ваше слово.

Признаюсь Вам, что мне весьма было бы обидно, если бы Вы издали прежде меня взятую Вами копию с моей “Грамматики”, которая неправильна; ныне же я усовершенствовал <ее> введением европейских букв и исправил во всех неполнотах – однако я уверен, что Вы этого никогда бы не сделали и писали ко мне не с таким намерением».

И даже отправляя рукопись второго варианта «Грамматики», Ш.Б. Ногмов опять касается темы недоверия к нему: «Окончив, исправив и дополнив совершенно свою “Черкесскую грамматику” прибавлением “Синтаксиса” и “Словаря”, мне весьма приятно препроводить ее к Вам. Вы можете видеть, справедливо ли Ваше мнение о моем недоверии, о котором в письмах Ваших часто упоминается – я доказал Вам

свое доверие и, надеюсь искренно, что Вы будете мне способствовать столько, сколько будет возможно» [Письмо от 19 июля 1840 г. ОР НБФ. СоП. 209. 19].

А.М. Шёгрэн не просто принял к сведению опасения Ногмова, но и изменил свои планы, связанные с изучением кабардинского языка. Из его письма к президенту Академии наук графу С.С. Уварову мы узнали, что ученый задумал написать собственную грамматику черкесского языка (в XIX в. редко дифференцировали адыгские языки, определяя их собирательным термином «черкесские»): «...у меня была возможность усовершенствовать свои знания в черкесском и написать более основательную грамматику этого языка – книгу, которая, помимо научного интереса, могла бы оказаться весьма полезной и в политическом отношении».

Но поскольку «Грамматика» Ногмова не была опубликована, А.М. Шёгрэн отказался от замысла подготовить свою черкесскую (или кабардинскую) «Граматику», хотя изучил этот язык основательно, что позволяют утверждать хранящиеся в Петербурге вышеупомянутые материалы. Такое решение А.М. Шёгрэна – бесспорное свидетельство его уважения к воле Ш.Б. Ногмова.

Источники и литература

1. *ИВР* – Институт восточных рукописей. Российской академии наук. Санкт-петербургское отделение.
2. *ЛАФЛО* – Литературный архив Финского литературного общества. Хельсинки, Финляндия.
3. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды //исслед. подг. Г.Ф. Турчанинов. Т. 1. Нальчик: Кабардинское государственное книжное издательство, 1956. 308 с.; Т. 2. Нальчик: Кабардино-Балкарское государственное книжное издательство, 1959. 200 с.
4. *ОРНБФ* – Отдел рукописей Национальной библиотеки Финляндии. Хельсинки.
5. *СПбФРАН* – Архив рукописей Российской академии наук. Санкт-петербургский филиал.

ACADEMICIAN A.M. SJÖGREN AND SHORA NOGMOV: HISTORY OF COOPERATION

Aliева Alla Ivanovna, Doctor of Philology, chief researcher of folklore stuff of the Institute of World Literature named by A.M. Gorky of the Russian academy of sciences, matilda19@mail.ru

The article reconstructs the history of friendship and collaboration of two remarkable persons, whose activities are to varying degrees related to the origins of the history of culture and enlightenment in the Caucasus. One of them is a natural Caucasian, Kabardian Shora Nogmov – the first Adyghe scholar and enlightener, the creator of the first Kabardian alphabet, the first grammar of the Adyghe (Kabardino-Circassian) language, the author of the famous «History of the Atyhenian people ...» published already in the second half of the XIXth century and in Russian language, and translated into German. The second is a Finn in the Russian service, Andrei Mikhailovich Sjögren (Sjögren Johann Andreas). He is an academically educated scholar-philologist, the member of the Imperial Russian academy of sciences in the historical and philological department (philology and ethnography of the Finnish and Caucasian peoples of Russia). For many years he worked in St. Petersburg and was keenly interested in the languages and culture of the peoples of the Caucasus.

The article is based on the letters of Shora Nogmov and the diary entries of A.M. Sjögren. The originals of these letters were discovered by the author in the manuscript repositories of Finland, in Helsinki, as well as in the archives of St. Petersburg. The author of the article is the first Russian Caucasian scholar who worked with archive materials from the Sjögren archive in Helsinki.

Keywords: Nogma, Sjögren, Grammar, History of the Atyhenian people, Russian academy of Sciences, Helsinki.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-46-53

**ОТРАЖЕНИЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДАХ Ш.Б. НОГМОВА
ФОНЕТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ПРОИСХОДИВШИХ
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ
В НАЧАЛЕ XIX в.**

Бижов Борис Чамалович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Настоящая статья демонстрирует на конкретных примерах то значение и ту роль первой грамматики кабардино-черкесского языка и первого кабардинско-русского словаря Шоры Бекмурзовича Ногмова, составленных им в первой половине XIX века, для восстановления истории развития адыгских (черкесских) языков. Еще до их издания, на рукописи Ногмова опирались П. Услар, Л. Лопатинский и другие исследователи при написании своих трудов, после выхода же их в свет в 1950-е годы они стали одним из основных источников фактически для всех лингвистов-адыговедов, таковыми остаются и в настоящее время. Дело в том, что в годы жизни и деятельности Ш. Ногмова в кабардино-черкесском языке происходили ряд активных процессов как в области фонетики, так и грамматики и они отразились в обширных ногмовских материалах. Поскольку все это невозможно проанализировать в одной статье, мы ограничились наиболее важными и существенными из них – это трехступенчатый переход $z, k, kI > zь, кь, кIь > дж, ч, чI$ и история общеадыгских $дж, ч, чI$ в области фонетики и на морфологических изменениях, произошедших в оформлении эргативного и обстоятельного падежей. Этих трех моментов вполне достаточно, по нашему убеждению, для того, чтобы по достоинству оценить вклад Ш.Б. Ногмова в становление и развитие адыгского языкознания.

Ключевые слова: Ш. Ногмов, грамматика, словарь, кабардино-черкесский, общеадыгский, фонетика, изменение, падеж, окончание, языкознание.

Лингвистическое наследие Шоры Бекмурзовича Ногмова, как известно, состоит из «Начальных правил кабардинской грамматики», которые имеют две редакции – 1840 и 1843 годов, и Кабардинско-русского словаря. Эти труды были по достоинству оценены уже при жизни просветителя его современниками – учеными и передовыми людьми России, достаточно назвать имена академиков А.П. Берже и А. Шёгрена, которые, кстати, не только воодушевляли Ногмова, но и оказывали помощь дельными советами. Названные работы были первыми исследованиями не только по адыгским языкам, до них не было никаких научных разработок ни по одному из многочисленных северокавказских языков – на этот важный факт, придающий особую роль им, указывает один из известнейших лингвистов-адыговедов З.И. Керашева в своей книге, специально посвященной жизни и научной деятельности первого адыгского просветителя [Керашева 1991: 63].

К сожалению, и грамматика, и словарь Шоры Ногмова были изданы более чем через сто лет после их написания, но имеются свидетельства о том, что с этими рукописями были знакомы и опирались на них те авторы, которые занимались адыгскими языками после Шоры Ногмова, в частности П. Услар, Л. Лопатинский, К. Атажукин и другие. И позже, уже в советское время, когда адыговедение

стало по-настоящему научным направлением, пожалуй невозможно найти хотя бы одного специалиста в этой области, кто не обращался к научному наследию Ш. Ногмова. Оно и сегодня ценно для лингвистов-адыговедов как самый обширный материал о состоянии кабардино-черкесского языка в начале XIX века, опираясь на которого можно проследить историю его развития за последние два столетия.

В этом плане проделана значительная работа, но необходимо особо отметить заслуги Г.Ф. Турчанинова и М.А. Кумахова. Г.Ф. Турчанинов не только осуществил первый глубокий анализ Грамматики и Словаря Ш. Ногмова, но приложил титанический труд к подготовке к изданию сочинений Ш. Ногмова. Кстати, З.И. Керашева справедливо заметила в своей монографии, что нельзя забывать то, что в этом важном деле солидную помощь ему оказали старейший адыговед Х.У. Эльбердов и Т.Х. Куашева [Керашева 1991: 67–68].

В своем докладе я хотел бы остановиться на некоторых важных моментах отражения в произведениях Ш. Ногмова фонетических и грамматических процессов, происходивших в кабардино-черкесском языке при жизни просветителя, опираясь, наряду с собственными наблюдениями, на публикации названных языковедов.

Без всякого сомнения, обилием подобных процессов или изменений отличается область фонетики. Судя по материалам Грамматики и Словаря Ш. Ногмова, в начале XIX века в языке наблюдались ряд фонетических преобразований, находившихся в это время на разных уровнях развития.

1. В основе современных кабардино-черкесских фонем *дж*, *ч*, *чI* лежат общеадыгские простые нелабиализованные заднеязычные *г*, *к*, *кI*, которые и поныне сохранились как реликтовые явления в некоторых диалектах и говорах, например в кубанском диалекте говорят *бзагэ* «злой» вместо лит. *бзаджэ*, *гыпсту* «сейчас», вместо *иджыпсту*, *кыцэ* «кустарник» вместо *чыцэ*, *йыпэкIэ* «раньше», вместо *ипэкIэ* и т.д. Но дело в том, что в том же диалекте в речи старшего поколения в 1950-е годы были зафиксированы в качестве их вариантов мягкие палатализованные *гь*, *кь*, *кIь*. Их наличие отмечено и в других адыгских диалектах (например, в шапсугском), а также в абазинском и убыхском языках, что позволяет сделать вывод о том, что данные мягкие варианты явились переходным этапом в процессе аффрикации заднеязычных согласных. Этот трехэтапный процесс уже завершился в литературном кабардино-черкесском языке, но в бесленеевском диалекте, малокабардинских говорах и частично в малкинском говоре сохраняются палатализованные согласные *гь*, *кь*, *кIь*, т.е. процесс перехода *г*, *к*, *кI* > *гь*, *кь*, *кIь* > *дж*, *ч*, *чI* протекал и протекает в адыгских языках с разной степенью интенсивности. Аффрикация палатализованных *гь*, *кь*, *кIь* в кабардино-черкесском языке вступила в действие значительно позже, чем в адыгейском языке, о чем свидетельствует словарь Ш.Б. Ногмова, а также другие его произведения, в которых вместо новых мягких шипящих аффрикат везде представлены заднеязычные согласные (он обозначает их знаками *г*, *к*, *к̣*): *егэн* «звать», *гегу* «игра», *ке* «селезенка», *ка* «хвост», *канса* «веревка».

По мнению Г.Ф. Турчанинова, эти заднеязычные согласные в годы жизни Ногмова были палатализованными [Турчанинов 1949: 50–51]. Возражая этому утверждению, М.А. Кумахов обращает внимание на следующее: для обозначения лабиализованных заднеязычных *гу*, *ку*, *кIу* Ш.Б. Ногмовым используются те же знаки *г*, *к*, *к̣* с добавлением к ним знаков *у*, *о* (например: *гу* «сердце», *гохин* «отрубить», *куу* «глубокий», *код* «много», *к̣он* «идти»). Не подлежит сомнению, что лабиализованные заднеязычные при Ш.Б. Ногмове не были палатализованными, как и в современном кабардино-черкесском языке. На этом основании скорее всего можно предположить, что у Ш.Б. Ногмова простые заднеязычные взрывные по своим артикуляционным свойствам отличаются от лабиализованных заднеязычных взрывных лишь лабиализованной артикуляцией [Кумахов 1981: 188].

В таблице согласных Л.Г. Лопатинского, составившего краткую кабардинскую грамматику и русско-кабардинский словарь с кабардинским указателем в конце XIX века (примерно через полстолетия после завершения работы над «Черкесскими преданиями» и «Начальными правилами кабардинской грамматики» Ш.Б. Ногмова) [Лопатинский 1891], из новых мягких шипящих аффрикат представлена лишь одна звонкая шипящая аффриката *дж*. Однако и эта единственная шипящая аффриката в словаре Л.Г. Лопатинского встречается лишь в одном исконном адыгском слове *джэгу* в значении «девичник» и производном от этого корня слове *гъэдджэгу* в значении «гарцевать». Корень *джэгу* с основным этимологическим значением «игра», «играть», в словаре представлен с заднеязычным смычным согласным. Ср. *гегу*, *гегун* «играть» (интересно отметить, что основные осведомители Л.Г. Лопатинского при исследовании кабардинского языка, в частности Талиб Кашежев, были уроженцами того самого аула Кармово, где жил Ш.Б. Ногмов). Шипящая аффриката *дж* отмечается также в заимствованном слове *маджусий* «идолопоклонник». Во всех остальных случаях современной вторичной звонкой мягкой шипящей аффрикате в словаре Л.Г. Лопатинского соответствует заднеязычный смычный согласный. Шипящие аффрикаты *ч*, *чI* вовсе отсутствуют у Л.Г. Лопатинского: *гиде* «топор», *гане* «рубашка», *гате* «сабля», *кеу* «плетень», *кенж* «неглубокий, мелкий», *бле* «проходящий», *кепхин* «фартук».

Таким образом, в работах двух основных дореволюционных исследователей кабардино-черкесского языка отмечаются заднеязычные смычные вместо вторичных шипящих аффрикат. Отсюда, однако, нельзя делать вывод, что еще в конце прошлого столетия (в период создания работ Л.Г. Лопатинского) аффрикатизация заднеязычных взрывных была совершенно чужда кабардино-черкесскому языку. Фонетические различия между диалектами и говорами не могли быть полностью отражены в работах Ш.Б. Ногмова и Л.Г. Лопатинского. Вместе с тем широкое распространение аффрикатизации заднеязычных взрывных во всех современных кабардино-черкесских диалектах и говорах, за исключением бесленеевского диалекта (который не мог лечь в основу указанных работ), свидетельствует о сравнительно быстром и интенсивном развитии данного звукового процесса в данном языке.

2. Мы говорили до сих пор о производных *дж*, *ч*, *чI* в кабардино-черкесском, которых нельзя смешивать с первичными общеадыгскими *дж*, *ч*, *чI*. Из последних мягкая шипящая аффриката *дж* еще прочно удерживается в бжедугском, шапсугском, темиргоевском и бесленеевском диалектах. Вместе с тем следует полагать, что в общеадыгском звонкая аффриката *дж* восходит к разным источникам, что и нашло отражение в ее развитии после распада языка-основы. С одной стороны, старая аффриката *дж* реконструируется на основании звукосоответствия бжедугского, темиргоевского, шапсугского, бесленеевского *дж*, абадзехского *жъ*, кабардино-черкесского *ж*. Ср. бжедуг., темирг., шапс., бесл. *баджэ*, абадз. *бажъэ*, каб. *бажэ* «лиса»; бжедуг., темирг., шапс., бесл. *лъэмыдж* (*лъэмыджы*), абадз. *лъэмыжъ*, каб. *лъэмыж* «мост»; бжедуг., темирг., шапс., бесл. *хъэджыгъэ*, абадз. *хъэжъыгъэ*, каб. *хъэжыгъэ* «мука»; бжедуг., темирг., шапс. *ккъуаджэ*, бесл. *кълуаджэ*, абадз. *ккъуажъэ*, каб. *кълуажэ* «селение», «село». Наряду с указанной общеадыгской аффрикатой *дж*, характерной для интервокального положения, в общеадыгском представлена аффриката *дж*, реконструируемая на основании звукосоответствия: бесл. *дж*, каб. *ж*, темирг. *ч*, абадз. *шь*, бжедуг., шапс. *чч*, темирг. *ч*. Ср. бесл. *джэм*, каб. *жэм*, темирг. *чэмы*, абадз. *шьэмы*, бжедуг., шапс. *ччэмы* «корова»; бесл. *джан*, каб. *жан*, темирг. *чан*, абадз. *шьан*, бжедуг., шапс. *ччан* «острый»; бесл. *джэшь*, каб. *жэшь*, темирг. *чэшьы*, абадз. *шьэшьы*, бжедуг., шапс. *ччэшьы* «ночь».

Показательны различия между говорами бесленеевского диалекта в распределении старой аффрикаты *дж*. Более архаичным оказывается анатолийский говор Зеннун, где *дж* имеет широкое распространение ввиду неравномерности развития

тенденции перехода *дж* > *ж* в кабардино-черкесских диалектах и говорах [Paris 1974: 113]. Незавершенностью перехода *дж* > *ж* с бесленеевским сближается говор села Абазакт: *джэм*, *жэм* «корова», *ныджэбэ*, *ныжэбэ* «сегодня ночью», *кълуаджэ*, *кълуажэ* «селение, село», *хьэджыгъэ*, *хьэжыгъэ* «мука» [Багов 1969: 13]. Как видно, в этом говоре на уровне вариантов прослеживается старая аффриката *дж*, гетерогенная по своему происхождению (ср. *джэм* «корова», *кълуаджэ* «селение»). Аналогичное явление наблюдается у Ш. Ногмова: *джэм* «корова», *джан* «острый», *джэшь* «ночь», *баджэ* «лиса», *кълуаджэ* «селение» и др.

Переход *дж* > *ж* относится к поздней эпохе самостоятельного существования кабардинского языка. Об этом свидетельствует не только бесленеевский диалект, прочно удержавший общеадыгскую аффрикату *дж*, но также письменные памятники XIX столетия. Так язык Ш.Б. Ногмова характеризуется незавершенностью процесса перехода *дж* > *ж*. С одной стороны, у Ш.Б. Ногмова в ряде случаев вместо спиранта *ж* представлена исходная аффриката (*баджэ* «лиса»), а с другой стороны – аффриката *дж* и спирант *ж* находятся в отношении свободного варьирования (*кълуаджэ*, *кълуажэ* «село» и др.).

Общеадыгская аффриката *чI* дает несколько рефлексов в адыгских диалектах. Аффрикате *чI* в диалектах и говорах соответствуют: мягкий шипящий абруптивный спирант *шь* в абадзехском и моздокском диалектах [Куашева 1969: 126], мягкий шипящий абруптивный спирант *шь* и мягкий свистящий спирант *сIь* в малкинском говоре [Шагиров 1969: 291–292], шипяще-свистящий спирант *шI* в баксанском, кубанском диалектах, малокабардинском и черкесских говорах (за исключением речи абазактцев). Ср. абадз., мозд. *шьэ*, малк. *шьэ*, *сIьэ*, бакс., куб., малокаб. *шIэ* «новый», «молодой»; абадз. *хьашIэ*, мозд. *хьэшIэ*, малк. *хьэшIэ*, *хIэсIьэ*, бакс., куб., малокаб., черк. *хьэшIэ* «гость»; абадз., мозд. *машIэ*, малк. *машIьэ*, *масIьэ*, бакс., куб., малокаб. *машIэ* «мало». Спирант *шI* вместо общеадыгской аффрикаты *чI* представлен также в кабардино-черкесском литературном языке.

Исходная мягкая шипящая аффриката встречается еще у Ш.Б. Ногмова, не различающего противопоставления шипящих аффрикат по твердости-мягкости. Вместо *чIь* и *чI* Ш. Ногмов употребляет одну (мягкую) аффрикату (он обозначает ее знаком $\hat{ч}$): $\hat{чи}$ «земля», $\hat{ча}$ «молодой», «новый», $\hat{жу}$ «железо», $\hat{чалh}$ «юноша», «парень».

Язык Ш.Б. Ногмова сближается с шапсугским диалектом, где твердая шипящая аффриката *чIь* совпала с мягкой аффрикатой *чI*: Ср. шапс. *чIыгу* «земля», *чIэ* «новый», «молодой», *гьуычIы* «железо», *чIалэ* «юноша», «парень». Как отмечалось выше, аналогичное явление – переход *чIь* > *чI* – отмечается в бесленеевском говоре Зеннун [цит. по: Кумахов 1981: 182]. Отсюда в тех адыгских диалектах и говорах, в которых имело место снятие противопоставления *чIь*: *чI* в результате совпадения твердой аффрикаты *чIь* с мягкой аффрикатой *чI*, последняя относится к разным хронологическим эпохам: в одних случаях *чI* восходит к общеадыгскому языку, в других – к периоду после дифференциации языка-основы на самостоятельные языки и диалекты. Адыгские диалекты и говоры сохранили разные ступени как перехода общеадыг. *чIь* > *чI* > *шьI* > *шI*, так и перехода общеадыг. *чI* > *шьI* > *шI*.

3. Теперь о переменах, произошедших в падежной системе кабардино-черкесского языка. Если оставить без внимания те названия, которые им давал Ш. Ногмов, подражая русской грамматике, а также некоторые нестыковки в разных местах, он в принципе выделил все четыре падежные формы, которые окончательно утвердились в современном адыговедении: именительный на *-р*, эргативный на *-м*, послеложный на *-(м)кIэ*, обстоятельственный на *-уэ* [Ногма 1959: 61]. При этом ногмовские примеры свидетельствуют о том, что для эргатива в то время более характерным было окончание с гласным исходом (*-мэ*), хотя у него встречаются и формы без этого исхода (*-м*), что принято литературной нормой для

современного языка. Как справедливо отмечено Г.Ф. Турчаниновым, процесс преобразований эргатива ярко демонстрируют факты, извлеченные из текстуальных записей Ш.Б. Ногма [Турчанинов 1960: 208]. Разной в оформлении эргатива наблюдается также в записях Гюльденштедта, которые были зафиксированы за полвека до Ногмова, а также более поздних изданиях Кази Атажукина и Магомеда Шарданова. Более того, в наше время в речи некоторых представителей старшего поколения встречается форма на *-мэ*, т.е. две формы сосуществуют в языке как минимум уже два столетия. Окончательное утверждение варианта на *-м* произошло именно благодаря орфографическим правилам.

М.А. Кумахов убедительно доказал, что *-мэ* как форма эргатива не имела числового противопоставления в общеадыгском языке, т.е. контекстуально она могла обозначать и единственное, и множественное число. Подобное состояние сохраняется в ряде диалектов, например, в шапсугском [Кумахов 1989: 19]. У Ногмова можно обнаружить примеры, подтверждающие факт употребления формы *-мэ* со значением не только единственного, но также и множественного числа. Однако преобладание в его записях все же форм эргатива, где уже присутствует наряду с *-мэ* и аффикса множественного числа *-хэ*, свидетельствует о том, что к тому времени в кабардино-черкесском языке в эргативном падеже превалировали маркированные по числу формы: *сабий-хэ-мэ* «дети», *уэркъ-хэ-мэ* «орки», *лъэс-хэ-мэ* «пешие», *шу-хэ-мэ* «всадники» и т.д.

Претерпело изменение также оформление обстоятельственного падежа, вместо нынешнего его окончания *-уэ* фактически во всех примерах Ш. Ногмова *-гуэ*: *хабзэ-гуэ* «как закон», *быдзышэ-гуэ* «как грудное молоко», *шыпхъу-гуэ* «как сестра», *анэ-гуэ* «как мать» и т.д. [Турчанинов 1959: 61]. М.А. Кумахов считает, что на общеадыгском уровне форматив обстоятельственного падежа реконструируется как *-гуэ* [Кумахов 1989: 29]. Опорой для подобной реконструкции служат, наряду с Ногмовым, также материалы И.А. Гюльденштедта, Л.Г. Лопатинского, К.М. Атажукина и др.

В современном языке форматив обстоятельственного падежа имеет фонетические варианты *-у* и *-уэ*. Их выбор определяется строением основы, к которой они присоединяются: в односложных основах с вокалическим исходом используется *-уэ* (*сэ-уэ* «в качестве ножа», *псы-уэ* «в качестве воды»), а *-у* характерен для многосложных основ (*мазэ-у* «как луна»). Однако при этом данные варианты часто взаимозаменяют друг друга, например: *сэ-у // сэ-уэ* «в качестве ножа», *мазэ-у // мазэ-уэ* «как луна» и т.д. То, что появление фонетических вариантов *-у // -уэ* является более поздним явлением, подтверждается тем, что исходный для них *-гуэ* не может иметь подобных вариантов.

В нашей статье рассмотрены всего три момента затронутой темы, их на деле намного больше, т.е. ногмовский материал предоставляет широкую возможность реконструировать состояние кабардино-черкесского языка и проследить историю развития адыгских языков за несколько столетий. Потенциал наследия первого лингвиста-адыговеда в этом плане исчерпан далеко не до конца, оно будет, несомненно, настольной книгой для адыговедов еще на долгие годы.

Источники и литература

1. Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. С. 9–75.
2. Керашева З.И. Шора Ногмов – выдающийся ученый (на адыгейском языке). Майкоп: РИПО «Адыгея», 1991. 92 с.
3. Куашева Т.Х. Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. С. 119–189.
4. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.

5. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.
6. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. I. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 210 с.
7. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. II. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1959. 200 с.
8. *Турчанинов Г.Ф.* О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке первой половине XIX в. // Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. Вып. 2. С. 39–60
9. *Турчанинов Г.Ф.* К теории черкесского эргатива // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 204–210.
10. *Шагиров А.К.* Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. С. 290–329.
11. *Paris Catherin.* Systeme phonologique et phé nomenes phoné tiques dans le parler Besney de Zennun köyu (Tcherkesse oriental). Collection linguistique publiée par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. Paris, 1974. 248 p.

**REFLECTION IN LINGUISTIC WORKS BY SH.B. NOGMOV
PHONETIC-GRAMMATICAL PROCESSES OCCURRING
IN THE KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE AT THE BEGINNING
OF THE 19th CENTURY**

Bizhiov Boris Chamalovich, Doctor of Philology, Leading Research Scientist, Department of Kabardino-Circassian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

This article demonstrates with concrete examples the significance and role of the first grammar of the Kabardino-Circassian language and the first Kabardian-Russian dictionary of Shora Bekmurzovich Nogmov, compiled by him in the first half of the nineteenth century, to restore the history of the development of Adyghe (Circassian) languages. Even before their publication, P. Uslar, L. Lopatinsky and other researchers relied on the Nogmov's manuscript when writing their works, after their publication in the 1950s, they became one of the main sources for virtually all Adyghe linguists, and they still remain such. The fact is that during the years of life and activity of Sh. Nogmov in the Kabardino-Circassian language a number of active processes took place both in the field of phonetics and grammar and they were reflected in the vast Nogmov materials. Since all this cannot be analyzed in one article, we limited ourselves to the most important and significant of them – this is a three-stage transition $z, k, kl > zb, kb, klb > dz, c, cl$ and history general Adyghe $дж, ч, чl$ in the field of phonetics and on morphological changes that occurred in the design of ergative and circumstantial cases. These three points are quite enough, in our opinion, to appreciate the contribution of Sh.B. Nogmov in the formation and development of Adyghe linguistics.

Keywords: Sh. Nogmov, grammar, dictionary, Kabardino-Circassian, Common Adyghe, phonetics, change, case, ending, linguistics.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-54-59

УДК: 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-60-64

АКТУАЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Ш.Б. НОГМОВА (на примере ориентализма *аманһт*)

Озова Фатима Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, fo7799@ Rambler.ru

Словарь Ш.Б. Ногмова, в отличие от современных словарей, свидетельствует, что в недалеком прошлом в черкесском языке существовало две лексемы на основе арабизма «аманат». В статье показаны экстралингвистические причины двойного заимствования и процессы их адаптации в языке.

Ключевые слова: Лексикография, Ш.Б. Ногмов, актуальность, аманат, аманһт, *Иэнэмэт* (анемат / анэмэт).

На Кавказе обычай дипломатического заложничества отслеживается с античной эпохи [Античное наследие Кубани 2010: 96]. В черкесском языке отсутствовал специальный термин для его обозначения; как и в других языках, дипломатических заложников называли, очевидно, *залогами* (*шэсынIэм кыина цыыхухэ*, букв. люди, оставшиеся в заложниках). Дипломатическое заложничество здесь носило преимущественно *взаимный* или *эквивалентный* характер [Белокуров 1889: 350; Книга путешествия... 1999: 87, 88]. В XVIII в. имеются данные и об одностороннем [дипломатическом] заложничестве между князьями Кабарды и их вассалами [История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева... 2005: 205] (но эти случаи были скорее исключением, чем правилом).

В этимологическом словаре А.К. Шагирова имеется лексема *анэмэт** в значении «оставленный на чье-либо попечение» [Шагиров 1977: 61]. Здесь же указывается, что этот историзм был заимствован в черкесский язык из арабского и турецкого языков, где он употреблялся в значении *заложник* (что противоречит данным этих языков). Это заблуждение в еще большей степени развил современный толковый словарь черкесского языка, утверждая, что лексема *анемат/анэмэт/Иэнэмэт* имела значение *заложник* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 25]. Это затруднение разрешается данными, зафиксированными Ш.Б. Ногмовым (1794–1749). Они свидетельствуют, что в первой половине XIX в. в черкесском языке бытовали одновременно две лексемы: *анемат/Иэнэмэт* и *аманһт* [Ногма 1956: 133]. Лексема *анемат/анэмэт/Иэнэмэт* продолжает существовать в современном черкесском языке, в то время как *аманһт*, наиболее близкая фонетически и семантически русскому историзму *аманат*, также стала историзмом. Очевидно, что это слово было заимствовано в язык дважды: первый раз в значении, близком к арабскому этимону (*анемат/анэмэт/Иэнэмэт*), второй — из русского языка в

* Современное графическое оформление этой лексемы – *анэмэт* – вызывает аргументированное возражение авторитетных лингвистов, считающих более адекватным фонетическому звучанию правописание «Иэнэмэт». Первая фонема «I» (в иберийско-кавказской транскрипции [ʔʔ]) в русском языке слышится впереди при произнесении, например, слова «аминь» (черк. *Iэмин*). Досадно, что в известных словарях арабизм «аманат», произносимый как [Иэнэмэт], не получил должного орфографического оформления и написан как «анэмэт» [Консультация ВНС КЧИГИ, канд. филол. наук Х.С. Братова].

значении «дипломатический заложник» (*аманит* или *аманат*). Эти заимствования произошли в разное время, были обусловлены экстралингвистическими причинами и по-разному адаптировались к языку.

На первичное заимствование лексемы *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* в черкесском языке может пролить свет анализ бытования понятия *аманат* в горных районах Грузии, относительно которых этот институт наиболее полно описан и может быть здесь использован в силу близости этнических культур грузин и черкесов. Этнографический материал свидетельствует, что в грузинском языке имелось несколько исконных лексем эквивалентных лексеме *аманатство* [Канделаки 1987: 12]. Они обозначали «внешне похожие, но стадияльно и типологически весьма разнородные явления» [Анчабадзе 1988: 162]. Так, *аманатством* названы: 1) обычай принятия в общину чужеродца-беглеца; 2) содержание заложников; 3) передача какой-либо вещи на хранение; 4) покровительство общины находившимся в ней гостям, детям-сиротам, мужьям-примакам. Таким образом, в Грузии институт аманатства представлял собой «разветвленный комплекс специфических обычаев и норм» [Анчабадзе 1988: 162]. В черкесском языке, как видим, эти явления стали обозначаться образованными на основе лексемы *аманат* двумя историческими понятиями: *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* и *аманит*.

Первичное заимствование арабского этимона в грузинский язык могло состояться в эпоху арабской экспансии в 650–850-х гг. Очевидно, «синонимичное арабское заимствование» [Анчабадзе 1988: 163] присоединилось к исконным лексемам. Первичное заимствование из языка этимона в черкесский язык в форме *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* было возможно также в хазарский период [Шагиров 1989: 74] или в период интенсивных средневековых дипломатических, торгово-экономических и культурных черкесско-египетских связей первой половины II тыс., в результате которых проникли и закрепились в языке отдельные исламские религиозные дефиниции [Балкаров 1959: 99; Шагиров 1989: 74].

Арабский этимон был успешно адаптирован на фонетическом, синтаксическом и семантическом уровнях черкесского языка. Лексема *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* имеет, в отличие от арабского этимона и его аналогов в русском, казахском, ногайском, древнетюркском, турецком и крымскотатарском языках, оригинальное фонетическое звучание – [anemat] (по Ш. Б. Ногмову) и в современном графическом оформлении – *анэмэт, Іэнэмэт*. Существенное фонетическое отстояние этой лексемы от арабского этимона при значительной семантической близости говорит о том, что оно было заимствовано из арабского языка через устную традицию. Значительная фонетическая трансформация, как и смысловая близость этого арабизма к исконному этимону, объясняется также наличием в черкесском языке семантически близких ему синтаксических конструкций. Так, семантика термина *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* и выражения «нэІэ тегъэтын» полностью совпадают, чего нельзя сказать об их этимологии. Выражение «нэІэ тегъэтын» означает «держат под присмотром, опекой, вниманием кого-либо, чего-либо». Здесь «нэІэ» – составное слово («нэ» – глаз, глаза, «Іэ» – рука, руки; «тегъэтын» – держать под присмотром, заботиться). Кроме того, есть еще выражение «нэІэм щІэкІын», означающее «выйти из-под опеки, присмотра, заботы» и т. д. «НэІэ» – это по форме переставленные первые слоги («Іэ» – рука + «нэ» – глаз) в черкесской транслитерации слова *аманат* – *Іэ-нэ-мэт* [Консультация ВНС КЧИГИ, канд. филол. наук Х.С. Братова] (*анемат/анэмэт*).

Черкесским языком было заимствовано множество значений полисемичного слова-этимона. Семантическое значение черкесского слова уже семантики этимона, но степень их отстояния друг от друга незначительна. Ориентализм *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* сохранил теолого-философский смысл на обоих семантических уровнях, характерных для арабского этимона: Бог – Человек и Человек – Человек. В переводе смыслов Священного Корана на черкесский язык лексема «Іэнэмэт»

имеет значение «обязательство» [КъурІэн 2001: 342], «доверенное имущество» [КъурІэн 2001: 87]. И сегодня в черкесском языке широко бытуют выражения: «Алыхьым и Іэнэмэтц» – «аманат Аллаха»; «Алыхьым дриІэнэмэтц» – «мы аманаты Аллаха»; «Іэнэмэт хуащІын» – «поручить кому-либо присматривать за кем-чем-либо, охранять кого-что-либо» [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 25]; «си сабийр уи Іэнэмэтц» – «прими моего ребенка на какое-то время под свой аманат, т.е. под свое попечительство, заботу». (Оно имеет сакральные коннотации, подразумевающая существование ответственности любого взрослого человека за ребенка перед Богом).

В черкесском языке в качестве *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* может выступать как человек, так и какой-либо предмет, который дорог его владельцу. Подразумевается, что вручаемое (*анемат/анэмэт/Іэнэмэт*) попечителю отдается ему на сохранение и должно обязательно возвратиться к владельцу. Человек, принимая кого- или что-либо в *анемат/анэмэт/Іэнэмэт*, тем самым брал на себя обязанность сохранить его непременно, даже ценой жизни, так как сохранность вверенного становилась делом чести попечителя. «Анэмэт* гьерэт ухуэмыхьу» – «Не ищи выгоду от аманата» [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 25] – говорит черкесская пословица. Любопытно, что с этой пословицей перекликается норма средневекового европейского посольского обычая о запрете использования дипломатического заложника с целью, отличной от той, ради которой был заключен гарантированный им договор, и «извлекать из него выгоду, помимо той, о которой была прямая договоренность» [Ваттель 1960: 359].

В понимании слова *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* присутствует только добровольная передача кого (чего)-либо кем-либо какому-либо доверенному лицу и возвращение *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* по первому требованию доверителя. Субъектом в отношениях, возникающих вокруг *анемат/анэмэт/Іэнэмэт*, согласно данным черкесского языка, выступает только его доверитель, в то время как в русском языке субъектом в отношении аманата являлся как его доверитель, так и хранитель. Этот конфликт смыслов проявляется в функционировании системы аманатства в Черкесии с XVII в., что стало, очевидно, причиной вторичного заимствования черкесским языком ориентализма *amanat* и его бытования в двух взаимоисключающих значениях.

Согласно документам вторичное заимствование лексемы *amanat* в черкесский язык произошло в XVII в. из русского языка через письменную традицию, на что указывает фонетическая близость черкесского *аманһт* к русскому *аманат*. Существовавший в российско-черкесских отношениях институт дипломатического заложничества всегда носил односторонний характер, т.е. аманатами становились только представители черкесской аристократии [Бгажноков 2005: 57]. Но если на первых порах этот акт носил добровольный характер, то на протяжении долгого времени он имел различную степень принудительности. Это обстоятельство нашло свое отражение и на уровне языка, прежде всего в семантических различиях терминов *аманат (аманһт)* и *анемат/анэмэт/Іэнэмэт*. Если в турецком, крымскотатарском, ногайском и черкесском языках речь идет только о передаче стороной, обладательницей аманата, другой стороне в силу всеобъемлющего доверия к ней кого- или чего-либо на сохранение на какое-то время с обязательным условием возвращения этого человека или предмета доверителю по его первому требованию в целостности и сохранности, то в русском языке *аманат* – это только «человек, данный или взятый в виде залога, в обеспечение верности договора» [Даль 1996: 585]. Это уже само по себе отражало наличие элементов принуждения. В процессе исламизации Черкесии под влиянием исламского права, запрещающего принесение клятв заложниками,

* Здесь очевидна путаница, как мы выяснили, опираясь на сведения Ш.Б. Ногмова, следовало бы писать: *аманһт/аманат*.

усиливается отрицательное отношение к аманатству. Один из бытующих в черкесском языке хадисов звучит так: «ІэнэмэтымкІэ* тхьэлъанэ зычІыр ди диным иткъым» [ПщыхьэшІэ, ТЫмыжь 2006: 18] «Кто приносит клятву аманатами, тот не наш единоведец».

Следовательно, ориентализм-название *amanat* был заимствован черкесским языком дважды. В значении первичного заимствования он близок к арабскому этимону и очень органично вписался в лингвистическую систему черкесского языка, в результате фонетической адаптации образовав лексему *анемат/анэмэт/Іэнэмэт*. Вторичное заимствование состоялось в XVII в. и было связано с развитием черкесско-российских посольских связей; оно проявилось в образовании новой лексемы *аманһт*, находившейся ближе к понятию «аманат» в русском языке, нежели к арабскому этимону. Как в русском, так и в черкесском языке эта лексема стала использоваться для обозначения понятия «дипломатический заложник».

Таким образом, сведения Ш.Б. Ногмова о бытовании этого ориентализма в черкесском языке обогащают наши представления о политической и духовной жизни черкесского общества в XVII–XIX вв. Со временем, когда институт аманатства в черкесско-российских отношениях был ликвидирован, слово *аманһт*, как и *аманат* в русском языке, стало историзмом. Лексема *анемат/анэмэт/Іэнэмэт* продолжает свою активную жизнь в черкесском языке в значении первичного заимствования, близком к арабскому этимону.

Источники и литература

1. Античное наследие Кубани: В 3 т. М.: Наука, 2010. Т. 2. 669 с.
2. *Анчабадзе Ю.Д.* Рецензия на книгу М.Б. Канделаки «Из общественного быта горцев Грузии – институт аманатства». Тбилиси, 1987 // Советская этнография. 1988. № 4. С. 162–164.
3. *Балкаров Б.Х.* Язык бесленеевцев. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. 148 с.
4. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М.: Университетская тип., 1889. Вып. I. 1578–1613 гг. СХХІХ; 715 с.
5. *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 39–86.
6. *Ваттель Э. де.* Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / пер. с фр. В.Н. Дурденевского, Ф.А. Кублицкого, Э.М. Фабрикова. М.: Госюриздат, 1960. 719 с.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. (Репринтное издание). СПб.: Диамант, 1996. Т. 1: [А–З]. 699 с.
8. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева: Сборник статей и документов сост. Г.Х. Мамбетов. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 904 с.
9. *Канделаки М.Б.* Из общественного быта горцев Грузии – институт аманатства. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 139 с.
10. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, 1999. 144 с.
11. Консультация ВНС КЧИГИ, канд. филол. наук *Х.С. Братова*
12. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды: В 2 т. / исслед. и подгот. к печати Г.Ф. Турчанинов. Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1956. Т. 1. 308 с.
13. Словарь кабардино-черкесского языка (Адыгэбзэ псалъалэ). (Около 31 000 слов) / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1-е изд. М.: Дигора, 1999. 860 с.
14. *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: В 2 т. М.: Наука, 1977. Т. 1. 223 с.

* Здесь также следовало бы написать: *аманһт* или *аманат*.

15. *Шагиров А.К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков / отв. ред. В.И. Абаев. М.: Наука, 1989. 192 с.

16. КъурІэн / КъурІэнымрэ КъурІэным и Іэятхэмрэ я мыгІэнэмрэ адыгэбзэкІэ (къэбэрдей) ззыдзэкІахэр: Хъуажь Мухьэмэдхьер, Боли Мустафар, Нало Заур (на араб.и черкес. яз.). Налщык, 2001. 607 н.

17. *ПицыхъэцІэ Л.И., Тымыжь Хь.Т.* Адыгэбзэм къыхыхьа хьэрып псалъэхэр (Словарь арабизмов кабардино-черкесского языка). Налщык: 2006. 76 н.

RELEVANCE OF LEXICOGRAPHIC STUDIES Sh.B. NOGMOVA (on the example of orientalism amanht)

Ozova Fatima Anatolyevna, Doctor of History, Associate Professor, Senior Research Worker by Karachai-Cherkess Research Institute of Humanities ordered by «Sign of Honour» under Government of KCR, fo7799@rambler.ru

Sh.B. Nogmov's Dictionary, unlike modern dictionaries, testifies that in the recent past, in the Circassian language, there were two lexemes based on Arabism «amanat». The article shows the extralinguistic reasons for double borrowing and the processes of their adaptation in the language.

Keywords: Lexicography, Sh.B. Nogmov, relevance, amanat, amanht, Ienamet (anemat / anemat).

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-60-64

НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Гергокова Лейла Созакбайовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), leylagergokova79@mail.ru

Статья посвящена изучению национальных музыкальных инструментов в произведениях карачаево-балкарского фольклора находящихся в центре народной жизни, умеющих передать ее самые заветные эпизоды в музыкально-поэтической форме. Источниковой базой данного исследования стали фольклорные произведения устного народного творчества данного этноса из архива ИГИ КБНЦ РАН, а также из сборников фольклорных материалов, опубликованных в разные годы.

В работе ведется сравнительный анализ разновидностей духового музыкального инструмента «сыбызгы» – «свирель», упоминающегося в известных эпических памятниках карачаевцев и балкарцев, адыгов и осетин. Выявляется ее ритуально-магическая роль в жизни фольклорных героев.

Также в статье подвергаются анализу «кобызообразные» инструменты с волосяными струнами «кьыл кьобуз» и «кьобуз». Мелодии, исполняемые на этих музыкальных инструментах, раскрывают национальное своеобразие карачаево-балкарского устнопоэтического и музыкального народного творчества. Обращается внимание на сакральную роль названных инструментов в архаических текстах.

Ключевые слова: музыкальные инструменты, фольклор, свирель, флейта.

Особое внимание у этнографов и фольклористов всегда вызывали детали культуры и быта разных этносов, сохраненные в их устном народном творчестве. Важное место среди них занимают музыкальный фольклор и традиционные музыкальные инструменты. «Конструкция, ладово-акустические, исполнительские возможности музыкальных инструментов отражают социокультурную, этническую, природно-географическую среду их бытования, художественные вкусы, мастерство создателей и исполнителей» [Борлыкова 2016: 244]. Интересно их сравнительно-сопоставительное исследование в различных аспектах с фольклорными произведениями соседних и родственных народов.

Справедливо отметила исследователь Г.Д. Базиева, что «музыка – вид искусства, возникший в период формирования эстетического сознания народа и обладающий ярко выраженными национальными чертами. Ни в одной области искусства творчество народа и творчество художника не связаны так непосредственно, как в музыке» [Базиева 2000: 65]. Уже в древности до возникновения письменности слагались песни в похвалу богатырей, героев, которые исполнялись людьми из народа в сопровождении музыкальных инструментов. Так впервые возникли образы сказителей-музыкантов, хранителей исторической народной памяти.

В каждой этноязыковой среде этих певцов-сказителей называли по своему «(у кабардинцев – джегуако, у балкарцев – халкжырчи, у лезгин – ашук, у даргинцев – далайла-уста, у кумыков – йырчи, у аварцев – кочохан, шаир, у осетин – кадаганг)» [Базиева 2010: 30]. Благодаря народным сказителям, главным хранителям

и исполнителям песен, у современных композиторов появилась возможность использовать народные мелодии в академической музыкальной сфере.

Самые древние фольклорные сюжеты являются формой непосредственной объективации легенд о происхождении музыкальных инструментов, «которые звучали «впервые» в руках главных эпических персонажей, сохранивших в себе еще черты если не божеств, то культурных героев более древних эпох» [Омарова 2018: 225]. Следовательно, чем архаичнее произведение фольклора, тем более сакральной в нем является функция музыкального инструмента.

Наиболее распространенный инструментарий, который встречается в произведениях устного народного творчества карачаевцев и балкарцев: «сыбызгы (род тростниковой или металлической флейты), жия-кьобуз (подобие скрипки с двумя волосяными струнами), хьарс (деревянный брусок из связанных вместе пластинок)» [Базиева 2010: 31], кьыл кьобуз (инструмент, напоминающий арфу), кьобуз (гармошка), которые являются объектом исследования данной статьи.

Вспоминая сюжеты архаических произведений, связанные с созданием и применением фольклорными героями традиционных музыкальных инструментов в разных значениях, главное место отводится карачаево-балкарскому нартскому эпосу, одной из типичных жанровых особенностей которого является музыкальность. Песни о нартских героях исполняемые на народные мелодии, раскрывают национальную обыденность данного фольклорного наследия. С музыкой неразрывно связаны циклы таких выдающихся нартов как: Ёрюзбек, Созук, Сосурук, Алауган, Карашауай, Ногайчик.

Сказители-музыканты утверждали, что неустрашимые нартские богатыри любили петь и танцевать, что даже небожители и враждующие с ними великаны не могли устоять против соблазна и приходили, посмотреть их пиршества. Все праздники нартов сопровождалась музыкой. К сожалению «карачаево-балкарский нартский эпос не сохранил истории первичного создания музыкальных инструментов. Однако в нем мы находим многочисленные подтверждения любви нартов к музыкально-песенному искусству, ее развитию» [Гучева и др. 2015: 35].

В карачаево-балкарском нартском эпосе среди духовых инструментов наиболее любимым у фольклорных героев является «сыбызгы» – «свирель, флейта»: на ней играли нарт Созук, Алауган и его сын Карашауай. Создание свирели приписывается самим нартским героям, что свидетельствует об архаичности и сакральности их образов. Этот инструмент тесно вошел в музыкальную жизнь народа. В произведениях устного народного творчества упоминается, что герои нартского эпоса изготавливают свирель или из кости, или из анисового стебля, или же из камыша.

Например, чтобы выбраться из плена «эмегенов» и отвлечь их внимание, Алауган из анисового стебля изготавливает свирель: «Алауган терк окьуна балдыргъан кьаурадан кесине сыбызгы этеди» – «Алауган быстро изготавливает из анисового стебля себе свирель» [Нарты 1994: 225]. В сказании «Агунда и Карашауай» говорится, что свирель нарта изготовлена из слоновой кости: «Къарашауай сыбызгыгъа къан уста болгъанды. Пил сюекден ишленген сыбызгысы бар эди» – «Карашауай умело играл на свирели. У него свирель была из слоновой кости» [Нарты 1994: 203]. Упоминается также наличие исследуемого музыкального инструмента из белой кости: «Къарашауай, факъыра кийимле да кийип, акъ сюекден этилген сыбызгысын да алып, нарт элледэ айланганды» – «Карашауай, передевшись в одежду бедняка, взяв свирель, изготовленную из белой кости, ходил по нартским селам» [Нарты 1994: 205]. В сказании «Аймуш» свирель пастуха была сделана из камыша: «Къой къаурадан сыбызгынг Аймуш!» – «Из камыша твоя свирель, Аймуш» [МКЪХПЧ 1988: 208].

Обращаясь к фольклору других народов, можно отметить, что в адыгском нартском эпосе изобретение музыкального инструмента – свирели приписывается

нартскому герою Ашамазу, который срезал ветку и подул в нее, и тогда полилась музыка. Отмечаются также мифологические свойства свирели Ашамаза, полученного в дар от богов: «Один конец у свирели был белый, другой – черный. Песня, что лилась через белую скважину свирели, не похожа на ту, что лилась через черную. Дует Ашамаз в белый конец, и жизнь становится цветущей, изобильной, а подул бы в черный – исчезла бы радость на земле, повяли бы травы, погибли бы люди и животные» [Нарты. АГЭ 1974: 259].

Согласно одному из сказаний в осетинском эпосе свирель нарттам даровал повелитель лесных зверей Апсаты: «главным подарком от Афсати Ацамазу является золотая свирель, при помощи которой герой сватается к своей возлюбленной Агунде, а также собирает зверей для выкупа»; нарт Сырдон играл и на свирели так, что научил соловья петь человеческим голосом; «когда он достал свою свирель и заиграл на ней, у всех слушателей появилось желание танцевать» [Плаева, 2016: 67–69].

Исследуя произведения осетинского и карачаево-балкарского нартского эпоса, можно провести некоторые параллели. В карачаево-балкарском фольклоре нарт Карашауай является сыном нарта Алаугана и мифологического существа – «эмегенши»: «Атасы Аулауган болуп, анасы эмеген болгъан жарлы Къарашауай» – «Бедный Карашауай, отец которого Алауган, а мать – великанша» [Нарты 1994: 164], в одной из версий его вырастила колдунья Матчалыу [Нарты 1994: 166]. В сказаниях «осетинского эпоса Аца является сыном колдуньи и нарта Алаугана из рода Алагата. Аца имел звонкий голос и пел изумительно» [Плаева 2016: 69]. Оба героя Аца и Карашауай прекрасно играли на свирели. В карачаево-балкарском эпосе упоминается, что Карашауай не умеет петь, а только искусно играет на музыкальном инструменте: «Когда Агунда спросила Карашауая: «Къонакъ, сен сыбызгъыгъа уста кибик, жыргъа да уста болурса?» – «Гость мой, ты также умело поешь, как играешь на свирели?». Нарт ответил: «Угъай, мен жырлай билмейме» – «Нет, петь я не умею» [Нарты 1994: 204]. Но в сказании «Къарашауайны тугъаны» – «Рождение Карашауая» встречается сюжет, где маленький Карашауай исполняет мелодию и поет: «Атасы Алауган болуп, анасы эмеген болгъан жарлы Къарашауай, – деп, ким эсе да ауузу бла жырлайды, сыбызгъы бла да согъады» – «У кого отец Алауган, а мать великанша бедный Карашауай, – сказав, кто-то пел и играл на свирели» [Нарты 1994: 165]. Хоть в произведениях карачаево-балкарского эпоса говорится, что свирель изготовил Алауган, но мотив музыканта прикреплён к образу Карашауая.

В сказании «Къарашауайны сыбызгъысы» – «Свирель Карашауая», говорится об искусной игре нартта на свирели: когда главный герой начинал исполнять на ней какую-нибудь мелодию, даже звери и птицы останавливались. «Ол сыбызгъыны согъуп тебиресе, агъачда къанатлыла, жаныуарла тохтап тынгылагъандыла» – «Когда он начинал играть на свирели, в лесу животные и птицы останавливались и слушали»; «Ёрюзмекни кызы, сыбызгъыны таушун эшитгенде, бара тургъан жеринде сын болуп къалгъанды» – «Дочь Ёрюзмека, услышав звуки свирели, застывала на месте» [Нарты 1994: 205]. В осетинском эпосе игра Ацамаза на этом чудесном инструменте пробуждает весь животный мир, «как только герой заиграл на свирели, все звери собрались возле него» [Плаева 2016: 69]. Игра на свирели адыгского нартского героя Ашамаза наделялась способностью создания гармонии, упорядоченности бытия и созидания и понятие справедливости [Гучева и др. 2015: 34].

Карашауай, играя на музыкальном инструменте, переговаривается с дочерью Сатанай Агундой. Нартский богатырь в аллегорической форме дает понять девушке, что она ему не понравилась.

«Ата юйюнг ахшы юйдю,
Болса да тьюбу чунгурду.

Башы да тап жабылганды,
Алай ожаггы кынгырды.
Эшигине да сѣз жокъду,
Бираз кыйсыкылыды, тарды.
Чюйре салыннганды ансы,
Терезелери да барды» [Нарты 1994: 204].

«Дом твоего отца – хороший дом,
Однако полы в нем неровные.
И крыша умело покрыта,
Но труба поставлена криво.
Дверь хороша, слов нет,
Только немного покосилась и узка,
Есть и окна, только поставлены они криво».

Мать Агунды, растолковав мысли Карашауая, поняла, что зятем он ей не будет. Свирель почти у всех народов считалась пастушьим инструментом, так как главным образом была связана со сферой бытования их в музыкальном обиходе. Она помогала чабанам украсить одиночество на отдаленных пастбищах, радовала их в вечерние часы отдыха, когда музыканты рассказывали и играли прекрасные древние легенды и предания. Пастухи по утрам специальным мотивом созывали овец на выпасы. Именно подобное предназначение музыкального инструмента дает свирели не просто развлекательную функцию, но и немаловажную – производственную, которой она обладает в руках пастухов. Например, для собирания стада в сказании «Аймуш» главный герой играл на свирели так, что все его овцы, где бы они ни были, собирались вокруг него. «Аймуш кеси сыбызгыгъа бир да уста болганды. Аны сокъгъанын эшитгенлей, аны кыйлары кылайда болсала да кеслери аллына келип къалгандыла» – «Аймуш умело играл на свирели. Его бараны, услышав его игру, где бы они ни были, прибежали к нему» [КЪМЖТА 1999: 419]. Подобная магическая музыка, управляющая животными, встречается и в адыгском эпосе «Нарты». Главный герой Амыш как только начинал наигрывать, «как тут же, с первыми его звуками отара трогалась без каких-либо окликов или других действий» [Шортанов 1982: 93].

Музыка, издаваемая свирелью, помогала фольклорным героям достичь тех или иных целей, она обладала способностью передавать, доносить тайную информацию так, что ее могли понять те, кому это адресовалось. Такой мотив встречается в сказе «Сыбызгы нени джырлайды» – «О чем поет свирель» [Узденов 2004: 44], где один пастух просит другого о помощи: играя на свирели, оповещает его об опасности, и тот тем же способом ему отвечает, что скоро придет на помощь. Подобным же образом нарт Сосурук объясняется с великаном Желбыдыром, передав ему в звуках музыки новость о смерти самого Сосурука: «Сосурукъ, сыбызгысын алып, дуняны жел этдире турган Желбыдырны, сыбызгыны согъуп чакъырганды» – «Сосурук взял свирель, и, играя на нем, позвал Желбыдыра, который ветром сдувал весь мир» [Нарты 1994: 214]. Из приведенного фольклорного материала следует, что свирель, изготавливаясь из подручных материалов, обладала не только вещественными функциями, но так же наделялась чудесной силой.

С помощью музыкальных инструментов герои сказок могли подчинить своей воле других людей, которые после помогли им, исполняли их желания. Например, в сказке «Жарлы киши» – «Бедняк» парень от скуки и грусти изготовил из камыша свирель. Мать, увидев это, передала ему инструмент его отца, хранящийся в сундуке. Эта свирель обладала волшебной силой. Как только парень начинал на ней играть, появлялись два богатыря, готовые исполнить его поручения: «(Жаш) сырыйнаны аузуна салып сокъгъанлай, эки пелиуан чыгып, «Не керекди?» – деп соргандыла» – «Как только парень подносил ко рту свирель и начинал играть, появлялись два богатыря и спрашивали: «Что ты пожелаешь?» [МХЖ 1992: 42].

Другие музыкальные инструменты в карачаево-балкарском фольклоре упоминаются реже. С «кыыл кьобуз» (букв. с кар.-балк. «волосяная гармошка») – «арфа» – с двухструнным смычковым инструментом, «специфическое конструктивное качество которых – волосяные струны, связано эпическое творчество ряда тюркских народов Центральной Азии и северокавказского региона (тюркских и нетюркских), а также и Восточной Европы (южнославянских)» [Омарова 2016: 232]. Этот музыкальный инструмент является традиционным у вышеупомянутых народов, исполнение сказаний нартского эпоса в сопровождении «кыыл кьобуз» сохранилось и у многих северокавказских народов. В карачаево-балкарском нартском эпосе «Кыыл кьобуз» изготавливает нарт Ёрюзбек, для этого он использует: «Ёрюзбек къара ажирлени къуйрукъларындан тюкле алып, кесине кыыл кьобуз этип согъады» – «Ёрюзбек, взяв волосы из хвоста черных жеребцов, сделал себе кыыл кьобуз, играет» [Нарты 1994: 225]. Этот музыкальный инструмент в карачаево-балкарских сказках используют также и для завоевания благосклонности девушки (в сказке «Байталбатыр») [МХЖ 1992: 16].

Следует обратить внимание и на то, что музыкальные инструменты использовались не только для радости, но и выражали горестное душевное состояние главного героя. Например, играя на «кыыл кьобуз» Алауган облегчает свое горе и скорбь, когда он роняет в трещину ледника младенца-сына, а после убивает свою жену-людоедку: «Бара тургъанлай, тауда аягъы тайып, сабийни бугъейге ийип къояды. Кёп сагъыш этип, къайытып юйге, уруп, къатынны ёлтюреди. Ачудан бушуудан кыыл кьобузну да согъады» – «Когда он шел, споткнулся на горе и уронил ребенка в трещину ледника. Много думал, вернулся домой, ударив, убил жену. От скорби и горя начал играть на «кыыл кьобуз» [Нарты 1994: 155].

Музыкальный инструмент – «кьобуз» (гармошка) встречается в фольклорных произведениях во время описания танцев. Интенсивные, звучные напевы «кьобуза» в устном народном творчестве – являются предвестием появления нечистой силы. Шайтаны и джины очень любили музыку и танцы, поэтому в эпических произведениях перед их появлением, описывается звуки «кьобуза». Например, в сказании «Сатанай Ёрюзбекни къалай алдагъанды» – «Как Сатанай обманула Ёрюзбека» нарт Ёрюзбек, услышал звуки гармошки, подходя, увидел праздник шайтанов:

«Ёрюзбек шайтанланы тойларында ойнайды, дейди,
Кьобузчуларын сайлайды, дейди» [Нарты 1994: 113].

«Ёрюзбек участвует на празднике шайтанов, говорят,
Выбирает гормонистку, говорят».

Как явствует из наших наблюдений, рождение музыки и музыкальных инструментов в вышеупомянутых эпосах, «раскрывает первоначальную их сакральную сущность, и это связано, во-первых, с тем, что в руках своих создателей (или первых исполнителей) они выступают в роли магических орудий (завораживание сил природы, живых и неживых существ). Во-вторых, выражение через музыку и музыкальные инструменты горя (плач) или радости связано в эпосах с идеей «смерти и жизни» [Омарова 2016: 228].

В настоящее время бытует много пословиц и поговорок с использованием названий музыкальных инструментов. Часто в поговорках встречается упоминание о представителях животного мира и нечистой силы: «Эшекни къулагъына кьобуз сокъгъанча» – «Как будто в ухо осла играть на гармошке» [НСАЧС]; «Кьобуз аузгъа шайтанла чапханлай» – «Как шайтаны бегут на звуки гармошки» [Архив]. Многие пословицы и поговорки направлены против безделья, лени, пустословия: «Кьобузну кылын бургъанлай» – «Как будто затягиваешь струну гармошки»; «Магъанасыз сёз – тауушсуз сыбызгъы» – «Бессмысленное слово, как беззвучная

свирель» [Архив]; «Тойгъа къобузсуз барма» – «На торжество без музыкального инструмента не ходи» [Кудаев 2009: 3].

Таким образом, в произведениях карачаево-балкарского фольклора наблюдается типическая эволюция в отношении традиционных музыкальных инструментов. Исследование показало, что фольклорные герои хорошо владели не только оружием, но также славились умелой игрой на инструментах как «сыбызгъы», «къыл къобуз», «къобуз», что сохранилось до наших дней. Судя по тому, как часто «сыбызгъы» упоминается не только в карачаево-балкарском устном народном творчестве, но и у других народов, можно говорить, как она была распространена и любима у разных этносов.

В фольклорных текстах у музыкальных инструментов было очень широкое предназначение: в могучих руках нартов – оружие, у влюбленных – средство общения, у одиноких – развлечение, в сказках – волшебный инструмент. Анализ фольклорных текстов показал, что рассматриваемая проблема весьма обширна и актуальна, и требует еще более глубокого изучения.

Источники и литература

1. Архив КБИГИ. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. Папка 4.
2. *Базиева Г.Д.* Развитие национальной художественной культуры в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2000. 144 с.
3. *Базиева Г.Д.* Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтническом пространстве России. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2010. 296 с.
4. *Борлыкова Б.Х.* Музыкальный инструмент домбра в этнографии и фольклоре калмыков // Гуманитарная наука юга России: международное и региональное взаимодействие. Элиста, 2016. С. 244–247.
5. *Гучева А.В., Гулиева (Занукова) Ф.Х.* Этнические компоненты в контексте традиционной адыгской и карачаево-балкарской музыкальной и танцевальной культуры (на материале эпоса Нарты) // Музыка и время. 2015. №2. С. 32–41.
6. *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарские поговорки и пословицы о танцах. Нальчик: Издво М. и В. Котляровых, 2009. 36 с.
7. Къарачай-малкъар халкъ жомакъла, таурухла, айтыула. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1999. 472 б. (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1999. 472 с.)
8. Малкъарлыла бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары. Нальчик: Эльбрус, 1988. 303 б. (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1988. 303 с.)
9. Малкъар халкъ жомакъла. Нальчик, 1992. 40–43 б. (Балкарские народные сказки) // Аймуш. Нальчик, 1992. С. 40–43.
10. Нарт сёзле, айтыула, чам сёзле. Ставрополь-Карачаевск, 2010. 144 б. (Пословицы, поговорки, анекдоты Ставрополь-Карачаевск, 2010. 144 с.)
11. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература». 1994. 656 с.
12. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 415 с.
13. *Омарова Г.Н.* Фольклорный герой и музыка в эпосе народов Центральной Азии и Кавказа // Музыкальная летопись. 2018. С. 222–237.
14. *Плаева З.К.* Музыкальные инструменты в нартовском эпосе осетин: свирель Ацамаза // Традиционная культура. 2016. № 4 (64). С. 67–78.
15. *Узденов А.А.* Слово – словно нить. М.: Илекса; Ставрополь: Сервис-школа, 2004. 264 с.
16. *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1982. 196 с.

FOLK MUSICAL INSTRUMENTS IN WORKS OF THE KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE

Gergokova Leila Sozakbayovna, Candidate of Philology, Researcher, Sector of the Karachai-Balkar Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), leylagergokova79@mail.ru

The article is devoted to the study of national musical instruments in Karachay-Balkarian folklore, located in the center of folk life, able to convey its most treasured episodes in musical and poetic form. The source base of this study was the folklore works of oral folk art of this ethnos from the KBIGI archive, as well as from collections of folklore materials published in different years.

The work provides a comparative analysis of the wind musical instrument “sybyzgy” – «pipe», mentioned in famous epic monuments of Karachais and Balkars, Circassians and Ossetians. Its ritual and magical role in the life of folk heroes is revealed.

Also in the article are analyzed «kobyzobraznye» instruments with hair strings «kyyl kobuz» and «kobuz». The melodies performed on these musical instruments reveal the national identity of Karachay-Balkar oral folk art. Attention is drawn to the sacred role of these instruments in archaic texts.

Keywords: musical instruments, folklore, flute, flute.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-65-71

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ, ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВАРНЫХ ЕДИНИЦ ЦОКАЮЩЕГО ДИАЛЕКТА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Кучмезова Лариса Борисовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), larisakuchmezova@mail.ru

Статья посвящена исследованию лексико-семантических, лексико-грамматических и словообразовательных особенностей словарных единиц цокающего диалекта малкарского говора карачаево-балкарского языка. В ней разграничиваются и группируются слова по типологии лексики диалектов, частично применяемые и в литературном языке. Кроме того, в статье рассматриваются лексико-семантические особенности линейных единиц вторичной номинации, образованные от первичных односложных основ с помощью различных факультативных компонентов. В отдельных случаях обращается внимание и на лексико-грамматические особенности этих слов. В исследовании анализируются словарные единицы цокающего диалекта малкарского говора карачаево-балкарского языка, участвующие в образовании номинативных единиц аналитического типа, свободных и лексикализованных словосочетаний, идиом фразеологического типа.

Ключевые слова: семантические особенности, диалектная лексика, малкарский говор, цокающий диалект, карачаево-балкарский язык.

Изучение народных говоров остается одной из актуальных задач карачаево-балкарской диалектологии, так как оно способствует запуску в научный оборот новых, данных о языке. Исследование диалектной лексики дает объективный и надежный материал для решения многих исторических вопросов: исторической лексикологии, исторической диалектологии. Изучение лексики цокающего диалекта в составе общего пространства карачаево-балкарского языка позволяет ввести в научный оборот фактический материал ареалогического характера, способствует более полному охвату словарного состава языка или диалекта как целостной системы. Этнолингвистический аспект является весьма актуальным для разработок в этнологическом, культурологическом планах, для изучения языковой картины мира.

Кроме того, лексическая система диалектов, как и языка в целом, не является абсолютно стабильной, постоянной величиной. В зависимости от развития общества, экономики, культуры, техники, международных отношений происходят изменения и в лексическом составе диалектов; язык носителей диалектов становится все более близким к нормам литературного языка. Поэтому лексика цокающего диалекта, отобразившая многовековую историю и культуру определенной части народа в их местных проявлениях, и как область языка, находящаяся в постоянном движении и развитии, требует внимательного непрерывного отношения со стороны ученых.

Следует отметить, что до сих пор отсутствуют специальные системные исследования лексики цокающего диалекта, являющегося одним из основных ресурсов

карачаево-балкарского языка, своеобразно участвующего в формировании нормированного литературного языка. Изучение лексики цокающего диалекта карачаево-балкарского языка, ее семантических особенностей в значительной степени дополняют и обогащают наши познания в области данного языка. Хотя те или иные фонетические и лексические особенности диалектной лексики явились темой нескольких исследований, выяснение следов влияния литературного языка на язык диалекта все еще остается достаточно актуальной проблемой карачаево-балкарской диалектологии. Вопросы разграничения и классификации лексического состава цокающего диалекта, его различные особенности до сих пор не стали предметом всестороннего специального исследования.

Известно, что лексическую основу литературного языка составляют преимущественно нейтральные слова, занимающие в нем доминирующее место. Наряду с ними можно констатировать в карачаево-балкарском языке факт наличия общо-разговорной лексики, т.е. функционирование двух форм: национальной литературной формы и формы цокающего диалекта. Между ними существует так называемый устный уровень – отражение диалектных форм в устной речи.

Лексика цокающего диалекта отражает своеобразие этнического развития диалектоносителя, его историко-культурные связи в прошлом и настоящем. Изучение диалектной лексики позволяет более глубоко раскрыть особенности языковой картины мира диалектоносителя, его мировосприятие, особенности мышления. Лексико-семантическая, лексико-грамматическая и словообразовательная система полнее раскрывается в ходе полиаспектного исследования, способствующего глубже раскрыть происхождение слова, его концептологическое содержание и коннотативные свойства.

В ходе исследования данной проблемы ставилась задача определить лексико-семантические, лексико-грамматические и словообразовательные особенности и тех лексических единиц, которые отсутствуют в карачаево-балкарском литературном языке, цокающем диалекте и карачаевском варианте. Объектом изучения материала статьи является лексика цокающего диалекта карачаево-балкарского языка, анализируемая на основе собственных ресурсов, имеющих ограниченную территорию распространения и изолированное развитие. Как известно, формирование норм лексической системы карачаево-балкарского языка началось с процесса перехода диалектных форм к языковому единству в пределах складывающейся народности [Улаков 2010: 153].

В местных лексико-семантических системах более отчетливо проявляются специфические признаки диалекта. По мнению некоторых исследователей, диалекту свойственны конкретность семантической структуры слова, детализация названий предметов и явлений, тенденция к сохранению этимологической прозрачности, мотивированность производного диалектного слова [Сими́на 1976: 21]. В цокающем диалекте карачаево-балкарского языка, в его традиционных слогах, эти тенденции – живое и в какой-то мере еще развивающееся явление. В соответствии с внутренними закономерностями языковой системы в этом диалекте происходит непрерывное обогащение лексики и семантическое развитие. В процессе диалектного словотворчества создаются и многочисленные семантические диалектизмы, столь характерные для живых народных говоров.

В лексико-семантическом отношении словарный состав цокающего диалекта большей частью совпадает со словарным запасом литературного языка, в основе которого лежат особенности цокающего диалекта. Эти словарные единицы выявляют в себе интегрирующие признаки, как в лексико-семантическом, так и грамматическом отношениях. С другой стороны, среди носителей цокающего диалекта существует значительное число слов, которые отсутствуют в нормативном языке и рассматриваются как сугубо территориальные. Особенностью этих лексем, составляющих словарный запас данного диалекта, не изученных и не вошедших в толковые словари, с другой стороны, является то, что они имеют интегрирующие

особенности с других тюркских языков и памятников древнетюркской письменности, являясь частью общетюркской лексики: *алафота* (ц.диал.) «лебеда», *кыфца* (ц.диал.) «чернослив»; *цынар* (ц.диал.) «веснушки»; *илфийин* (ц.диал.) «канава оросительная» и др.

Близость тюркских языков между собой и сложное их взаимодействие проявляются весьма часто и в том, что диалектная основа одного из тюркских языков оказывается нормой для другого тюркского литературного языка или общенародного языка [Кучмезова 2014: 180]. Например, слова «шиповник» *итбурун* (ц.диал.), *итбурну* (азерб.), *этморон* (башк.), *итбурун* (кум.), *ийт бурын* (ног.), *етпорон* (тат.), *итбурун* (узб.); «калина» *балам* (ц.диал.) муртку (ч.диал.) и др. Следовательно, диалектная лексика одного и того же языка является также нормой, неотъемлемой принадлежностью диалекта другого тюркского языка. Некоторые общие лексические явления в диалектах отражают не прямые контакты тюркских языков и диалектов, а экстралингвистические явления. Слова цокающего диалекта *итбурун* «шиповник», *алафота* «лебеда», *балам* «калина» и некоторые другие не вошли в словарный запас литературного языка, несмотря на то, что имеют общетюркские корни.

Семантические диалектизмы возникали в разное время: как в прошлом, так и в настоящее время, подчиняясь законам словотворчества. Они могут быть выделены в системе диалекта только при сравнении их с литературным языком: *кегей / тегей / гуза* (ц.диал.) «спица (спица)»; *четен / чалман / чалы* (б.-ч.), *тышхел / цалман* (ц.диал.) «плетень, рогожа»; *чырмылтын / чымылтыр / кыыжжай* (ц.диал.) «грыжа»; *дуппукъ / туппукъ / гумадах* (ц.диал.) / *гумух* «тупой»; *дауур-дууур / дауур-суйюр / жабу-жаха* (ц.диал.) «шум-гам, гвалт»; *хастан* (ц.диал., х.-б.) / *дуркъу* (б.-ч., карач.) «сеновал»; *аралыкъ / хырык* (ц.диал.) «балка в доме»; *бодуркъу* (ц.диал.) / *къаранчха / бахча гинжи* «огородное пугало»; *габдеш / куудуш* (ц.диал.) / *гыбыдыш / кулдуш* «кормушка»; *зурнук / турна / кыырыу* (ц.диал.) «журавль»; *гумулжук / къумурсха / къумурцха* (ц.диал.) «муравей», *эрик / къара эрик* (ч.диал.) / *кыыфца* (ц.диал.) / *гюрегей / хогулт* «слива», и поэтому «для того, чтобы определение диалектизма было полным, совершенно необходимо сравнение диалектных явлений с соответствующими явлениями литературного языка» [Филин 1948: 224].

Ряд семантических диалектизмов выявляется в каждом говоре. Характер и обилие их зависят от уровня лексического своеобразия отдельного говора и от того, в какой степени раскрыты семантические возможности слов и их значений: *чымы* (ууч) *цымы* «горсть (ладонь и согнутые пальцы), пригоршня» [Гузев, 2015: 129]; *чалдиу / цаллиу* «подножка»; «зацеп в спортивной борьбе»; *илистин / мулжар / мулхар / мурджар* «настил; объедки сена» и др. Различия в семантике объясняются различиями в развитии слова – способностью его принимать абстрактные или переносные значения и т.д.

Так как диалектизмы являются местными названиями предметов и явлений, имеющими в литературном языке иные наименования или отличающиеся от соответствующих литературных слов лишь определенными особенностями своего звукового строения, не зависящими от специфики фонетической системы диалекта и литературной нормы, они способны проникать в общелитературный язык и закрепиться там [Сороколетов 1968: 210]. Основная часть лексико-фонетических и лексико-семантических диалектизмов, как и часть просторечий, малоупотребительны и поэтому возникают трудности в их классификации и в лексикографировании в различных переводных и толковых словарях.

Реальная стратификация карачаево-балкарского национального литературного языка состоит из двух уровней: уровней литературного языка и диалекта. Промежуточные формы практически не встречаются, отмечаются лишь отдельные формы, которые можно квалифицировать как обиходно-разговорные типа *цафхан* (ц.диал.) – *чапхан* (лит.) «бегущий», являющиеся результатом взаимодействия литературного языка и диалекта и функционирующие вне рамок разговорного

языка. Во многих формах выражается тенденция к экономии средств выражения при структурировании лексических и синтаксических единиц, к некоторой упрощенности форм на основе фонетических, лексических и синтаксических единиц: *Чыкъгъанды. Бюгюн. Ол бюгюн ишге чыкъгъанды.* «Вышел. Сегодня. Он вышел сегодня на работу». Обиходно-разговорные формы возникают как результат формирования определенной комфортности коммуникации. И частотность их употребления в повседневной речи доминирует в литературном языке, диалектные формы встречаются в нем редко.

В цокающем диалекте карачаево-балкарского языка встречаются слова, которые имеют синонимические варианты в литературном языке, противопоставляемые друг другу, например: *кюрёк (ц. диал.) / беккяхын (карач.) / жугар* «лопата», *уууз (карач.) / ырпыс / уууз (ц. диал.)* «молозиво», *кёлекке (карач.) / ауана (ц. диал.)* «тень», *жанкъоз / цыкарон (ц. диал.)* «подснежник», *биттиркоч / биттир (карач.) / дибилдирик (ц. диал.)* «летучая мышь», *гюрбе (карач.) / куф (ц. диал.)* «ящик, мельничная воронка; житница», *тартар (карач.) / мыга (ц. диал.)* «коростель, дергач, вид перепела; заморыш; слабый, хилый, худой», *хамхот (карач.) / гумхот / гумот / жух / зух (ц. диал.)* «морда», *култе (ц. диал.) / гысты/кысты (карач.) / голте* «сноп, пшеничный сноп» и др.

Следовательно, язык изобилует различными терминологическими синонимами: «держак (на ручке косы)» *гулос (ц. диал.) / гулой / гылмай / гылдыуай* (карач.), «подушечка на сиденье» *аппун / аппын / тюфюр (ц. диал.)*; «обруч, оплетенный травой, на который кладется котел»; «кадка» – *куител (ц. диал.) / чыккыр (лит.)*; «название хороводного танца, первоначально культового; имя богини-матери огня и название танца в ее честь; название урочища (в Балкарии)» *Кепена, Кефена, Тепена, Тыпана, Тепана*; «петух» – *хораз / адакъа / къычырыучу / гугурук / гугурукку / эркек (ц. диал.) / тауук эркек / къызылбаиш* и др. [Кучмезова 2018: 106].

Таким образом, карачаево-балкарский литературный язык не обладает еще единообразием, обнаруживая на всех своих уровнях тенденцию к варьированию языковых средств, значительно усиливающую нестабильность его системы. Но при этом характеризуется стремлением к нормированности, стабильности и полифункциональности. Эти свойства литературного языка имеют исключительное культурное значение, обеспечивают связь между сменяющимися друг друга поколениями носителей данного национального языка, их взаимопонимание [Аликаев 2010: 315].

Необходимо отметить, что именно в цокающем диалекте, который имеет очень богатую лексику, зачастую находятся слова, для которых отсутствует в языке исконно литературное определение, например, слова *фулму* «мучная пыль», *цёфюре* «отходы бузы, отжимки при изготовлении бузы», *бедаргъу* «тучный, упитанный», *кестанты* «состяжание, соревнование», *къафцыкъ* «мешок из бараньей шкуры», *гуфха* «облучок на дереве», *цубур* «короткий жилет» имеются только в цокающем диалекте. Следует отметить тот факт, что некоторые слова цокающего диалекта, анализируемые в этой статье, не зафиксированы толковыми словарями.

Одни и те же слова могут относиться к различным частям речи, например к прилагательным в говоре и к существительным в литературном языке или наоборот. Например, существительные: *букъу* «пыль» / *букъу (будай букъу)* «мука, мучная пыль» [Гузеев, 2015: 18]; *буишу* «опилки» / *быхчы къышхыр* «деревянные опилки» / *фотку* «опилки»; *гизна* «куропатка»; *гылан* «шум, гам» / *гылан* «убийственный, кровопролитный, смертельный (о схватке, драке)»; *батакъа* «сторожевая вышка» / *батагъа* «оборонительное сооружение в виде глубокой ямы»; *къауул* «ограда для содержания крупного рогатого скота, проникшего в колхозный огород» (применялось в межселенных территориях между Верхней и Нижней Жемталой); *цингирик* «локоть» / *жингирик* «плач, шум»; *циззе* «рана» / *циззе (адам)* «нетерпеливый, зануда (о человеке)»; *тапхыр* «род, семейство» / *тапхыр* «уступ на склоне горы».

Прилагательные: *гоцца* «перекошенный (о человеке)»; *гумадах/гумух / гимадах* «тупой»; *гофху* «пышный (о щеках)» / *гопху* «складка»; *гангуй* «бестолковый, непонятливый»; *гулос / гулоч (таякъ) / гылмай* «держак, ручка для косы»; *гулмак* «ком уплотненный, округлый комок (чего-либо мягкого, рыхлого)»; *унку-цунку* «помятый (об одежде)»; *каспорка* «бесстыдница» / *гепсоркъа* «акробат»; *гызы* «парализованный» / *гызы* «перекрутившаяся (нитка)»; *гылбыз* «намокать» / *гылбыз-гылбыз бол* «увлажняться, наполняться слезами»; *цифи (ц. диал.)* «осока» / *жити* «болото, болотистый (о местности)»; *цынгыл* «крутой» (данное слово употребляется и во фразеологическом выражении: *цынгылгъа минди* «обиделся, разозлился (о человеке)»); *цифили жипили* «болотистый»; *зыкъы* «трус» / *зыкъы* «боязливо, испуганно»: *зыкъы къарады*; *чагъыдий / субай санлы* «стройный»; *тар-хош* «узкий, очень узкий-преузкий». Данное словосочетание, состоящее из двух компонентов, самостоятельного слова *тар* «узкий» и вспомогательного *хош* можно охарактеризовать как усилительную конструкцию, в которой усиливается, обобщается значение «узкий» за счет употребления вспомогательного компонента. Кроме того, значение конструкции можно охарактеризовать как собирательное. Ее грамматической особенностью является то, что к ней присоединяются как словообразовательные аффиксы, например, *тар-хош-лукъ* «узость», так и словоизменяемые: 1) падежные аффиксы; 2) аффикс мн.ч: **-ла**, в результате чего меняется частеречная принадлежность конструкции: *тар-хош-ла* (словосочетание *тар-хош-ла* становится именем существительным); 3) аффикс принадлежности **-гъы**, присоединяемый к форме местного падежа: *тар-хошда-гъы* «то, что принадлежит узкому-преузкому»; 4) аффиксы принадлежности: *тар-хош-ум, тар-хош-у, тар-хош-унг* «мое, твое, его узкое-преузкое», *тар-хошубуз, тар-хошугъуз, тар-хошлары*; 5) аффикс субъективной оценки – уменьшительно-ласкательный аффикс: *тар-хошчукъ*. В свою очередь от образованной грамматической формы «*тар-хошчукъ*» могут образоваться другие грамматические формы с помощью отмеченных выше аффиксов принадлежности; 6) аффикс уподобительности: **-ча**: *тар-хошча* «как узкий-преузкий».

Глаголы: *эцце/ чайкъа, къымылдат; тебирет* «раскачивать, качать (двигать из стороны в сторону голову, плечи и т.д.)»; *ылыккым бол / къургъакъсы / хууери бол* «вянуть, подсохнуть»; *чюйгюн эт / бырнак эт* «отдалять, отчуждать»; *чомурт* «обрубить»; *мысхылда / хыликья, самаркъау эт / кюл* «обсмеивать, смеяться»; *мурулан / муру бол* «сломаться (вдребезги)»; *майрыш / къубул / омакълан* «кокетничать»; *къопелен* «обижаться»; *жанла* «приближаться» / *жанла* «сторониться, удаляться».

Подводя итоги, следует отметить, что в разряд семантических диалектизмов включаются диалектизмы, отличающиеся от литературных эквивалентов по основным своим значениям. Большая часть лексем цокающего диалекта постепенно из года в год внедряется в поле употребления литературного языка, обогащая его синонимические ряды, участвуя в образовании лексикализованных словосочетаний, фразеологических оборотов, паремических выражений, идиом фразеологического типа, и принимая во многом его грамматические особенности, к числу которых относятся функционирование как словообразовательных, так и словоизменяемых моделей. В карачаево-балкарском языке обилие семантических диалектизмов вызвано спецификой исторического развития лексики малкарского говора цокающего диалекта карачаево-балкарского языка.

Источники и литература

1. Аликаев Р.С. Функциональный статус литературного языка и диалекта в немецкоязычной Швейцарии // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. Т. VII. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 315–323.

2. *Гузев Ж.М., Махиева Л.Х.* Краткий словарь ц/з диалекта карачаево-балкарского языка. Нальчик: Изд.-во КБНЦ РАН, 2015. 150 с. (на карач.-балк.яз.).
3. *Кучмезова Л.Б.* Проблемы преемственности диалектной лексики в карачаево-балкарском языке // Вопросы Кавказской филологии. 2014. № 10. С. 171–181.
4. *Кучмезова Л.Б.* Особенности языка устной народной поэзии цокающего диалекта в формировании карачаево-балкарского языка // Тенденции развития лексики и грамматики карачаево-балкарского языка. Сборник научных статей. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. С. 103–110.
5. *Симина Г.Я.* Характеристика лексико-семантической системы диалекта // Пинежский говор. Калининград, 1976. С. 6–25.
6. *Сороколетов Ф.П.* Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка // Слово в русских народных говорах. Л., 1968. 224 с.
7. *Улаков М.З.* Роль устной речи в формировании лексической нормы карачаево-балкарского языка // Избранные труды. Нальчик: издательство КБНЦ РАН, 2010. С. 153–158.
8. *Филин Ф.П.* Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов // Вопросы славянского языкознания. Львов, 1948. С. 221–225.

Принятые сокращения

азерб. – азербайджанский язык
башк. – башкирский язык
б.-ч. – баксано-чегемский говор
карач. – карачаевский язык
кум. – кумыкский язык
лит. – литературный язык
ног. – ногойский язык
тат. – татарский язык
узб. – узбекский язык
х.-б. – холамо-безенгиевский говор
ц.диал. – цокающий диалект
ч.диал. – чокающий диалект

LEXICO-SEMANTIC, LEXICO-GRAMMATIC AND WORD-FORMING FEATURES OF THE WORD-FORMING UNITS OF THE SOUNDING DIALECT OF THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Kuchmezova Larisa Borisovna, Candidate of Philology, Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), larisakuchmezova@mail.ru

The article is devoted to the study of lexical-semantic, lexical-grammatical and word-formation features of the vocabulary units of the base dialect of the Malkar dialect of the Karachay-Balkar language. In it, words are distinguished and grouped according to the typology of the vocabulary of dialects, partially used in the literary language. In addition, the article discusses the lexical and semantic features of linear units of the secondary nomination, formed from primary monosyllabic foundations using various optional components. In some cases, attention is paid to the lexical and grammatical features of these words. The study analyzes the vocabulary units of the dialect of the Malkar dialect of the Karachay-Balkar language, participating in the formation of nominative units of the analytical type, free and lexical phrases, idioms of the phraseological type.

Keywords: semantic features, dialect vocabulary, Malkar dialect, socle dialect, Karachay-Balkar language.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-72-77

**РОЛЬ ФОЛЬКЛОРА В ФОРМИРОВАНИИ
ПОЭТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
БАЛКАРСКОЙ ПРОЗЫ (1930–1960-е гг.)**

Сарбашева Алена Мустафаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alenasarb@mail.ru

Предметом исследования является изучение художественно-стилевых особенностей произведений балкарских прозаиков О. Этезова, Ж. Залиханова, С. Шахмурзаева, которые на ранних стадиях своего творчества активно обращались к фольклорной поэтике: эпитеты, метафоры, устойчивые устно-поэтические фразеологические единицы, сюжеты, мотивы, приемы изображения действительности, заимствованные из устной словесности. Свойственная фольклору стилистика изложения наблюдается в сюжетах первых рассказов, повестей, романов указанных авторов. Ввиду недостаточности опыта народного творчества для освоения принципов реалистического исследования жизни писателям не удается гармонически соединить эпическое освещение действительности с углубленным изображением индивидуализированных, психологически выразительных образов, с философским осмыслением событий. Вместе с тем проведенное исследование позволяет заключить о том, что преобладание в балкарской письменной словесности на этапах ее становления определенных жанрово-тематических потоков, поэтических средств, характерных для устного творчества, свидетельствовало о преемственной связи литературы с национальными истоками. Использование в прозе богатейшего арсенала изобразительных средств, стилеобразующих компонентов, заимствованных из эстетических ресурсов народного творчества, способствовало формированию нового типа художественного сознания, что определило в дальнейшем тенденции развития словесного искусства.

Ключевые слова: фольклор, балкарская литература, художественно-изобразительные средства, поэтика, жанр.

Балкарская литература на начальном этапе становления не имела развитых повествовательных традиций. Для писателей 1930–1960-х гг. наиболее сложными явились вопросы сюжетосложения и выстраивания композиции, стилистики изложения. В этой связи она вынуждена была обратиться к образцам устно-поэтического творчества, поскольку «фольклор был не только источником художественного сознания, но и школой писательского мастерства, особенно в области сюжета и композиции» [Урусбиева 1972: 5].

Ввиду того, что национальная словесность создавалась на родном (карачаево-балкарском) языке, значительно расширялась сфера влияния фольклора. В частности, формирование различных литературных жанров (рассказа, повести, романа) происходило под непосредственным воздействием его традиций. Так, эволюцию драматического искусства определял фольклорно-обрядовый комплекс, который заключал в себе наряду с драматическими элементами театральные и зрелищные. Закономерным было и то, что начинающие поэты ориентировались в своих творческих исканиях на народно-песенный пласт, а толчком для форсированного развития прозы явилась несказочная проза – главным образом жанр *ханара*.

Повествовательные особенности отражались в творчестве всех без исключения балкарских писателей. В повестях и рассказах национальных авторов очевидны признаки, характеризующие «генетическое родство» литературы с устным народным творчеством: наличие остродраматических ситуаций авантюрно-приключенческого характера, создание сатирических антиклерикальных образов представителей мусульманского духовенства, использование вставных новелл-хапаров.

Наиболее влиятельными оказались фольклорные эпические формы, которые «создают новую парадигму художественности» [Джамбинова 2003: 34]. Как свидетельствует иллюстративный материал, национальные авторы обращаются к поэтике нартского эпоса. Очевиден факт заимствования из нартских сказаний художественно-образительных средств (антитезы, эпитеты, сравнения, гиперболизация, метафоры), которые оказывают «непосредственное влияние на стилистический и языковой характер» [Сарбашева 2012: 171] произведения. В частности, гиперболизация как стилистически выразительное средство, типичное для поэтики не только нартского эпоса, но других жанровых форм фольклора (предания, сказки), рассматривается как один из традиционных приемов в создании образа героя.

Для убедительности приведем примеры из нартского эпоса. Такова, к примеру, интерпретация образа Дебета в песне «Нарт темирчи Дебетни жыры» («Песня о нартском кузнеце Дебете»):

Темирчини барды мазаллы саны,
Кёкюреги кыя кибикди аны,
Пилде окьюна кёрмезсе сен аллай санланы:
Бойну – эмен тюккюшча, тегерек,
Ишде уа болады бир чёрчек.

Кузнец был громадный:
Грудь у него – словно скала,
Даже у слона не увидишь такого огромного тела,
Шея его толстая – словно пень дуба.
А в работе он очень ловкий

[Нарт темирчи Дебетни жыры... 1994: 143, 392]

Или другого героя Ерюзмек в песне «Нартла жерден кылай кетгендиле» («Как нарты покинули землю»):

...нарт Ёрюзмек кылычын булгъайды,
Аууз жели булутланы чулгъайды...
.....
Кылычы бла туурагъанды тауланы,
Тёбеле болуп кыалгъанды жонгурчалары аланы...

Кылычы бла кёклени жашнатханды,
Кычырыгы, аууз жели туманланы чачханды.
Керек кюнде кюнню кёзюн ачханды...

...нарт Ерюзмек мечом взмахивал,
От его дыхания тучи развеивались...
.....
Своим мечом он в испугении горы разрубил,
Их (разрубленные) куски в курганы превратились

(От ударов) его меча на небе молнии сверкали,
От его крика и дыхания туманы рассеивались.
Пасмурные дни в солнечные превращались...

[Нартла жерден кылай кетгендиле... 1994: 296, 594].

Отмеченный прием широко используется национальными авторами на начальном этапе становления балкарской письменной традиции. Как и в нартском эпосе, в художественных произведениях гиперболизации подвергаются определенные параметры героя (в зависимости от того, положительный или отрицательный у него статус) – ум, смелость, решительность, исключительность, рост и физическая сила, запоминающийся облик. Влияние эпической традиции сказывается в обрисовке образов в первых рассказах, повестях и романах с преобладающим описанием их внешних данных, в ущерб характеристике внутреннего мира. К примеру, в повести «Къаяла унутмагъандыла» («Камни помнят», 1958) О. Этезова* в качестве эпизодического персонажа выступает народный герой Темирбаш (в переводе с балкарского – железная голова), образ которого представлен автором посредством следующих синтаксических конструкций:

«...ташланы артындан кючден тыйылып тургъан огъурсуздукъдан эм терен сагъышдан толгъан эки кёз къарай эдиле.

Темир бёрк, тырмы тартылгъан мангылай, сол къашны башында жара тап кёрюне эдиле...» – «...из-за камней смотрели два глаза, полные сдерживаемого гнева и напряженной думы. Небольшая, ловкая (буквально – железная – А.С.) папаха, лоб, пересеченный морщинами, со шрамом над левой бровью...»; «...бир бирде бузлагъан башлыкъны тюбюнден жангыз кёзлери кёрюнюучю эдиле, ала уа алай жылтырай эдиле!...» – «...иной раз из-под обледеленого башлыка видны только одни глаза, но такие сверкающие, неукротимые...» [Этезов 1972: 33, 36] (авторизованный перевод с балкарского М. Киреева).

Одностороннее освещение характера персонажа, исходя из его социального статуса и политических воззрений, также характерно и для первых балкарских романов. Средства изображения подбираются исключительно гиперболического свойства. Если герой, то непременно «роста богатырского». Поэтому национальные писатели своих героев нарекают такими именами, как Батыр (что означает мужественный) («В Теснине» О. Этезова, 1961), Мазан (в переводе с балкарского – сильный, крепкий) («Горные орлы» Ж. Залиханова, 1962). Характерная для историко-героических песен «идея героизации произведения, воспевание конкретного подвига героя, несущего благо общине» [Малкондуев 2015: 9], находит воплощение в отмеченных произведениях балкарских авторов. Так, в образе одного из персонажей романа «В теснине» О. Этезова персонифицируется героическое начало: «Алчы улу Батыр къара халкъ ючюн граждан урушдан башлаб, бу кюнлеге деричи къанын-жанын аямагъан, класс душман бла бетден-бетге сермешиледе къурчланган коммунист эди. Класс душманла аны кеслерине бек баш къоркъунчлу адамгъа санауда жангылмай эдиле, нек десенг, ол сюелген жерге аланы аякълары тутмай эди. Битеу урунган халкъ а аны кесине ахшы уланнга санай эди». – «Алчыев Батыр был коммунистом, не жалевшим своей жизни ради простого народа, закаленным в борьбе с классовым врагом. Классовые враги не ошибались в том, что он является для них грозой. Там, где он появлялся, у них дрожали ноги. А трудовой люд считал его своим героем» [Этезов 2003: 46] (подстр. пер. – А.С.).

Образ главного действующего лица повести С. Шахмурзаева «Танг аласында» («На заре», 1965) Солтан-Хамида Калабекова – известной исторической личности в Балкарии нач. XX века – также создан по соответствующему слепку народного героя. Он «романтизирован при помощи фольклорных героических «красок», что, конечно, снижает реалистическое звучание произведения, придает ему

* Многие произведения балкарских авторов («Камни помнят» О. Этезова, «Мурат» М. Шаваевой, «Горные орлы» Ж. Залиханова и др.), изданные в 60-е годы прошлого столетия, были созданы еще до начала Великой Отечественной войны. Отрывки некоторых повестей и романов были опубликованы в периодической печати 1930–1941-х годов. Однако в силу сложившихся драматических и трагических обстоятельств в судьбе народа (в частности, депортация), одни рукописи были утеряны, другие остались не изданными и лишь после его реабилитации (1957) увидели свет.

статичность, упрощает сам процесс формирования личности» [Очерки истории балкарской литературы 1981: 199].

Элементы лакировки, идеализации присутствуют как в описании внешности героя, так и в его поступках. Облик строго соответствует внутренней сути: если герой положителен, то он внешне привлекателен. Например, в романе «Горные орлы» Ж. Залиханова таковым представлен один из героев-революционеров Асланбек: «Асланбек появился на трибуне как-то вдруг, будто взлетел на нее на крыльях. Сильные, широкие, развернутые плечи, туго обтянутые сукном рубашки военного покроя. Фигура ладная, подобранная. Лицо крупное, открытое. Высокий, красивый лоб. Густые брови резко разлетались к вискам. Броско выделяются продолговатые глаза, привлекающие ясностью и прямоотой взгляда. Небольшие усы подбриты так, что хорошо виден выразительно очерченный рот. Каждая, даже самая мелкая черта во внешности Шерипова была неповторимой и подчеркивала незаурядность этого человека. Сливаясь воедино, все эти черты создавали тот особый облик, который отличает людей необыкновенной судьбы. Главной, пожалуй, была неукротимая стремительность, благодаря которой Асланбек запомнился с первого взгляда и навсегда» [Залиханов 1966: 160] (*перевод с балкарского Александра Толмачева*).

В гиперболизировано-идеализированной форме изображены не только внешность и поступки, но и внутреннее состояние другого литературного героя: «Самат, до дрожи напрягая руки, поднял как можно выше красный флаг, развернул грудь, словно бравый вояка, который прошел сквозь огонь и воду. Он искренне сожалел в эту минуту, что его не ранило: ведь окровавленная повязка – убедительный знак боевых заслуг» [Залиханов 1966: 176].

Аналогичен подход в решении образов главных героев и в других национальных литературах. Таковым, к примеру, обрисован герой романа ингушского писателя И. Базоркина «Из тьмы веков». Портретная характеристика Калоя дает представление о нем как о высоком, широкоплечем богатыре с гордо поднятой головой, по образу и подобию легендарного героя ингушских героических песен Калой-Канта. Как отмечено критикой, «самобытность данного произведения в значительной степени достигается при помощи привлечения фольклорно-этнографических элементов» [Далгат 1981: 148]. Также в характерных для чеченских героико-эпических песен *илли* традициях создан образ главного героя Зелимхан из одноименного романа М. Мамакаева. «Фольклоризм проявляется в сознательной героизации образа..., придавая ему избранность и возвышенность. Образ Зелимхана идеализирован, как и образ героя *илли*. Писатель откровенно любит своего героя, его красотой, горящими глазами, которые могут быть то грозными и страшными для врагов, то полными любви и нежности, когда он смотрит на своих родных. Герой силен, крепок и вызывает восхищение даже у своих врагов» [Джамбекова 2010: 153].

При создании положительного героя писатели отталкиваются от народного представления об идеальном герое, борце за правое дело. Точно также социально-психологическая характеристика отрицательных персонажей соответствует традициям фольклора. Применительно к последним широко используется национальными авторами принцип сатирической типизации. Писатели, гиперболизируя ум, физическую мощь, идеализируя внешнюю красоту и внутренний мир положительных героев, в противовес им наделяют антагонистов комплексом негативных качеств (глупость, алчность, подлость, жестокость и т.п.). Авторы пытаются обличить человеческие пороки посредством острой сатиры, что характерно для народной сказки (бытовой в частности).

«Эстетика контраста сказывается в конфликтах, в сюжетостроении и образной системе» [Сарбашева 1998: 13]. Применение писателями черно-белых красок, исключительных ситуаций способствовало выявлению главного конфликта –

межклассового, обусловленного идеей непримиримости двух миров. Он характерен и для устно-поэтического творчества, строясь главным образом на столкновениях полярных сторон (хороших и плохих, добрых и злых, богатых и бедных, умных и глупых). Подобная тенденция не меняется в своей основе как в 1930-е, так и в последующие годы. Оценка личности героев проводится через призму классовой борьбы. Писатели безразличны к их этическим принципам, многое определяющими в их отношениях с другими людьми, обуславливающими их поведение. В итоге – герои претерпевают духовный кризис.

Следствием фольклорной ориентации младописьменных литератур стала именно поляризация действующих лиц по классовым и сословным принципам. Отмеченная выше повесть «Камни помнят» Омара Этезова построена по классической схеме. Идет жестокая борьба между княжескими карателями (Адик Урусбиев и его приспешники Кази-эфенди, Дукум) и большевиками (Темирбаш, Ахмат, Федор Васильченко, Петрусь). Отсутствие внутренних монологов придает образам описательный характер. Автор активно обращается лишь к форме прямой речи. О. Этезов выступает в роли комментатора: используя доступные ему приемы выразительности, называет действия и поступки героев, вследствие чего «слишком тесное сочленение фактов убивает... живое повествование» [Млечина 1985: 24].

Описание представителей двух противоборствующих политических лагерей в повести носит строго альтернативный характер: применительно к отрицательным персонажам прозаик использует сообразную лексику, как правило, это – негативизмы. К примеру, о Дукуме, главаре банды О. Этезов пишет: «*Жарты акъыллы гуптурчукъ разведчикге уллу къан губуча кёрюне эди. Аны кёрюмю аны къоркъута эди эм жийиргендире эди...*» – «Полоумный горбун напоминал разведчику большого паука-кровопийцу. Его вид вызывал страх и брезгливость» [Этезов 2003: 50] (подстр. перевод и далее наш. – А.С.)*. Образы бандитов раскрываются посредством описания их действий, обликов: «*Бандитлени омакъ чепкен кийген махтанчакъ башчылары Ахматха кёзлерин кюйсюз къысыкълап къарайды*» – «Чванливый главарь бандитов в дорогой черкеске посмотрел на Ахмата, грозно прищурился»; «*Бандитле омакъ кийимлиле, тойгъанларын кётюралмагъанла, кюйсюз бетлиле*» – «Бандиты в нарядной одежде, праздно-сытые, с жестокими (озлобленными) лицами» [Этезов 2003: 50.]

Несмотря на определенные недочеты в творчестве балкарских писателей, важно признать, что они «осваивали традиции национальной художественности, воплощая в своих произведениях специфику национального сознания, реалии традиционного быта, религиозных воззрений, создавая особый, самобытный художественно-эстетический мир произведений» [Джамбинова 2003: 24.].

Воздействие фольклорной эстетики на национальную литературу в период ее становления способствовало формированию поэтико-стилистического строя художественных произведений, литературного языка. Положительная роль связи с устным народным творчеством заключалась в генетической преемственности духовных ценностей. Содержащийся в фольклоре этический кодекс, концепция человека и общества (мира) оказались близки по духу идеологии нового времени. Опираясь на ресурсы фольклорной поэтики, писатели С. Хочуев, Х. Кациев, О. Этезов, Б. Гуртуев, Ж. Залиханов и др. стремились художественно осмыслить суть социальных преобразований исторической эпохи. Как показывает опыт, на

* Как показывает практика, переводы на русский язык многих произведений балкарских авторов зачастую не являются точными, порой не соответствуют оригиналу в языковом и художественном выражении. В этой связи мы предпочитаем дать прямой (подстрочный) перевод иллюстративного материала, чтобы с максимальной точностью передать семантическую наполненность, глубину и образную неповторимость художественного слова, национальное своеобразие оригинала первоисточника.

последующих этапах литературного процесса характер взаимодействия фольклора и литературы меняется. Если на начальной стадии процесс взаимодействия «проходил на уровне системного заимствования литературой устно-поэтических жанров, сюжетов, образов, мотивов, языково-поэтических средств» [Далгат 1981: 66.], то в дальнейшем согласованная связь с фольклором нарушается.

Источники и литература

1. Далгат У.Б. Литература и фольклор (теоретические аспекты) М.: Наука, 1981.
2. Джамбекова Т. Фольклор как источник чеченской прозы XX века. Майкоп: Издательство МГТУ, 2010. 303 с.
3. Джамбинова Р.А. Литература Калмыкии: проблемы развития. Элиста: Джангар, 2003. 240 с.
4. Залиханов Ж.Ж. Горные орлы. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. 336 с.
5. Нарт темирчи Дебетни жыры (Песня о нартском кузнеце Дебете) // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1994. С. 142–144, 392–394.
6. Нартла жерден къалай кетгендиле (Как нарты покинули землю) // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1994. С. 294–298, 592–596.
7. Малкондуев Х.Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: Печатный двор, 2015. 312 с.
8. Млечина И.В. Типология романа ГДР. М.: Наука, 1985. 304 с.
9. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. 400 с.
10. Сарбашева А.М. Формирование историзма мышления и балкарский роман: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1998. 24 с.
11. Сарбашева А.М. Особенности речевой структуры современной балкарской драмы // Известия КБНЦ РАН. 2012. №2. С. 169–174.
12. Урусбиева Ф. Путь к жанру. Нальчик: Эльбрус, 1972. 176 с.
13. Этезов О. Камни помнят. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1972. 176 с.
14. Этезов О. Сайламала (Избранное) / сост., введ. статья А. Сарбашевой. Нальчик: Эльбрус, 2003. 160 с.

THE ROLE OF FOLKLORE IN THE FORMATION OF POETIC-STYLISTIC FEATURES OF THE BALKAN PROSE (1910–1960s)

Sarbasheva Alena Mustafayeva, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Sector of Karachai-Balkan Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alenasarb@mail.ru

The subject of the study is the study of art-style features of the Balkan prose in the paradigm of interaction between folklore and literature of the first half of the 20th century. As an illustrative material, the prosaic works of O. Etezev, J. Zalihanov, S. Shahmurzayev, who at the early stages of their creativity actively turn to the resources of folklore poetry, were chosen. The analysis shows that writers widely use epithets, metaphors, stable oral-poetry phraseological units, stories, motives, techniques of depicting reality, borrowed from the arsenal of oral speech. Characteristic folklore of style of presentation is observed in stories of the first stories, agendas, novels of the mentioned authors. Due to insufficient experience of folk creativity for mastering the principles of realistic study of life and creation of character-types, writers fail to harmonically combine wide epic coverage of reality with in-depth image of individualized, psychologically expressive images, with philosophical reflection of depicted events. However, the study concludes that the prevalence of certain genre-thematic flows, poetry means characteristic of oral creativity, in the Balkan written speech at the stages of its formation showed the continuity of literature with national origins. The use in the national prose of the richest arsenal of visual

means (antithesis, epitets, comparisons, hyperbolization, metaphors, symbolism), styling components borrowed from aesthetic resources of folk creativity, contributed to the formation of a new type of artistic consciousness, which determined in the future the trend of development of verbal art.

Keywords: folklore, Balkan literature, art and art means, poetry, genre.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-78-84

**СПЕЦИФИКА ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
В ПОЭЗИИ А. СОЗАЕВА
(на материале сборника «Голос рассвета моего»)**

Берберов Бурхан Абуясуфович, доктор филологических наук, зав. сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

В рамках фольклорно-литературного интертекста автор статьи рассматривает функциональные особенности фольклорных элементов в творчестве балкарского поэта Ахмата Созаева. Исследование проводится на материале сборника «Голос рассвета моего». Среди приемов, используемых автором в качестве связующих звеньев между фольклором и литературой, отмечаются своеобразная композиция, эпиграфика, топонимика, этнографические детали, а также стилизация жанров устного народного творчества (благопожелание, песня-состязание, песня-плач, лирика депортации).

Как показывает автор статьи, особое место в творчестве Ахмата Созаева занимает лирика депортации, интертекстуально связанная с фольклорным жанром «сюргон жырла», созданным карачаево-балкарским народом в середине XX столетия. Путем стилистического анализа созаевских стихотворений «Моя песня о выселении» и «Вспоминая свое киргизское детство», автор использует многочисленные эпитеты, метафоры, олицетворения, гиперболы, приемы аллитерации, анафорические, эпифорические повторы, а также риторические вопросы, маркированные знаками фольклорной эстетики. Данные факты автор трактует как преемственность художественных традиций, благодаря которым нартский эпос, классический фольклор, устное народное творчество новейшего времени и современная национальная литература складываются в единый континуальный философско-эстетический комплекс.

Ключевые слова: фольклор, балкарская поэзия, Ахмат Созаев, интертекст, амейная композиция, ойконим, стилизация, поэзия выселения.

Каждому художнику без исключения свойственно на сознательном или подсознательном уровнях обращаться к образцам устного народного творчества. Как отмечает С.А. Джанумов, «для писателей фольклор всегда являлся неисчерпаемым источником познания духовной жизни народа, одним из важнейших средств обогащения собственного художественного творчества элементами народной культуры, народно-поэтическими сюжетами, мотивами и образами, жанрово-стилистическими формами» [Литературная энциклопедия 2003: 1143].

На сегодняшний день усилиями зарубежных и отечественных фольклористов достаточно полно и в системной форме описаны все возможные фольклорно-литературные связи (корреляция, оппозиция, сказительство, стилизация, аллюзия, пародия и т.д.). Как отмечает У.Б. Далгат, фольклористика XX века обогатилась исследованиями по установлению «логики отношений между литературой и фольклором на разных общественно-исторических и идейно-эстетических уровнях» [Далгат 191: 4].

В этом направлении серьезным шагом вперед стало «интертекстуальное» направление в фольклористике, позволяющее выявлять и описывать тончайшие, «пунктирные» соединительные связи между устным народным творчеством и

профессиональной литературой с помощью специально разработанного терминологического инструментария (прототекст, интекст, архитекст и др.). Подобного рода теоретические достижения современной фольклористики нашли отражение в материалах Международной конференции «Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе», проведенной в 2003 г. в Магнитогорске [Интертекст в художественном... 2003].

По мнению современных ученых, «при изучении фольклоризма одной из первоочередных задач является исследование как прямого, так и опосредованного воздействия устно-поэтических традиций не только на отдельные художественные произведения, но на все творчество писателя в целом. Это позволяет расширить представления о возможности творческого использования различных фольклорных сюжетов, мотивов и образов в произведениях разных жанров, разных родов литературы» [Литературная энциклопедия 2003: 1143].

В соответствии с этой целевой установкой в данной статье мы предприняли попытку на материале произведений одного сборника классика современной балкарской поэзии Ахмата Созаева (р. 1941) «Тангмы ауазы» («Голос рассвета моего») [Созаев 1998] рассмотреть многообразие фольклорных интертекстов, их функциональную роль в художественных текстах, их способность раскрывать новые смысловые грани произведений.

Названный поэтический сборник начинается с посвящения: «Отцу – Солтану, матери – Науш, хоть они и ушли в мир иной, они продолжают смотреть на меня, освещая голос моего рассвета... Пусть эта книга станет поэтическим памятником для обоих!» [Созаев 1998: 1]. Как видим, сам текст посвящения отмечен знаком фольклоризма как по форме, так и по содержанию, соединяя между собой два поэтических мира и провозглашая значимость архетипических ценностей.

Для древнего человека, еще не оторванного от природы, при описании различных ситуаций или оценке личности было естественно обращение к объектам окружающей его среды. Мир был изначально поделен на «добро» и «зло», сложившимися архетипическими знаками пользовались народные певцы. Согласно фольклорному словарю, безусловные символы добра – гора, холм, дерево, родник, трава и т.п., то есть все, что с крестьянской точки зрения является благом для человека. Обвал, снежная лавина, мутная река, тьма и другие, типологически сходные явления вошли в фольклорную систему как деструктивные, разрушительные. В свое время фольклорная эстетика выработала весьма удобную и «экономную» в средствах амебейную композицию, «при которой на протяжении всего поэтического произведения чередуются отрывки, связанные между собой параллелизмом» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 22]. Суть параллелизма заключается в том, что простой намек на природное, вещное сопоставление позволяет уяснить человеческое, духовное.

А. Созаев, верный карачаево-балкарской фольклорной поэтике, часто пользуется экспрессивными возможностями амебейной композиции, конечно, в немного стертой, аллюзивной форме. Приведем в качестве примера характерный отрывок из «Стихотворения, посвященного Алимуну Байсултанову»:

Тауларыбыз кибик адамлыгынга,
Малкъарынгда сын таш этип салгъанбыз.
Къама ауузуча жютю кишилигинги,
Кесибизге нёгерликге алгъанбыз [Созаев 1998: 59].

Твоя человечность подобна горам,
Мы ей в Балкарии поставили памятник.
Твое мужество, острое как кинжал,
Мы взяли его себе в спутники.

(Подстр. пер. автора статьи)

Фольклоризм Ахмата Созаева и близость его лирического героя к вековым традициям проявляется в постоянном внимании к ойконимам, к микропонимам, семантическое содержание которых обыгрывается и складывается в оригинальные поэтические образы. По такой художественной модели написаны стихотворения «Деу Алауганны сыргына ушагъан Сырт Талада, атам бла мен кѣп жылны чалгъы тартхан талада туугъан тизгинле» (*Стихи, написанные на Холмистой Поляне, похожей на спину могучего Алаугана, где мы с отцом многие годы косили траву*) [Созаев 1998: 217], «Акъ-Суу башында «Буу мюйюзле кези» деген жерде жаратылгъан тизгинле» (*Стихи, рожденные в верховьях Белой речки, в местечке под названием «Проём в рогах оленя»*) [Созаев 1998: 264], «Акъ-Суу элиме айтама» (*Говорю своему родному селу Ак-Суу*)» [Созаев 1998: 56], «Малкъар журтума» (*Родной Балкарши*) [Созаев 1998: 135], «Жанбаш сыртда жангыз терек» (*Одинокое дерево на холме Жанбаши*) [Созаев 1998: 192], «Барама Холам таба» (*Иду в сторону Холама*) [Созаев 1998: 411] и др. Вглядываясь в окружающий мир, созаевский лирический герой видит в очертаниях природных объектов фигуры персонажей нартского эпоса, ведет с ними диалоги.

В представлении балкарского поэта любой ойконим – это частица устного народного творчества, требующая бережного к себе отношения. «Холам» – одно из «мертвых» балкарских селений, куда уже никто не возвратился после депортации 1944–1957 гг. А. Созаев образным поэтическим языком поднимает тему исторической памяти, многократно обыгрывая слово «Холам», органически вписывая его в мир социума и Вселенной. Приведем это стихотворение целиком:

Таулу киши
«Холам» деген сѣзню
Жона кетип,
Сын таш этди.
Энди ол аны
Аламны къалайындан да
Кѣрюнюрча, аллай жерге
Элтип саллыкъды.

Горец
Слово «Холам»
Долго обтесывал,
Превратил в памятник.
Теперь он его
Поставит в такое место,
Чтоб видно было
С любой точки Вселенной.

Таулу тиширыу
«Холам» деген сѣзню
Ийлей кетип,
Гыржын этди.
Энди ол аны
Аламны хар инсаны да
Ашарча, аллай аш къангагъа
Элтип саллыкъды.

Горянка
Слово «Холам»
Долго месила,
Превратила в хлеб.
Теперь она его поставит
На такой стол,
Чтобы каждый житель Вселенной
Мог отведать.

Таулула
«Холам» деген сѣзню
Алып барадыла,
Ёлюкнюча,
Алай жокъду аны асырар жерибиз.
Нек дегенде,
«Холам» деген сѣзню
Биз, таулула,
Асырагъанбыз жюреклерибизде.

Балкарцы
Слова «Холам»
Несут как
Тело покойника.
Но нет места для его захоронения.
Потому что
Слово «Холам»
Мы, горцы,
Сохранили в наших сердцах

[Созаев 1998 299].

(Подстр. пер. авт. статьи)

Художественное мастерство А. Созаева проявилось в использовании конкрет-но-вещных, фактурных образов (обтесывать камень, месить тесто, печь хлеб), переводящих абстрактную категорию (название села) в зримый, опредмеченный объект, занимающий важное место в культурной жизни современного общества.

Особое место в карачаево-балкарском фольклоре занимает жанр «сюр-гюн жырла» – стихи и песни, тематически связанные с трагедией выселения. А. Созаеву, который в трехлетнем возрасте испытал участь спецпереселенца, очень близка тема национальной трагедии с последующим возвращением депортированного народа на родину. Знаком фольклорной стилизации отмечено лиро-эпическое стихотворение А. Созаева, которое он назвал «Кёчгюнчюлюкге мен этген жыр» («*Моя песня о выселении*») [Созаев 1998: 333]. Все стихотворение написано от имени народа, судя по местоимению «биз» (мы). Автор использует целый ряд изобразительно-выразительных средств, передающих психоэмоциональное состояние людей, которых разлучают с родной землей. Это – эпитеты «могучая река», «черная одежда», метафоры (*очаг погас, солнце мира закатилось, сжечь неправду*), олицетворения (*звезды плачут, волна бьет себя об скалу, Дыхтау поет песню-плач*), гиперболы (*мертвые восстали*). Все эти стилистические приемы сближают данный текст с типологически сходными произведениями «сургюн жырла». Сюда следует добавить и явления экспрессивного синтаксиса – междометие (*ой*), анафорические и эпифорические повторы с подхватами («жуддузла жилияй» – «плакали звезды»), риторические вопросы («Терекле кыалай чакъсынла?» – *Как зацветут деревья?*). Особо следует выделить такой излюбленный фольклорной эстетикой прием, как аллитерация, также мастерски используемый в песне-плаче А. Созаевым. Речь идет о том, что во многом организация смыслового единства стиха достигается использованием трех ключевых слов на букву «ж» – «жыр» – «песня», «жуддузла» – «звезды», «жилияйды» – «плачет».

Северокавказскими специалистами достаточно полно изучен такой художественный феномен, как детский фольклор о депортации. На самом деле, эти уникальные тексты «дают представление о масштабе народной трагедии, в которой наибольшая доля страдания выпала на долю детского населения» [Берберов 2003: 113].

С этими образцами устного народного творчества перекликается и стихотворение А. Созаева «Къыргъызда сабийлигим эсгере» (*Вспоминая свое киргизское детство*) [Созаев 1998: 222]. На первый взгляд, произведение кажется малоинформативным и лишенным значимых действий. Здесь всего лишь воспроизводится яркая картина из серии детских впечатлений маленького спецпереселенца: малыш видит идущих к нему навстречу двух людей – «один – отец, вторая – мать» («Анам – бири, бири – атам») [Созаев 1998: 222]. Однако, если учесть исторический контекст стиха и вспомнить, сколько было сирот и полусирот среди депортированных детей, то сразу становится понятно внутреннее ликование маленького героя, который по милости Всевышнего растет в полной семье. Портрет маленького спецпереселенца с печальными глазами и мужественным сердцем описывается автором в стихотворении «Сургюнде кыалгъан сабийлик» (*Детство, оставшееся в изгнании*) [Созаев 1998: 91]. Такого рода стихи представляют собой «неоценимый источник для изучения основ народной педагогики и психологии, тесно связанных со всем укладом жизнеустройства балкарцев и карачаевцев в трагический период народной истории» [Берберов 2003: 111].

Эпиграфы – еще один способ, который мастерски используется А. Созаевым для апеллирования к фольклорным текстам. К примеру, стихотворению «Жанбаш сырда жангыз терек» (*Одинокое дерево на холме Жанбаш*) автором в качестве эпиграфа предпосланы строки из карачаево-балкарской народной песни:

Жанбаш сырда жангыз терек ёсмесин,
Ёссе – ёссюн, ууалмасын, сынмасын.
Аналагъа жангыз улан туумасын,
Тууса – туусун, аурумасын, ёлмесин,
Аны анасы аны ачыуун кёрмесин» [Созаев 1998: 192].

*Пусть не растет одинокое дерево на холме Жанбаи,
А если растет, пусть растет, не ломается, не гнется.
Пусть не родится одинокий сын у матери,
А если родится, пусть родится и не болеет, не умирает.
И матери пусть не доведется увидеть его горе!*

(Подстр. пер. авт. статьи)

Не чужды для А. Созаева и жанрово-стилистические пересечения с фольклорной эстетикой, если учесть обилие в его творчестве стихотворений-благопожеланий – «Жангы тангнга алгыш» (*Благопожелание новому рассвету*) [Созаев 1998: 30], «Уллу Аллахдан тилегим» (*Прошу у Великого Аллаха*) [Созаев 1998: 38], «Жангы жылгъа алгышым» (*Благопожелание Новому году*) [Созаев 1998: 372], «Созай тукъумубузгъа айтама» (*Говорю роду Созаевых*) [Созаев 1998: 398], «Жеримде – жерим – Акъ-Суу элиме айтама» (*Моему месту на родной земле – моему селению Ак-Суу говорю*) [Созаев 1998: 406], «Жангы кюннге алгыш этеме» (*Благопожелание новому дню*) [Созаев 1998: 449], а также стихотворений, написанных в жанре «Кюй» (песня-горевание). Среди последних следует отметить следующие произведения – «Уяналаны Мухтарны эсгере» (*Вспоминая Уянова Мухтара*) [Созаев 1998: 145], «Анамы эгечи Атталаны Чуннайны кызы Кызычыкъ ёлген кюн туугъан тизгинле» (*Строки рожденные в день смерти сестры моей матери – Аттаевой Кызычык Чуннаевны*) [Созаев 1998: 388], «Жашы ажымлы жоюлгъан кишини сёзлери» (*Слова отца, чей сын трагически погиб*) [Созаев 1998: 389], «Биттирланы Назир ёлген кюн айтхан назмум» (*Стихи, прочитанные в день смерти Биттирова Назира*) [Созаев 1998: 394] и другие.

Для индивидуальной поэтики А. Созаева характерно использование различных устойчивых фольклорных формул: «Эртте, эртте, эртте» (*Давным-давным-давно*) [Созаев 1998: 195], «къор болайым» (*умру за тебя*) [Созаев 1998: 213], а также множества художественных этнографизмов, корректирующих представление читателя об особенностях духовной и материальной культуры горцев Северного Кавказа.

Важное место в карачаево-балкарском фольклоре занимает жанр лирической песни «айтыш» – фольк. «состязание в песнопении» [Къарачай-малкъар тилни 1996: 83]. Такого рода тексты предусматривают ведение остросюжетного диалога, как правило, между юношей и девушкой. По законам этого жанра написано стихотворение А. Созаева «Не айтырса манга сен?» («*Что скажешь мне ты?*») [Созаев 1998: 366].

Здесь мужчина выступает в качестве «ведущего» или «заводилы», который последовательно задает женщине «провокационные» вопросы, на которые его избранница дает остроумные ответы, подчеркивающие ее женское достоинство. Новаторство балкарского поэта здесь проявилось в добавлении заключительного «примиряющего» трехстишия, где прежние «антагонисты» хором произносят слова:

*Алай эсе, алай эсе,
Игиликни кюн этейик,
Ойюбюзге биз жетейик* [Созаев 1998: 366].

*А если так, а если так,
Доброту превратим в солнце,
И пойдем в наш дом.*

(Подстр. пер. автора статьи)

Фольклорные элементы способствуют тому, что в поэзии А. Созаева «мир воспринимается системно, гармонично, доминирует восприятие человека как центра целесообразно устроенной Вселенной» [Отарова 2005: 59].

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать итоговый вывод о том, что Ахмат Созаев в своих поэтических произведениях весьма плодотворно использует целый комплекс фольклорных элементов. К ним относятся мотивы нартского эпоса, ойконимы, этнографизмы, эпиграфические микротексты, отсылающие читателя к произведениям устного народного творчества, а также специфические приемы амебейной композиции, характерные для фольклорной поэтики. Древние жанры («кюй» (*песня-плач*), «алгыш» (*благопожелание*), «айтыш» (*песня-состязание*)) в рамках литературной стилизации обретают новую жизнь под пером балкарского поэта.

Источники и литература

1. Берберов Б.А. Ребенок и репрессия: карачаево-балкарский детский фольклор о депортации // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. Карачаевск: КЧГУ, 2003. С. 111–113.
2. Далгат У.Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 304 с.
3. Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе. Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 года). Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. 701 с.
4. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка). В 3-х тт. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фф», 1996. Т. 2. С. 83.
5. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
7. Отарова П.К. Созаев Ахмат Султанович // Литературы народов России: XX век: словарь. М.: Наука, 2005. 365 с.
8. Созаев А. Тангымы ауазы (Голос рассвета моего). Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1998. 464 с.

SPECIFICITY OF FOLK AND LITERARY RELATIONS IN A. SOZAEV'S POETRY (Based on the collection «The Voice of My Dawn»)

Berberov Burkhan Abu Yusufovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

As part of the folklore and literary intertext, the author of the article considers the functional features of folklore elements in the work of the Balkar poet Akhmat Sozaev. The study is conducted on the material of the collection «Voice of my dawn». Among the priority connecting links between folklore and literature, there are amoeba composition, epigraph, placename, ethnography, as well as stylization of the genres of folklore (benevolence, song-contest, lament song, lyrics of deportation).

As the author of the article shows, a special place in the work of Akhmat Sozaev is occupied by the lyrics of deportation, intertextually associated with the folklore genre «surgun zhyrla» created by the Karachay-Balkar people in the middle of the twentieth century. By stylistically analyzing Sozaev's poems «My Song about Eviction» and «Remembering My Kyrgyz Childhood», the author reveals numerous epithets, metaphors, personifications, hyperbolas, alliteration techniques, anaphoric, epiphoric repetitions, as well as rhetorical questions marked with folk aesthetics. The author interprets these facts as the continuity of artistic traditions, thanks to which the Nart epic, classical folklore, modern oral art and modern national literature are combined into a single philosophical and aesthetic complex.

Keywords: folklore, Balkar poetry, Akhmat Sozaev, intertext, amoeba composition, oikonym, stylization, eviction poetry.

ПЕРВАЯ ЗАПИСЬ ПЕСНИ ОБ АНДЕМИРКАНЕ

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

Шора Бекмурзович Ногмов первый исследователь в истории адыгской фольклористики, который упоминает имя эпического героя Андемиркана как реальной личности. Он же первый, кто записал текст песни о данном фольклорном персонаже. В настоящей работе дается транслитерация записей, выполненных адыгским просветителем и впервые опубликованных профессором Г.Ф. Турчаниновым (это два фрагментарных варианта песни об Андемиркане). Тексты сопровождаются обстоятельными научными комментариями исследовательского характера. Заново, с учетом материалов издания, подготовленного Г.Ф. Турчаниновым, выполнен структурно-аналитический перевод на русский язык в соответствии с принципами, которые были выработаны для серийного издания Антологического свода адыгского фольклора. Наряду с этим здесь же намечается вектор для диахронического анализа поэтического текста: устанавливаются отдельные слова и словесные блоки, которые составляют константную, неизменяющуюся, или же изменяющуюся в незначительной степени, часть фольклорного текста. Также определяются и выделяются в поэтическом тексте словесные блоки и упоминания о явлениях, которые нехарактерны для записей более позднего времени. Сопоставление выделенных категорий слов и словосочетаний призвано определить степень устойчивости поэтического текста в течение длительного времени.

Ключевые слова: Андемиркан, эпический герой, устойчивость фольклорного текста, формулы, транслитерация, аналитический перевод.

Устойчивость фольклорного поэтического текста – одна из проблем, которые не имеют однозначного решения. С большей или меньшей долей обстоятельности ее затрагивали многие отечественные и зарубежные ученые, в числе которых Ю.М. Соколов [Соколов 1940: 232–234], А. Лорд [Lord 2000: 30–67], П.Г. Богатырев [Богатырев 1971: 393–420] В.М. Гацак [Гацак 1971: 7–46] и многие другие. Несмотря на все иные расхождения во взглядах, суждения разных авторов сводятся к тому, что при рассмотрении данной проблемы важно учитывать совокупность разных факторов, в том числе жанр рассматриваемого произведения, этнокультурные традиции, сложившиеся в данном языковом сообществе, индивидуальные способности исполнителя, а также некоторые иные обстоятельства. На материале адыгского фольклора вопрос об устойчивости текста героико-исторических песен рассматривал З.М. Налоев, отметивший, что в адыгской песенной традиции существовал целый перечень приемов, направленных на обеспечение максимальной сохранности песенного текста, передаваемого изустно [Налоев 2009: 78–79]. Однако какими бы интенсивными ни были эти приемы и средства, фактом остается то, что фольклорный текст вариативен, и хотя это родовое свойство можно иногда регулировать в известных пределах, сводя варьирование к какому-то минимуму, исключить его полностью невозможно, пока существует практика устной трансмиссии.

В свете сказанного мы ставим своей целью рассмотреть в историко-сравнительном плане разновременные записи одного произведения. На примере

пшинатля из нартского эпоса нами в свое время была предпринята одна такая попытка [Гутов 1993: 114–131]. Однако старшая и младшая разновидности адыгского эпоса существенно различаются и в содержательно-тематическом плане, и в плане поэтики. Поэтому мы обратились к первой по времени записи песни об Андемиркане [Ногма 1956: 111–117], пожалуй, самом популярном герое историко-героического эпоса адыгов, и попытались установить некоторые особенности текстовых изменений, которые могут быть связаны с фактором времени.

Варианты песни, посвященной Андемиркану, записаны фактически на всей территории исторического расселения адыгов. Последние по времени записи ее относятся к концу XX в. Впервые же зафиксировал песню и сообщил сведения о самом герое Ш.Б. Ногмов в 30 годы XIX в. В его «Истории адыгейского народа» имеется упоминание о князе Хайдемирхане, сыне князя «Мударафа и второй жены его из низшего класса народа» [Ногмов 1861: 147]. Правда, ему посвящен всего один абзац, но не вызывает сомнений, что автор имеет в виду именно Андемиркана, хотя данная ему Ногмовым характеристика не очень лестна для традиционно сложившегося образа эпического героя: Хайдемирхан, по сведениям Ш.Б. Ногмова, является сыном Мударафы (фольклорный и исторический князь Мудар-Хафа, который фигурирует также в ряде вариантов сказания о рождении Андемиркана, записанных сто и более лет спустя после Ш.Б. Ногмова). Согласно его сведениям, герой участвовал в военных предприятиях верховного князя Кабарды *Берслана* (прототип Беслана – Пцапцы из сказаний об Андемикане), но впоследствии он стал бунтарем, который доставлял всему обществу много неприятностей, что и послужило поводом для коварной расправы над ним [Ногмов 1861: 147]. Проф. Г.Ф. Турчанинов опубликовал два варианта песни об Андемиркане, записанные просветителем, как можно полагать, в 30-е годы XIX века. Оба они представляют не более чем фрагменты произведения, более пространныго по объему: первый вариант насчитывает всего 16 стихов, второй – 14. В то же время согласно сведениям, собранным фольклористами в XX столетии, песня состояла из семи частей-*едзыгъуэ*, каждая из которых должна была быть по объему такой же или не многим меньше, чем вариант в записи Ш.Б. Ногмова [Аутлева 1973: 42–43]. Так, в записи, опубликованной П.И. Тамбиевым в 1998 г., насчитывается 64 стиха, и это составляет всего лишь три части из предполагаемых семи [СМОМПК 1898: 41–46]. Один из самых полных вариантов, записанный в 4 частях у исполнителя Хапаго Ашхотова, насчитывает 71 поэтический стих [Андемыркъан 2002: 37].

Согласно распространенному мистическому поверью, всякий, кто исполнит все семь частей, непременно умрет. По данной причине получилось так, что среди множества записей песни о данном герое, нет ни одного варианта, в котором были бы представлены все семь частей. З.П. Кардангушев, один из лучших знатоков адыгского фольклора и страстный собиратель, даже считает, что семь глав – это просто легенда [Андемыркъан 2002: 29]. Можно предположить, что в процессе устного бытования спонтанно произошли структурно-композиционные трансформации, в результате которых план содержания существенно не пострадал, но число частей формально уменьшилось. Однако и в таком случае обе записи Ш.Б. Ногмова надо признать не иначе, как фрагментами. Тем не менее, на их основе можно попытаться установить основные тенденции сохранения и варьирования поэтического текста. Одновременно есть возможность апробировать принципы транслитерации текстов и принципы научно-аналитического перевода и составления комментариев. За основу были взяты материалы из упомянутого издания, подготовленного Г.Ф. Турчаниновым, но мы постарались адаптировать и текст, и перевод к единым принципам нашего Антологического свода адыгского фольклора. Приводимые ниже тексты с переводом и комментариями могут послужить опорой для более глубокого специального исследования названной проблемы.

В целях большей наглядности мы выделяем курсивом в текстах те фрагменты, которые представляют собой устойчивые сочетания, не подвергшиеся существенным изменениям в записях более позднего времени. Подчеркиванием обозначены те фрагменты, которые нехарактерны или единичны в текстах, записанных в XX в. Всё остальное в транслитерации Г.Ф. Турчанинова мы постарались сохранить в неприкосновенности. Случаи, когда это нарушается, обязательно оговорены.

АЙДЕМЫРКЪАН
АЙДЭМЫРКЪАН (1)
АЙДЕМИРКАН
(Вариант 1)

Уэ, ныжыр<а>ІэнкІэ (2) Айдемыркъанмэ и шхьдэц¹ (3),
И шхьдэ макъыр Іуэщхьэ<махуэ> и къуапэмi нэІусырт.
Ерыстаупхъумэ дышэ хъучІанэхэр² хигъэсырт.
Айдемыркъанмэ и уэрдэунэр дэсиец³.

Уэрдэ сэрeir⁴ пицыхуэ пэкІупІэти, сэхьжц.
Тхьэи гуцэмэ жор зэфэгъугуэрэ къыхисэщ.
Бгыщхьэмэ исми бланэхэр псэугуэрэ зыхуашэ.
Дзэшхуэр къыдешыри сэмэгурабгъумэ рейгъэкІу.
Лпыхуэр зиушхьэкІуу<рэ-?> дэчІыпсымэ къыреч.
Сыхэкъ[І-?]ырасэщ, жеІэри и бзэ дьг[г⁵]ыжым⁵ къонэцІ.

Къэбэрдеишхуэр Ащтырхьэн<ы>дзэмэ шыІушІэмэ.
Уэркъ щаугуэ чІыгъухэр шхьэж <и> уэнэ-фашкІэ зыдикъурт.
Зыхуримыкъумэ Хьэтыкьуэ ябгэр пикъужырт.
Сыпикъужынщ, жеІэри хьчІыІум и шхьэфэмэ тырихуэрт.
Зауэмэ шыхэхуэкІэ дамыгъэ лиехэр тыричІэрт⁶.
Къэбэрдеишхуэмэ шышхьэгуэрэныр рачІыкІырт.

АЙДЕМИРКАН

О, <когда> вести речь, то это об историях Айдемиркана¹
(Букв.: ...если вести речи, то о гневе Айдемиркана)
Его гневный голос вершины горы достигал.
Эристаовых дочь⁷ [женщина родом из Эристаовых] золотые крупинки²
вставляла (вышивку украшала золотыми самородками — ? перев.).

Айдемиркана дворец обрушился³
Стена крепостная⁴, место сборищ больших князей, опустела.
Боже, о горе, кресты одинаковые <в ряд> выстроил.
Тому, кто на вершине горы живет, ланей живыми приводят,

Войско большое ведет и по левую руку располагает.
У мужа доблестного, оскорбившегося, на латах застежки срывает.
«Я хачираса», говоря, на его лук грозный⁵ заритса.
Когда Большая Кабарда столкнулась с астраханским войском.
Юноши уоркские, что с ним были, каждый своим
седлом-снаряжением был обеспечен.
Кому недоставало чего, Хатуко Суровый был тому опорой.
«Стану опорой», сказав, на морскую поверхность выгоняет.
В сражение вступив, <на теле врага> лишнее тавро он ставил⁶.
Кабарда Большая конное войско густое сломила.

(Вариант 2)

Уэ, ныжсыра¹Энк¹Айдемыркъаным и ихыдэиц²,
Уэ, и ихыдэри бацэти, абы хуэдэ зыпцири лъыч¹ыскъэмэ.
Уэ, и г'атэ¹ Эпцэр Лъэпцугуэ си къанмэ⁸ къытсыхъыц.
Уэ, и жанырыбзэмэ⁹ Ауц-Г'эрг'эмэ¹ Гэ дилъэц.

Шухэр зэдильмэ, лъэрытемьытгугэрэ мэшэс,
Уэ, биймэ цынэск¹Э пшэ гугэрэнгугэрэ мэув.
Уэ, уи хъэгъ<у>хуэгъугуэ г'энэды пицъцауэр епсэх<и>.
Уэ, къэбэрдеидзэр Аштырхъан и дзэмэ шыш[н-?]эсмэ,
Уэркъшауэгугэ чыгъухэр шхъэж хуэфэщ<э>нымэк¹Э зыщыщхъут.

Къэбэрдейм шыщхъэгугэрэнгугэ зач¹ыжщ...
Ерыцтаупхъ<у>мэ дышэ хъуч¹анэхэр хигъэсыт.
Айдемыркъаным и уэрдэ унэр дэсиец³,
Айдемыркъан и уэрдэ сэрейр сэхыжщ⁴.
Тхъэ зи гъусэ<м-?> жор зэфэгъугугэрэ дыхисэщ¹⁰.

АЙДЕМИРКАН

О, <когда> вести речь, то это об историях Айдемиркана¹
(Букв.: ...если вести речи, то о гнев Айдемиркана),
О, гнев его так велик, что подобного ему князя нет другого.
О, рукоять его меча Тлепи⁸, мой кан, закалил.
О, его лезвие⁹ Ауш-Герге погладил [благословил].
Когда всадники ринутся, <он> вмиг на коня садится,

О, когда до врага доберется, облаком густым оборачивается.
О, его соперником бывший гендийский князь-наездник упокоился.
О, когда кабардинское войско достигло до войска Астрахани,
Уоркские наездники, что были с ним вместе, достойно снаряженные
были.
Кабардинцы лошадиным кругом становятся...
Эристаовых дочь [женщина родом из Эристаовых] золотые крупинки
вставляла (вышивку украшала золотыми самородками – перев.).
Айдемирканов большой дворец разрушен,
Айдемирканово большое подворье рухнуло.
Тем, кто в Боге, кресты одинаковые поставил.

ПРИМЕЧАНИЯ

Оба текста перепечатаются из: «Ш.Б. Ногма. Филологические труды. Т. 1. Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. с. 111–117. Тексты были записаны в первой половине XIX в., скорее всего, в конце 30- начале 40-х годов, Ш.Б. Ногмовым / Ногма). При подготовке настоящей публикации в транслитерацию, выполненную Г.Ф. Турчаниновым, были внесены некоторые поправки: уточнено написание отдельных слов, а также в двух случаях внесены исправления в делении на строфы (в варианте 1 после 7-го стиха восстановлен отдельным стихом фрагмент «Сыхэкъыра-сэщ...»; в варианте 2 после стиха 8 выделен отдельным стихом фрагмент «Уэркъ шауэгугэ чыгъухэр...»). В случаях, когда комментарии (в основном лингвистического плана), сделанные публикатором, нуждаются в дополнениях, мы позволили себе дать свои пояснения.

1. Слово *ихыдэ* чаще всего толкуется как *история* (если на месте звука *ш-* стоит *т-*). Однако в большинстве вариантов данный стих представляет устойчивую формулу со словом *ихыдэ* – *брань, гнев*.

2. К толкованию, которое дает Г.Ф. Турчанинов, считаем уместным добавить, что в связи с утратой слова *хъукIанэ* в живом кабардинском языке могло произойти переосмысление его утраченного значения, методом истолкования «непонятных форм посредством форм известных» [Де Соссюр 1977: 210]. В данном случае начальное *хъукIанэ* можно разделить на семантические компоненты – производящую основу *хъукIа-* (предположительно семантически родственно совр. *хъуакIэ/кхъуакIэ – бахрома*) и *-анэ* – суффикс, со значением части чего-либо. Формант *-кIанэ* может переосмысливаться как корень слова со значением *кусок, сколок*. Целиком фраза призвана указать на то, что супруга героя жила как настоящие княгини, одним из главных занятий которых было золотое шитье, вышивка, плетение различных аксессуаров из шелковых и золотых нитей.

3–4. В сочетании *уэрдэунэр дэсиец* первое слово в современном языке означает букв. *большой дом, дворец*. В таком случае и *уэрдэ сэрей* надо понимать как *княжеское подворье* или *стена, ограждающая дворец*. Слово *дэсиец* (букв. *уплыл вверх*) иносказательно означает разрушился, ушел в небытие.

5. *Бзэ дыг'ыжьс* (букв. *горькая тетива*) – метафорическое название лука или сагайдака, употребительное в песенных текстах. Перевести троп не удалось, поэтому мы даем прямое значение.

6. Как правило, на боевой лошади и аксессуарах должен был стоять только один знак – тавро, мета хозяина. Исключение составляла лошадь породы *шолох*, которая, независимо от хозяина, непременно обозначалась особым знаком, и он наносился вместе со знаком хозяина. «Лишняя» метка в этом случае – знак лошади с осбыми боевыми свойствами. Однако контексте данной песни это не что иное, как ранение или же сознательно нанесенная зарубка.

7. Согласно стилистическим правилам адыгских языков, женщину иносказательно могли называть по названию ее родовой фамилии с прибавлением слова *дочь*. В данном случае это указание на то, что женщина происходила из знатной грузинской фамилии Эристави. Адыгские (в частности, кабардинские) князья вступали в брачно-родственные отношения только с теми, кого признавали равными себе. Это, например, представители ханских династий Крыма или Ногайской орды, кумыкские шамхалы, грузинские князья т. п. Здесь названием рода супруга героя также делается намек и на его собственное высокое происхождение.

8. В данном контексте слово *къан* употреблено в значении объекта поклонения Тлепшу, языческому покровителю огня и кузнечного ремесла, одному из сквозных персонажей нартского эпоса. Особые почести оказывали ему и кузнецы, и воины, непосредственно имеющие дело с кузнечными изделиями – оружием, доспехами, воинским снаряжением.

9. Слово *жанырыбз* (букв. – *остро-режущее*; субстантивированное прилагательное) в поэтических текстах является метафорой меча.

10. Утверждение Г.Ф. Турчанинова о том, что на борьбу с ненавистным Андемирканом было приглашено грузинское войско, представляется немотивированным. Об этом прямо не говорится в тексте данного варианта. Также ни в более поздних записях песни, ни в преданиях речь не идет о подобном явлении.

* * *

На данном небольшом примере мы не считаем корректным делать широкие обобщения, хотя и представленный материал дает основание отметить, что основной пафос песни за полтора столетия бытования не подвергся изменениям. Также налицо ряд нарицательных и личных имен (Андемиркан, Тлепш, Ауш-Герге, Эристау, иносказательные обозначения оружия и пр.), которые представлены как в позднейших записях, так и в текстах Ш.Б. Ногмова. Практически на уровне синхронных вариантов оказываются отдельные устойчивые формулы, в некоторых случаях довольно пространные. В первом варианте они занимают не менее трети всего объема всего текста, а во втором и вовсе значительно более половины.

Соответственно, в первом варианте доля отдельных слов упоминаемых в тексте лиц и явлений, которые не представлены в записях последующего времени, значительно выше, чем это видим во втором. Думается, это осознанная или же не осознаваемая в полной мере демонстрация различий в фактически синхронно существующих различных вариантах. Следовательно, как во времена Ш.Б. Ногмова, так и в более поздние периоды истории общества могли одновременно существовать варианты, по своему содержанию сравнительно далеко отстоящие друг от друга. Вместе с тем некоторые события (напр., упоминание о походе на Астрахань), имена отдельных лиц (Хатуко Большой), христианская символика и кое-какие другие детали в позднейших записях (за исключением тамбиевской – 1898) уже не фиксировались или же были отмечены единично. Достоинно внимания, что запись, опубликованная П.И. Тамбиевым в СМОМПК-25 через несколько десятилетий после Ш.Б. Ногмова, занимает некое срединное положение между первой фиксацией песни и текстами, которые были записаны в XX в. Это очевидно и по предметному каталогу, в котором соседствуют имена «сквозных» персонажей (Тлепш, Ауш-Герге, Князь Асланбек, Каниболат и пр.) и имена, встречающиеся преимущественно только в ногмовской и тамбиевской записях (Астрахань, Хатуко), а также и по представленности устойчивых формул.

Наши беглые наблюдения требуют более обширного исследования, началом которого они могут послужить.

Источники и литература

1. *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.
2. *Андемыркъан.* Налшык: Эльбрус, 2002. Н. 372 (Андемиркан. Адыгский героический эпос. Налчык: Эльбрус, 2002. 372 с.).
3. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. Налчык: Эльбрус, 1973. 228 с.
4. *Гацак В.М.* Эпический певец и его текст. // Вопросы текстологии фольклора. М.: Наука, 1971. С. 7–46.
5. *Гутов А.М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука. Восточная литература, 1993. 208 с.
6. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. 1. Налчык: Кабардинское государственное книжное издательство, 1956. 308 с.
7. [*Ногмов Ш.Б.*] История адыгейского народа, составленная Шора-Бекмурзин Ногмовым по преданиям кабардинцев. Тифлис: 1861. 181 с.
8. *Albert V. Lord.* The Singer of Tales. Second edition. Jondon: Harvard University Press, 2000. p. 312.
9. *Налоев З.М.* Героические величальные и плачевые песни адыгов. // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. I. М.: Советский композитор, 1986. С. 22–23.
10. *СМОМПК* (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 25. Тифлис: 1898. Отд. 3).
11. *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. 540 с.

FIRST RECORD OF THE SONG ABOUT ANDEMIRKAN

Gutov Adam Mukhamedovich, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Adyge Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

Shora Bekmurzovich Nogmov is the first author in the history of Adyge folklore, who mentions the name of the epic hero Andemirkan as a historical person. He is the first to record a song

about this folk character. In this work, we transliterate records made by the Adyghe educator and first published by Professor G.F. Turchaninov (these are two fragmentary versions of a song about Andemirkan). The texts are accompanied by extensive scientific commentary of a research nature. Again, taking into account the materials of the publication prepared by G.F. Turchaninov, performed structural and analytical translation into Russian in accordance with the principles that were developed for the serial publication of the Anthological Code of Adyghe folklore. Along with this, a vector is outlined here for diachronic analysis of a poetic text: individual words and verbal blocks are established that make up a constant, unchanging, or slightly changing part of the folk text. Verbal blocks and references to phenomena that are uncharacteristic of later recordings are also defined and highlighted in the poetic text. A comparison of the selected categories of words and phrases is designed to determine the degree of stability of the text for a long time.

Keywords: Andemirkan, epic hero, stability of the folklore text, formulas, transliteration, analytical translation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-91-97

ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ОБОГАЩЕНИЯ АДЫГСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Хужева Людмила Корнеевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. черкесским отделом Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований, hugeva@mail.ru

На первом этапе развития адыгских литературных языков большое влияние на них оказал фольклор. Поэтические традиции фольклора оказались богатыми, разнообразными и устойчивыми. Фольклорные традиции оказывают влияние не только на развитие литературных языков, но и на зарождение художественной литературы многих народов, особенно младописьменных. У разных народов связь фольклора и литературы различна, что объясняется конкретными историческими условиями формирования и развития литературного языка. Фольклорные элементы весьма значительны по своему составу в литературных языках, не имевших давних письменных традиций, они охватывают не только лексику, но и грамматику.

В основе произведений многих адыгских авторов – сюжеты народных преданий, сказаний, легенд, в связи с чем авторы часто пользуются лексикой, синтаксисом и композиционными особенностями фольклора. В произведениях на современную тему встречаются образы из устного народного творчества, используются слова, типичные для устного народного творчества. Данные элементы усиливаются включением авторами в тексты своих произведений этнографического материала (*абрэмывэ* «огромный камень, на котором нарты испытывали свою силу», *гуэбэнэч* «верхняя одежда для пастухов из войлока», *санэ* «вино», *нарт шу* «нарт-всадник», *пицацэ уд* «девушка-ведьма» и др.). Многие современные писатели и поэты развивают некоторые жанры устно-поэтического творчества, как, например, хохи (народные пожелания). Большую роль сыграли фольклорные традиции в произведениях таких известных авторов, как Али и Адам Шогенцуковы, Т. Керашев, М. Дышеков, А. Кешоков, А. Налоев и мн. др. и послужили основным источником их народности.

Ключевые слова: фольклор, традиции, литературный язык, пословицы, поговорки, метафоры, гиперболы, сказки, загадки.

На первых этапах развития художественной литературы при выработке норм адыгских литературных языков не было единства в решении вопроса об отношении к устному народному творчеству, к использованию его традиций. Два противоположных взгляда существовали среди адыгских писателей и лингвистов на развитие национальной литературы и письменно-литературного языка. Известный адыгский лингвист и писатель Т. Борукаев был уверен в том, что адыгская литература должна развиваться в рамках устного народного творчества. Другая группа (Д. Налоев и др.) отрицали значение устного народного творчества в формировании и развитии национальной литературы [Кумахова, Кумахов 1979: 159]. Данное разногласие не могло не повлиять на характер формирования художественной литературы. Несмотря на все эти высказывания, необходимо отметить, что влияние традиций фольклора на формирование и развитие адыгских литературных языков было значительным. В языке ранних произведений адыгских поэтов и писателей отобразилось устно-поэтическое начало не только на лексике, фразеологии, семантике и синтаксисе, но и на строении самих произведений, на сюжетно-композиционных и стилевых явлениях.

На базе устного народного творчества создавались литературные нормы. Язык устного народного творчества своеобразен, богат. Весьма показателен в этом плане не только нартский эпос, но и малые жанры адыгского фольклора – пословицы, поговорки, исторические и свадебные песни, причитания, сказки, загадки и т.д. В них сохранились лексемы, утраченные или малоупотребительные в современном кабардино-черкесском языке, как, например: названия, связанные с божествами (*Шыблэ* «бог молний», *Лъэщ* «бог кузнечного дела», *Тхьэгьэлэдж* «бог растений» и т.д.), с народностями (*чынт* «чинты, кинты», *испы* «испы», *сонэ* «сван, грузин», *ермэлы* «армянин» и др.), предметами боевого снаряжения (*афэ* «кольчуга», *афэ джанэ* «кольчужная рубашка», *мэлуху* «щит», *жаниэрхь* «колесо боевое, с помощью которого проверялись сила, мужество, выносливость героев-нартвов» и др.), топонимические названия (*Псыжь* «Кубань», *Хьэрэм Гуащхьэ* «Харам-гора, где собирались нарты», *Мысыр* «Египет», *Щам* «Дамаск», *Сонэ* «Грузия» и др.), также названия, связанные с материальной культурой черкесов (*добэ данэ* «шелковые украшения», *далъмэ* «колесо с украшениями», *дэн* «корзина», *чыл* «шалаш», *салу пхьуантэ* «деревянный сундук», *шалъэ* «ведро», *шэджьыблэ* «ядовитая змея» и многие другие). Широкое отражение в языке фольклора и художественной литературы нашли названия, связанные как с материальной, так и с духовной культурой адыгов (уклад жизни, обычаи и обряды, верования, народная медицина, музыкальное искусство, родственные и семейные отношения и т.д.).

Народные певцы *джэгуаклуэ* создавали эпические, историко-героические, обрядовые, культовые жанры устно-поэтического творчества. Сатирические и юмористические произведения, сопровождаемые танцами, исполнял *ажэгъафэ* «скоморох». По своей деятельности *джэгуаклуэ* и *ажэгъафэ* не были ограничены в использовании языка, так как они имели доступ к представителям различных говоров и диалектов.

В истории формирования и развития младописьменных литератур границы между литературой и фольклором не кажутся так резко очерченными. Без глубокого изучения языка фольклора, эпической поэзии невозможно исследование пути развития, истории и типологии литературного языка. Не единичны примеры, иллюстрирующие связь истории литературных языков с традициями устного народного творчества. Преемственность между устно-поэтической речью и литературными языками прослеживается на материале адыгских языков. Устно-поэтическое творчество ярче проявляется в языке поэзии, связанной с фольклорной поэтикой, ее композиционными и стилистическими особенностями, что объясняется богатством, разнообразием и устойчивостью поэтических традиций адыгского фольклора. Писатели и поэты разных поколений (Ц. Теучеж, Б. Пачев, А. Хавпачев, Алий и Адам Шогенцуковы, А. Кешоков, А. Шортанов, Т. Керашев, М. Дышеков, А. Охтов, И. Машбаш и мн. др.) опираются на фольклорные традиции, используя манеру повествования и стилистические средства при описании персонажей в своих произведениях. В первую очередь, это произведения, созданные до возникновения письменности на адыгских языках, в которых используются стилистические средства и специфические черты описания героев. Ранние произведения построены в стиле малых жанров фольклора – хохов (*хьуэхьу*), здравиц, хабаров (*хьыбар*) с использованием лексических, синтаксических и морфологических параллелизмов, свойственных только устному народному творчеству. Они насыщены метонимическими, метафорическими сравнениями, в них приводятся пословицы, поговорки, поэтические обороты. Старую традиционную форму здравиц известный собиратель адыгского фольклора Ш.Б. Ногмов обогатил новыми мыслями, новой рифмой (стихотворение «Хох»). Им впервые был сочинен хох (*хьуэхьу*) о просвещении и науке. Широко известное произведение Ш. Ногмова «Черкесские предания» является фольклорно-литературным памятником. Оно было опубликовано на немецком языке в 1886 году в Лейпциге. Наследие

Ш.Б. Ногмова – двухтомник филологических трудов, который включает в себя работы по языку, записи произведений народной поэзии, кабардино-русский словарь, дают нам глубокие знания в области языка фольклора и литературных произведений того периода.

Произведения, созданные адыгскими авторами в разные периоды времени, включая советскую эпоху, сохранили особенности устно-поэтической речи, их своеобразную лексику, фразеологию, мифологию. Образная народная речь, насыщенная традиционными художественными средствами изображения событий и явлений действительности, характерна для произведений, сыгравших значительную роль в формировании и развитии литературного языка. «Обращаясь к фольклорным мотивам, они (адыгские писатели, поэты – *Авт.*) не только воспроизводили их в своих произведениях, но и творчески перерабатывали для решения определенных идейно-художественных задач», – отмечал А.М. Канкошев [Канкошев 2019 а: 449].

Особенности речи представителей господствующего класса (*тицы* «князь», *уэркъ* «дворянин» и др.), их приверженность к напыщенности, возвышенности интонаций передают современные авторы в своих произведениях. Они использовали образы нартских героев (*Сосрыкъуэ* «Сосруко», *Бадынокъуэ* «Бадынок», *Сэтэней гуацэ* «Сатаней», легендарной красавицы *Іэдиуху* (Адиух) и др.), а также целые отрывки из фольклора. Заслуживают внимания произведения, выполненные не только в стиле здравец, хохов, но и народных сказок, колыбельных песен, частушек и загадок. Существовал особый поэтический жанр *къэбжэжI* – песни, в которых высмеивались все (или большинство) присутствующие: «диапазон – от поверхностной насмешки до общественной сатиры» [Кумахова, Кумахов 1979: 207]. Адыгские авторы использовали этот жанр в своих произведениях, наполняя его новым содержанием, связанным с современной действительностью, придавая ему юмористический характер. В прозаических произведениях (басни, новеллы, рассказы и т.д.) использовались яркость и выразительность языка устно-поэтической речи.

Обращение к фольклорной традиции способствовало литературным языкам выйти из бытовых рамок, открыть путь для осмысления и решения проблем истории и современности, приобщения к традиционным общечеловеческим ценностям народного опыта. «Фольклор обладает редчайшим средством – он универсален, в этом он сродни самым великим произведениям искусства. Каждой литературе – от младописьменной до насчитывающей тысячелетия – фольклор дает то, в чем нуждается литература, что она хочет и может взять», – отметил один из известных литературоведов советского периода Н. Джусойты [Темаева 2012: 204].

В фольклоре формировалось художественное мышление народа, вырабатывалась система его идейно-эстетических представлений, национальное и духовное сознание. Для более глубокого исследования менталитета народа, внутреннего мира человека, для развития национальной традиции, обобщения духовно-исторического и нравственного опыта этноса, адыгские писатели и поэты обращаются к культурным истокам национальной литературы и, в первую очередь, к фольклору, в основе которого заложены все жанровые формы.

Источники и литература

1. *Канкошев А.М.* Фольклорные мотивы в адыгской (черкесской) прозе 20–40-х годов XX в. // Материалы научной конференции с международным участием «Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы», посвященной 100-летию ученого-кавказоведа В.П. Невской. Карачаевск, 2019 а. С. 444–451.
2. *Канкошев А.М.* Фольклорные жанры в произведениях черкесских писателей // Материалы научной конференции с международным участием «Национальная литература

России в поликультурном пространстве: духовно-нравственный и консолидирующий потенциал» (23–24 мая). Калмыкия, Элиста, 2019 б. 360 с.

3. *Кумахова З.Ю., Кумахов М.А.* Функциональная стилистика адыгских языков. М.: Наука, 1979. 359 с.

4. *Темаева Х.Н.* Истоки художественной и духовно-нравственной основы прозы Чингиза Айтматова // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы северокавказских литератур в контексте общероссийского литературного процесса: перспективы развития на рубеже XX–XXI вв.». Грозный, 2012. С. 200–204.

FOLKLORE AS A SOURCE OF ENRICHMENT OF ADYGHE LITERARY LANGUAGES

Khuzheva Lyudmila Korneevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Circassian Department of the Karachay-Cherkess order «Badge of Honor» of the Institute for Humanitarian Research, hugeva@mail.ru

At the first stage of the development of literary languages, the poetics of folklore greatly influenced. The poetic traditions of folklore turned out to be rich, diverse and stable. Folklore traditions influenced not only the development of Adyghe literary languages, but also the origin of fiction of many peoples, especially young ones. Different peoples have different connections between folklore and literature, which is explained by the specific historical conditions of the formation and development of the literary language. Folklore elements are very significant in literary languages, that did not have long written traditions; they encompass not only folklore, but semantics, grammar and syntax.

The works of many Adyghe authors are based on plots of folk traditions, legends, legends, and therefore, authors often use vocabulary, syntax and compositional features of folklore. In works on a modern theme, there are images from oral folklore, using words typical of folklore. These elements are reinforced by the inclusion of ethnographic material in the texts of their works (abremyve «a huge stone on which the sledges tested their strength», guebenach «outer clothing for shepherds from felt», sane «wine», nart shu «sled rider», «Witch girl» and others). Many modern writers and poets develop some genres of oral and poetic creativity, such as folk wishes. A large role was played by folklore traditions in the works of such famous authors as Ali and Adam Shogentsukov, T. Kerashev, M. Dyshekov, A. Keshokov, A. Naloev and many others. etc. and served as the main source of their nationality.

Keywords: folklore, traditions, literary language, Proverbs.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-98-101

УДК 930:001.12

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-102-109

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАБАРДЕ В КОНЦЕПЦИИ В.Х. КАЖАРОВА

Кузьминов Петр Абрамович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, petrakis_hist@bk.ru

В статье анализируются ключевые аспекты концепции В.Х. Кажарова качества общественных отношений в Кабарде. Решение принципиального вопроса прошлого кабардинского народа, определяет оценку уровня цивилизационного развития, качества жизни, вектор движения дореформенного общества. Приняв участие в обсуждении характера общественных отношений, В.Х. Кажаров предложил свою версию развития феодальных отношений у адыгских этнических общностей, которая не противопоставляла общинное и феодальное землевладение, как это делало большинство дореволюционных и советских историков, а нашел возможность объединить их.

Земельные отношения нового типа в пореформенный период не создавались, считает исследователь, искусственным путем в результате внедрения их административным порядком, без учета тех реальных предпосылок, которые сложились и имели место в общине предшествующего времени. Царская администрация на Северном Кавказе, прежде чем проводить преобразования, тщательно изучала соответствующую область общественного быта горцев, стараясь приспособить свои мероприятия к существовавшим уже у них отношениям собственности. Существование здесь общинно-передельного землепользования в дореформенный период облегчило администрации задачу реорганизации местных сельских общин по центрально-русскому образцу.

Ключевые слова: автор, концепция, общественные отношения, землевладение, землепользование, вотчина, крестьянское хозяйство, князь, дворянин.

Валерий Хаширович Кажаров – известный кавказовед-ученый, интересный человек, замечательный друг... Таким он остался в памяти всех близких, друзей, коллег, работавших с ним на ниве познания прошлого.

Проблема качества общественных отношений в Кабарде, в адыгских этнополитических образованиях, у горских народов Северного Кавказа – одна из наиболее дискуссионных. Поскольку от того или иного решения этого принципиального вопроса прошлого народов региона, зависит оценка уровня цивилизационного развития, качества жизни, векторы их движения. Поэтому не случайно по этому вопросу высказывались многие кавказоведы прошлого и настоящего.

Среди них дореволюционные авторы: М. Абаев, Я. Абрамов, К. Атажукин, Ч. Ахриев, Г. Баев, С. Броневский, П. Гаврилов, Н. Гаибов, Н. Грабовский, И. Дебу, Н. Дубровин, Н. Карлгоф, А. Кешев, М. Ковалевский, Н. Красницкий, В. Кудашев, У. Лаудаев, Л. Люлье, Е. Максимов, Ш. Ногмов, К. Сталь, Н. Тульчинский, С. Хан-Гирей, К. Хетагуров, Г. Цаголов, и др.

Советские исследователи: К. Азаматов, Х. Бербеков, Б. Берозов, Р. Бзаров, А. Бижев, М. Блиев, Т. Боцвадзе, С. Бушуев, С. Гаджиева, В. Гаджиев, В. Виноградов, В. Гарданов, Б. Джимов, Ж. Калмыков, Г. Кокиев, Т. Кумыков, Е. Кушева,

Л. Лавров, С. Месяц, И. Мужев, В. Невская, Е. Налоева, Б. Ортабаев, В. Пожидаев, Х. Рамазанов, Н. Смирнов, М. Тотоев, Ф. Тотоев, Н. Тхамоков, Ф. Эдиева много сделали в изучение данной проблемы. Отдельно выделим представителей грузинской историографии Г. Миликишвили, З. Анчабадзе и А. Робакидзе, поставивших вопрос о степени феодализации горских народов, обосновав концепцию «горско-го феодализма».

Современные ученые: С. Айларова, А. Абазов, А. Башиев, Р. Бзаров, В. Виноградов, Б. Виноградов, З. Глашева, К. Дзамихов, Ф. Гутнов, В. Дегоев, В. Кажаров, П. Кузьминов, П. Магаяева, Э. Мужухоева, Е. Муратова, М. Урусова, А. Хасбулатов, Л. Цвижба и другие, затрагивали эту проблему косвенно, в контексте исследования общих проблем кавказоведения. Особо выделим историографические исследования Ф. Гутнова [Гутнов 2007; Гутнов 2008; Гутнов 2014] и К. Дзамихова [Дзамихов 2008].

Среди советских и современных кавказоведов В.Х. Кажаров выделялся оригинальностью видения прошлого, умением синтезировать противоречивый материал, делать взвешенные выводы. Особую роль, по нашему мнению, Валерий Хаширович сыграл в изучении общественных отношений в Кабарде в дореформенный период, обосновав ряд принципиально новых концептов, которые раздвинули рамки сложнейшей кавказоведческой проблемы. Века ее осмысления оставили десятки определений, вычленяющих отдельные аспекты характера общественных отношений. Его понимание «вотчины-общины», при всей парадоксальности дефиниции, будировало интерес научного сообщества, заставляло углубляться в глубь веков. Прекрасно зная современную отечественную и зарубежную историографию адыговедения, отдавая должное представителям старшего поколения, он шел своим путем изучения прошлого....

В 80-е годы XX века известные советские кавказоведы Т.Х. Кумыков и К.Г. Азаматов в ряде статей подвели своеобразный итог изучению аграрных и социальных отношений у горских народов Северного Кавказа первой половины XIX в. [Кумыков, Азаматов 1980, Кумыков, Азаматов 1986]. Особенностью развития общественных отношений у народов Северного Кавказа, по их мнению было то, что «феодальное землевладение тесно переплеталось с общинной собственностью на землю... Наиболее развитыми были земельно-правовые отношения в Кабарде, Кумыкии, Мехтулинском, Дербентском, Кюринском ханствах, Тарковском шамхальстве, в равнинной части Табасарана и Кайтага, у адыгейских, так называемых аристократических народов: темиргоевцев, бесленеевцев, бжедугов. На более низкой ступени развития феодальных отношений стояли горная часть Дагестана (Авария, Лакия, Даргиния, Кайтаг, Лезгиния), Балкария, Карачай, дигорские и тагаурские осетины, а также осетины, переселившиеся на равнину, адыгейские демократические племена, Чечня и Ингушетия, большинство «вольных» обществ Дагестана, Куртатинское и Алагирское общества Осетии [Кумыков, Азаматов 1980: 158]. Феодальная собственность на землю, по мнению ученых, выступала в различных формах: фамильной, семейной и индивидуальной. Доминирующее положение занимала «частно-семейная, которая являлась переходной ступенью от фамильной к индивидуальной. Во многих районах Северного Кавказа произошло юридическое оформление права северокавказских феодалов на землю, создается так называемое наследственное право, следовательно, и частная собственность на землю». Этот тезис высказан Т.Х. Кумыковым и в обобщающем труде [История Кабардино-Балкарской АССР 1967: 200]. Вывод авторов о том, что «наличие фамильной земельной собственности как раз свидетельствует о незавершенности процесса феодализации» [Кумыков, Азаматов 1980: 162, 163], констатирует факт развития общества, но не говорит о степени его развития. В свою очередь, если «произошло юридическое оформление права северокавказских феодалов на землю», являющегося определяющим фактором института собственности в эпоху феодализма,

то почему же «процесс феодализации» ещё не завершился? С другой стороны, в условиях традиционного общества, когда отсутствовало писанное право, как понимать «юридическое оформление права северокавказских феодалов на землю»? Каким образом оно произошло? Какие есть документальные подтверждения этого тезиса?

Рассматривая общинную собственность на землю, авторы выявили четыре формы, характерные для народов Северного Кавказа: 1. Собственность одного селения. В эту категорию входили почти все виды земельных угодий – пастбища, сенокосы, пахотные участки, выгоны, леса. 2. Собственность двух или нескольких селений на пастбища, сенокосы, леса. 3. Земли, принадлежавшие почти всем сельским обществам. Сюда входили лес, горы, пастбищные места. 4. Совместное владение землей со стороны целого народа, т. е. всех сельских обществ, входивших в разные феодальные владения или в разные политические образования. Это были общинные земли (пастбища, сенокосы и часть пахотных), находившиеся в коллективном владении крестьян и феодалов без регулярных переделов [Кумыков, Азаматов 1980: 166–168]. Вторая и третья формы понятны. Коллективная собственность на пастбища, леса, иногда сенокосы была типичным явлением, детально описанным в литературе и источниках. Анализируя формы землевладения, В.Х. Кажаров замечает, что сложнее обстоит вопрос, когда пахотные земли находились в совместном владении крестьян и феодалов. Владение предполагает и распоряжение, и передачу по наследству, и продажу... Что же это за форма собственности и правомерно ли ее называть общинной? Кажется, правильнее сказать – коллективное пользование землей, «поскольку монополия земельная собственность кабардинских пши-уорков, – пишет В.Х. Кажаров, – проявлялась в распоряжении землей не прямо, а через сельскую общину, которая, перестав быть верховным коллегиальным собственником, все же сохранила функции коллективного регулятора и как целое осуществляла права пользования своих членов, но с той принципиальной разницей, что все ее действия теперь были санкционированы властью феодального владельца, совмещавшего в своем лице собственника общесельской земли и пользователя одного из ее наибольших и наилучших участков» [Кажаров 1980: 52].

Продолжив анализ вопросов общественного быта, ученые пришли к выводу, что «основной низовой политической организацией общественного устройства на Северном Кавказе была сельская община, состоявшая из больших и малых семей, ведущих индивидуальное хозяйство» [Кумыков, Азаматов 1986: 6]. Так что же первично? Феодальное землевладение, в соответствии с которым формируются сюзеренно-вассальные отношения различных групп феодалов, или же общинное землевладение, обслуживавшее интересы сельских обывателей? Превалирование второго тезиса архаизирует, занижает характер общественных отношений. Доминирование первого дает нам типичный вариант развитых феодальных отношений в Кабарде, Кумыкии, Бесленее, Камергое и др. Закономерен и следующий вопрос: каким образом сельская община выполняла политические функции в обществе, в котором она принадлежала владельцу аула и без приказа которого она не могла осуществлять даже элементарные хозяйственные работы на земле владельца?

Представляется, что в данном случае система координат марксистско-ленинской методологии, в рамках которой работали исследователи, не позволила «проникнуть» в особенности землевладения и землепользования, а значит, и в способ организации горского феодализма.

Приняв участие в обсуждении вопроса о характере общественных отношений, В.Х. Кажаров предложил свою версию развития феодальных отношений у адыгских этнических общностей [Кажаров 1980; Кажаров 1981; Кажаров 1986], которая не противопоставляла общинное и феодальное землевладение, как это делало большинство дореволюционных и советских историков, а нашел возможность соединить их.

Земельные отношения нового типа в пореформенный период не создавались, считает исследователь, как иногда считают, искусственным путем в результате внедрения их административным порядком, без учета тех реальных предпосылок, которые сложились и имели место в общине предшествующего времени. Царская администрация на Северном Кавказе, прежде чем проводить преобразования, тщательно изучала соответствующую область общественного быта горцев, стараясь приспособить свои мероприятия к существовавшим уже у них отношениям собственности. «Можно полагать, – пишет Кажаров, – что именно существование здесь общинно-передельного землепользования (в дореформенный период. – П.К.) облегчило администрации задачу реорганизации местных сельских общин по центрально-русскому образцу» [Кажаров 1980: 40].

Вместе с тем, в условиях включения Кабарды в социально-политическую систему Российской империи, стремление кабардинских князей и уорков юридически закрепить свои старинные, узаконенные нормами обычного права, привилегии действующими законами империи, встречало противодействие администрации, которая спекулировала на внутренних противоречиях кабардинского общества и каждый раз решала в свою пользу эту «неопределённость» земельных прав феодальных владельцев. Именно с этого времени, подчеркивает В.Х. Кажаров, отчуждение земельных участков в пользу казны аргументируется тем, что «земли в Кабарде составляли более общественное достояние, нежели частные поместные владения» [Кажаров 1981: 67]. Вторжение местной администрации в политические прерогативы князей, аннексия земли под строительство форпостов, крепостей и размещение станиц, подрывали традиционное землевладение в Кабарде и завершились «актом от 20 августа 1863 г.».

90-е гг. XX века, во многом ставшие переломными в осмыслении прошлого горских народов с помощью новых методологических подходов и заметного увеличения документальных источников, стали временем расцвета таланта исследователя-адыговеда.

Процесс сокращения территории и численности кабардинского народа в первой половине XIX в., разрушение всех отраслей хозяйства, потерю независимости Кабарды, произошли, по мнению В.Х. Кажарова, в результате «деструктивного взаимодействия социальных систем (России и Кабарды. – П.К.), находящихся на разных стадиях развития» [Кажаров 1994: 3]. Результатом негативного влияния колониальной политики царизма на жизнедеятельность этноса стал глубокий кризис, «подорвавший всю институциональную инфраструктуру кабардинского феодального общества» [Кажаров 1994: 4].

Поскольку концепт «кризис» был новым понятием в адыговедении, то его надо было не только озвучить, но и привести весомую аргументацию о его существовании. По мнению исследователя, кризис сложился, во-первых, под влиянием административно-политических и судебных преобразований, проведенных в Кабарде российской администрацией [Кажаров В.Х. 1994: 10]. Во-вторых, в результате земельного «утеснения», проявляющегося в аннексии исконных земельных угодий [Кажаров В.Х. 1994: 16–21]. В-третьих, в результате обострения земельных споров и несанкционированных «захватов» земли уорками и князьями [Кажаров В.Х. 1994: 24, 25]. В-четвертых, ослабление иерархической структуры землевладения «разрушало сами формы собственности в Кабарде» [Кажаров 1994: 41]. В-пятых, запрещение российской администрации переселяться аулам, уоркам и князьям с одного места на другое [Кажаров 1994: 41–43] противоречило характеру общественных отношений. Обоснованная теоретически, логически и фактологически, концепция ученого о правомерности категории «кризис института традиционной земельной собственности» была поддержана научным сообществом.

Исследуя процесс функционирования вотчины-общины как основной социальной ячейки кабардинского социума в дореформенный период,

В.Х. Кажаров выделил ее особенности, которые заключались в том, что «... вотчинная земельная собственность дворян условна и ограничена в рамках иерархической структуры землевладения, но внутри вотчины-деревни и, прежде всего, по отношению к непосредственным производителям она полно проявляет свою частнособственническую сущность..., которая носит фамильный характер» [Кажаров 1994: 65]. Наиболее зримо особенности вотчинной земельной собственности проявлялись, пишет В.Х. Кажаров, как ни парадоксально это звучит, в сфере землепользования, где «общинное начало проявлялось столь ярко, что для многих исследователей это обстоятельство заслоняло феодальную земельную собственность» [Кажаров 1994: 86]. Этот парадокс, по мнению автора, обусловлен сложившейся традицией в кабардинской вотчине ежегодно перераспределять землю между жителями, что исключало наследственный характер держаний, и «барская запашка», лишь немного превышающая крестьянскую, оказалась включенной в общую массу земельных наделов. Поэтому «владелец села в результате очередного передела общесельского пахотного клина получал надел, который лишь немного превышал средние размеры крестьянских участков. Ему давалась привилегия составлять полный плуг (из четырех пар быков), тогда как остальные жители села имели право впрягать в плужную упряжку не более трех пар быков» [Кажаров 1994: 87]. Таким образом, складывалась странная ситуация, когда владелец села (къуажэпщ) был пользователем общесельской земли и одновременно полновластным ее собственником. Выясняя причины этого положения, В.Х. Кажаров указал следующие обстоятельства: во-первых, отсутствие у адыгского вотчинника стимулов расширять барский надел и соответственно вести крупное земледельческое хозяйство. Но и при такой постановке проблемы, по нашему мнению, за скобками остается вопрос: почему отсутствовал стимул, ведь именно с желанием получить материальные ценности, сам исследователь связывал второе закрепощение крестьян-вольноотпущенников, а мы отмечали развитие товарно-денежных отношений [Кузьминов П.А., Огузова Д.А. 2017: 81]. Во-вторых, территориальное совмещение вотчины и села. В-третьих, совпадение объектов феодальной земельной собственности и общинного землепользования. В-четвертых, обособление «барской запашки» привело бы к кардинальным изменениям в ее поземельной организации, в соответствии с которыми должна была перестроиться вся ее прежняя структура или же прекратить свое существование, поскольку она не допускает сочетания указанных выше способов взаимодействия военно-управленческих и производственных функций с ведением крупного хозяйства на отдельной территории, не входящей в общесельское пахотное поле. Владелец села не мог, раздваиваясь, одновременно охранять крестьян, контролировать, регламентировать их работу, предотвращать побег и в то же время дублировать эти же функции на своей «барской запашке» и др. [Кажаров 1994: 88–92]. И здесь вновь возникает вопрос: каков характер общественных отношений в концепции В.Х. Кажарова? Если феодальный, то раздваиваться нужды не было. Ведь сам владелец села (къуажэпщ), или его уорк не работал на земле. Ее обрабатывали зависимые крестьяне, как правило, пшитли. В свою очередь, наделение крестьян землей предполагает феодальную ренту в виде натурального оброка или барщины. Если нет, то тогда что? На этот вопрос Валерий Хаширович ответить не успел...

Как известно, в Кабарде были пщы къуажэ, т.е. княжеские аулы и уорк къуажэ – дворянские. В Большой Кабарде из 84 къуажэ только 17 были княжескими [Думанов 1990: 124]. Дворянских, как видим, было в пять раз больше. Характер взаимоотношений между знатью и подвластным населением в них различался или нет? Если да, то как? По данным Х.М. Думанова определенная разница была. В дворянском ауле Эльмурзы Бабукова отсутствовали такие сословия зависимых крестьян, как княжеские чагары и холопы или оги и лагунапыты [Думанов 1990: 129].

Типичным явлением в системе кабардинской феодальной вотчины-общины, в концепции автора, было наличие нескольких мелких вотчин-поместий. «Перед нами, – замечает В.Х. Кажаров, – в сущности, своеобразная «вотчина-в-вотчине»; субвотчина, которая состояла из двора уорка и примыкавших к нему крестьянских дворов, которые в совокупности образовывали квартал в деревне (хъзблэ). Структура земельных участков в ней сводилась к земельному наделу, или «держанию» дворянина, своего рода «барской запашке», которую обрабатывали лагунапыты, и наделам оброчных крестьян (огов)» [Кажаров 1994: 120]. Выражаясь образно, замечает далее автор, мелкие вотчины являлись социальными «атомами» этого общества, а вотчина-община была «молекулой», или основной системообразующей клеткой, связывающей их в единое целое. Вотчина-община выступает и как центральная узловое единица социальных отношений, будучи местом, где они предельно «сгущаются» или «конденсируются». С одной стороны, она входит в уделы, которые также, в свою очередь, могут быть рассмотрены как вотчины князей, а с другой – сама состоит из мелких вотчин, на которых и заканчивается деление вотчинной системы на составные элементы [Кажаров 1994: 122]. Тезис заявлен, по форме оригинален, но фактологически не обоснован. Полученный дворянином «уорктын» или дворянский подарок за «службу» князю или тлекотлешу, уорку первой степени, должен был быть возвращен владельцу в случае «отъезда» дворянина. Каким образом пользователь земли превращался в вотчинника, а значит – владельца, исследователь не поясняет. Отсутствие понятного и логичного «механизма» трансформации «поместья» в «вотчину» ставит еще один знак вопроса под данным положением В.Х. Кажарова.

Перманентное развитие вотчинного принципа в Кабарде привело к тому, что на него, как на образец, как на возможную форму своеобразного социального «лифта», стали ориентироваться и крестьяне. К середине 60-х гг. XIX в. они составляли влиятельную группу крепостников. В архивных документах, пишет В.Х. Кажаров, отмечается, что «представители низших классов кабардинского общества и бывшие холопы, выкупившиеся на волю, сделали едва ли не самыми значительными владельцами крепостных. По своей структуре дворохозяство крестьянина, владевшего крепостными, являлось мелкой **крестьянской вотчиной** (? – П.К.), которая при условии, если ему жаловалось дворянство, могла стать мелкой феодальной вотчиной» [Кажаров 1994: 122]. «Крестьянская вотчина», таким образом, превращается у автора в «феодальную вотчину», которая, в свою очередь, сливается с крестьянской общиной, превращаясь в «вотчину-общину».

Ход исследовательской мысли понятен, но насколько он отражает характер реальных процессов в кабардинском обществе? В соответствии с нормами обычного права кабардинцев (адыгэ хабзэ), действительно, смелый, бесстрашный общинник, совершивший выдающийся поступок, или заплативший значительную сумму своему владельцу мог повысить свой социальный статус и получить звание «уорк-шаотлугуса» – дворянство 4 степени в Кабарде. Деятельность данного социального механизма прослеживается с 60-х гг. XVIII в., но ни один из известных источников не фиксирует право владения землей крестьянина-общинника.

Процессы имущественного и социального расслоения в крестьянской среде, резко усилившиеся в начале 20-х гг. XIX в., привели к увеличению численности крестьян азат-вольноотпущенников вдвое, но они все-таки оказались недостаточно мощными, чтобы вызвать разложение общинного землепользования и формирование частной земельной собственности. Это произошло в результате реформ 60-х гг. XIX в., когда «... в корне изменилось соотношение феодальной земельной собственности и общинного землепользования. Причем их разрыв произошел не путем саморазложения предшествующей вотчины-общины, а через разрушение последней «сверху» и созданием на ее обломках сельской общины по образцу центрально-русской поземельной общины» [Кажаров 1994: 156].

Как видим, результаты аграрных преобразований важны для исследователя все-таки не с точки зрения изменений форм собственности в кабардинском социуме, а разрушения традиционной системы землевладения и землепользования, т.е. деформации внутреннего механизма функционирования вотчины-общины.

Автор ввел в научный оборот новую историческую дефиницию «вотчина-община», выявил и обосновал «кризис традиционной земельной собственности», других общественных институтов. Данные понятия вошли в кабардиноведение, обогатили научный аппарат современных исследований, хотя еще многое в характере общественных отношений в Кабарде требует углубленного изучения.

Оценивая вклад В.Х. Кажарова в изучение сложнейших проблем адыгovedения, группа молодых исследователей отметила, что его «отличают неординарность мышления, граничащая с парадоксальностью, удивительная способность выявлять и формулировать актуальные проблемы, которые обращены не только в прошлое, но и к современности» [Абазов и др.: 7]. По мнению А.Х. Борова и Ю.М. Азиковой, «подлинная новизна и результативность осуществленного В.Х. Кажаровым исследования связаны не с предметом или источниковой базой, а с принципами и методологией анализа. С одной стороны, он последовательно проводит принцип историзма, рассматривая свой предмет не как раз и навсегда данный, «застывший» вне времени и пространства, а в «динамике» и в связи со сложной совокупностью общественных и политических отношений изучаемого периода. С другой стороны, он отвергает логику упрощенного эволюционизма и последовательно реализует системный подход, в рамках которого структурно-функциональный анализ не подчиняется историко-генетическому методу, а координируется с ним» [Боров, Азикова: 6].

Проведенный анализ отдельных изысканий В.Х. Кажарова показывает, что им проделана серьезная работа в области исследования характера общественных отношений в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в. Выявлены новые механизмы развития общества, обоснованы новые идеи, изучение которых покажет, насколько далеко могут пройти адыгovedы по намеченному пути. Но ... это не финиш, и даже не середина исследования дореформенного кабардинского общества. Это первые шаги, которые будут осмысливаться и пересматриваться как последователями Валерия Хашировича, так и его оппонентами.

Источники и литература

1. Абазов А.Х., Губжосков М.Н., Прасолов Д.Н., Рахаев Дж.Я., Унарокова М.Ю. Проблемы истории и этнографии адыгов в работах В.Х. Кажарова // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 7–44.
2. Боров А.Х., Азикова Ю.М. Концепция раннего государства в современной политической антропологии // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. Вып. VII. С. 3–41.
3. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. В 3 ч. Ч. 1. Владикавказ: Ир, 2007. 319 с.; Ч. 2. Владикавказ: Ир, 2008. 287 с.; Ч. 3. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 494 с.
4. Дзамихов К.Ф. Отечественная историография социально-экономического строя Кабарды в прошлом // Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 671–808.
5. Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1990. 262 с.
6. История Кабардино-Балкарской АССР. В 2-х т. / Под ред. Т.Х. Кумыкова. М.: Наука, 1967. Т. 1. 440 с.
7. Кажаров В.Х. О системе регулирования землепользования в кабардинской сельской общине (первая половина XIX в.) // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 28–53.

8. Кажаров В.Х. К вопросу о феодальных привилегиях в общинном землепользовании в первой половине XIX века // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик: КБИИФиЭ, 1981. С. 65–80.

9. Кажаров В.Х. К вопросу о дуализме кабардинской сельской общины в предреформенный период // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик: КБИИФиЭ, 1986. С. 22–45.

10. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.

11. Кузьминов П.А., Огузова Д.А. Трансформация социального статуса адыгского крестьянства в традиционном обществе (конец XVIII – первая половина XIX века) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 80–87.

12. Кумыков Т.Х., Азаматов К.Г. Особенности земельных отношений у народов Северного Кавказа в первой половине XIX века // Социально-экономические проблемы Российской деревни. Ростов-на-Дону: РГУ, 1980. С. 157–169.

13. Кумыков Т.Х., Азаматов К.Г. Некоторые вопросы общественного быта народов Северного Кавказа в первой половине XIX века // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик: КБИИФиЭ, 1986. С. 5–21.

SOCIAL RELATIONS IN KABARDA IN THE CONCEPTION OF V.H. KAZHAROV

Kuzminov Pyetr Abramovitch, Doctor of History, Professor of the Department of History of Russia, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, petrakis_hist@bk.ru

The article analyses the key aspects of V.H. Kazharov 's conception of the quality of public relations in Kabarda. The solution of this fundamental issue of the past of the Kabardian people determined the assessment of the level of the civilized development, the quality of life, the vector of the movement of the pre-reform society. The researcher refused to go a well-trodden road in historiography and offered his vision problem.

Having participated in the discussion of the nature of social relations, V.H. Kazharov offered his version of the development of feudal relations in the Adyg ethnic communities, which did not contrast communal and feudal land ownership, as most pre-revolutionary and Soviet historians did, but found an opportunity to connect them.

The researcher thinks that the land relations of a new type were not created in the post-reform period, as it is sometimes considered, artificially as a result of their introduction them by the administrative order, without taking into account the real prerequisites that were developed and took place in the community of the previous times. The royal administration in the North Caucasus, before carrying out the transformations, carefully studied the relevant area of social life of the Highlanders, trying to adapt its activities to the existing relations of property. The existence of community-transferred land which was used here during the pre-reform period made it easier for the administration to reorganize local rural communities according to the Central Russian model. “

Keywords: author, conception, social relations, land ownership, land use, fief (feudal estate), peasant economy, prince, nobleman.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-98-101-109

ОБРАЗЕЦ СЛУЖЕНИЯ НАУКЕ И ОБЩЕСТВУ К 70-ЛЕТИЮ В.Х. КАЖАРОВА

Ошроев Рубен Германович, кандидат исторических наук, доцент, руководитель группы по изучению проблем современного развития общества, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), ruben.kbr@mail.ru

Статья посвящена анализу объективных и субъективных факторов формирования человеческого капитала на исходе советской эпохи и их влиянию на дальнейшее накопление и воспроизводство ключевого интеллектуального и кадрового ресурса развития современного регионального научного сообщества. Целью обращения к сформулированному предмету исследования с использованием ресурсов междисциплинарного подхода является раскрытие специфики формирования человеческого капитала в русле современного кавказоведения на примере жизни и творчества выдающегося ученого В.Х. Кажарова. Обращение к его наследию, оказавшему колоссальное влияние на тенденции развития социогуманитарной науки Кабардино-Балкарии, расширяет и углубляет границы имеющихся представлений относительно проблем и перспектив развития современного кавказоведения в целом. Реализация начатого им при жизни проекта трехтомной фундаментальной истории народов Кабардино-Балкарии поможет преодолеть проблему мифологизации истории народов республики и решить задачу формирования основанного на достижениях фундаментальной науки исторического сознания, отвечающего принципам поступательной и непротиворечивой динамики развития современного общества. Заявленная тема имеет перспективу дальнейшего исследования в том смысле, что обращение к жизненному и творческому наследию В.Х. Кажарова выявило назревшую актуальность в формировании нового для региональной историографии научного направления – антропология научного сообщества Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: кавказоведение, междисциплинарный подход, биографический метод, роль личности в науке, подготовка научных кадров, человеческий капитал, антропология научного сообщества.

В современном кавказоведении особое место занимает выдающийся ученый – доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарии, лауреат государственной премии Республики В.Х. Кажаров (1949–2013). О нем В.В. Черноус в бытность директором Центра системных региональных исследований Института по переподготовке и повышению квалификации при Южном федеральном университете отзывался как об «орле современной северокавказской историографии», которого научное сообщество и широкий круг общественности знает как профессионала с ярко выраженными гражданскими позициями [Актуальные проблемы ... 2009; Уэщро Мотэ 2009: 6–8].

Валерий Хаширович Кажаров окончил с золотой медалью среднюю школу (1966 г.), с красным дипломом историко-филологический факультет КБГУ (1971 г.), блестяще защитил кандидатскую (1982 г.) и докторскую диссертации (1994 г.) в главном научном учреждении – Институте этнографии АН СССР/Институте этнологии и антропологии им. Миклухо Маклая. Ко времени его ухода из жизни он оставался единственным кавказоведом в Кабардино-Балкарской Республике, успешно прошедшим и очную аспирантуру, и докторантуру в указанном ведущем научном учреждении РФ.

Актуальность заявленной темы имеет как теоретическую, так и практическую значимость. В свете тенденций и перспектив эволюции фундаментальной науки и общества в целом, обращение к духовному наследию крупных ученых, оказавших большое влияние на процесс накопления фундаментальных знаний, связанных с итогами и уроками прошлого, закономерностями развития народов и государств, поможет определить перспективы дальнейшего накопления и воспроизводства ключевого ресурса развития – человеческого капитала. Анализируя состояние современного общества, важно подчеркнуть, что информация становится основным элементом в дальнейшем совершенствовании человеческого капитала. Главным оказывается способность человека работать с имеющейся информацией и создавать новую. В связи с этим изменяется и содержание понятия «человеческий капитал». Под этим термином в рамках настоящей статьи следует понимать совокупность компетенций, знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом, а также социальные атрибуты личности, в том числе творческие, познавательные способности, воплощенные в трудовые способности [Крутий, Красина 2007; Носкова; Федоров: 81–84].

В истории каждого народа личности масштаба В. Кажарова с признанными научными достижениями и зрелостью гражданских позиций рождаются, наверное, только один раз. И в этом отношении его значимость выше известного выражения «Такие, как он, выдающиеся личности рождаются раз в 100 лет».

Роль В. Кажарова не только в историческом и этнологическом кавказоведении, но и в современном ему обществе в плане активного проявления им гражданской активной позиции трудно переоценить. Эти две составляющие в его биографии неразрывно связаны друг с другом. Не случайно, что он огорчился существенным расхождением между ожиданиями от титанического творческого труда и наблюдаемым состоянием культурно-нравственной деградации в современном обществе.

Путь такого успеха выдающейся личности условно можно разделить на три фазы: фаза «ученичество», фаза «творчество», фаза «мастер». В фазе ученичества В. Кажаров всецело был погружен в основательном получении знаний в той сфере, в которой он себя только и видел. Обращают на себя внимания такие нюансы его биографии, которые свидетельствовали о том, что, будучи успешным учащимся школы, вуза, он тем не менее никогда не растрчивал свои духовные стартовые ресурсы на разного рода общественную деятельность, как это нередко бывает с преуспевающими в учебе учениками и студентами. Прочный фундамент, заложенный в этой фазе, фазе ученичества, позволил ему успешно перейти к фазе творчества, когда, в отличие от своих сверстников он смог абстрагироваться от довлевшей над сознанием делавших шаг в науку молодых людей идеологии и выбрать такую исследовательскую тему, которая оставалась актуальной и презентабельной и после крушения советского союза. Важно отметить, что это было время, когда уже четко обозначились контуры институционализации принципов выбора выпускниками школ республики и страны в целом профессии историка по конъюнктурным соображениям. Во-первых, именно из кадров историков рекрутировался управленческий аппарат в самых различных сферах и по самым престижным должностям. И далеко не всегда выбор профессии историка был связан с намерением посвятить себя только этому ремеслу. Во-вторых, функции идеологического рупора, с которыми благополучно справлялись ученые на ниве творческого процесса в научных учреждениях, приносили не меньше дивидендов в виде материального и символического капиталов. Этими и другими обстоятельствами объяснялась широкая практика выбора в качестве тем исследования, напрямую связанных с идеологией и практикой строительства коммунизма в нашей стране. В основном это был советский период, по которому специализировалась целая плеяда специалистов, чьи достижения в формате позитивизма и оценочных суждений в рамках

таких тем, как «колхозное строительство», «индустриализация», «успехи Кабардино-Балкарии по пятилеткам», «воплощение решений съездов партий в жизнь» и т.д. в большинстве своем рухнула вместе с крушением советского союза.

Что касается тех научных интересов ученых, имевших место по дореволюционному периоду, то и там не все было гладко. В большинстве своем выбираемые вступающими на путь науки аспирантами в качестве актуальных тем имели прямую привязку к тем же решениям съездов партий и линейной концепции развития общества сквозь призму марксистской теории с ее экономическим базисом в реконструкции страниц прошлого. В основном это были вопросы классовой борьбы в условиях феодализма, а также различные аспекты социально-экономического развития народов Кабардино-Балкарии в дореволюционный период. Заслуживает внимание тот факт, что уже в новых постсоветских реалиях редко кто из этой категории ученых смог продолжить свою тему в рамках требований строгой академической науки. Некоторым даже пришлось оставить свои научные приоритеты и наработки, скажем, с «социально-экономическим» уклоном, по которым уже имелась степень кандидата наук и переключиться на другие более востребованные новым временем презентабельные проблемы и с нуля наращивать по ним свои компетенции. В случае с В. Кажаровым не было необходимости в кардинальной перемене научных интересов, вызванных системными трансформациями российской государственно-политической системы на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в.

Тема, которую он избрал для себя в качестве приоритетной на рубеже 60-х – 70-х гг. XX в., не потеряла свою актуальность и по сей день. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в отличие не только от своих старших коллег и сверстников, но и младших товарищей по перу он сумел обозначить для себя такие тематически четко оформленные научные приоритеты, актуальность и презентабельность которых оказалась не подверженной времени. В частности, ему не пришлось, как это стало модным на исходе советской эпохи, оформить и зарегистрировать в системе ИНИОН «мертвым грузом» свои наработки, полученные в условиях «развитого социализма».

На рубеже 80-х 90-х гг. еще сильнее возросла актуальность тем, над которыми он работал в годы идеологического диктата над наукой. И тут произошел настоящий взрыв его творческой активности, кумулятивный эффект которого проявился в виде выхода один за другим монографических исследований в первой половине 90-х гг. [Кажаров 1992; Кажаров 1993; Кажаров 1994]. Имеет значение тот факт, что они были написаны не в Кабардино-Балкарии, в условиях и под непосредственным влиянием развернувшегося в те годы бума этнокультурного ренессанса в регионах Северного Кавказа, а в Москве.

Данный момент важен в связи с тем, что В. Кажаров в своих академических изысканиях смог абстрагироваться от прямых влияний социальной атмосферы с насыщенной дилетантской риторикой, когда вольные обращения лидеров и участников общественно-политических организаций к страницам прошлого становились основой межэтнических столкновений в регионе.

Значительным событием для Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики (КБИИФиЭ)* стало окончание В. Кажаровым докторантуры и его возвращение из Москвы в 1993 г. в качестве заведующего отделом исторических наук. К этому времени была завершена докторская диссертация «Традиционные общественные институты кабардинцев и

* С 1997 г. Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики (КБИИФиЭ), а с 1997 г. – Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (КБИГИ). В 2012 г. связи с изменением параметров ведомственной принадлежности институт получил новое название – «Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук» (КБИГИ).

их кризис в конце XVIII – первой половины XIX веков», которую он защитил в 1994 году. В этом же году она была опубликована в качестве монографии. С этого времени развитие исторической науки Кабардино-Балкарии проходит под колоссальным влиянием его уникальной личности и способствует преодолению стереотипа о «провинциальной науке» как о чем-то второстепенном.

Умение мыслить масштабно, дар стратегического предвидения, практицизм и рационализм позволили В. Кажарову поставить и решить первостепенные задачи, от которых во многом зависели перспективы исторической науки в республике. Человеческий фактор и глубокое понимание принципа «кадры решают все» отразились в его активной и плодотворной деятельности. В условиях нехватки квалифицированных кадров и разрыва преемственности поколений между историками научно-исследовательского института при его непосредственном участии был поднят вопрос об открытии аспирантуры, которое состоялось в 1996 году. С этого времени началась скрупулезная работа по подготовке квалифицированных кадров в институте. Успехи в данном направлении принесли В. Кажарову репутацию самого плодотворного научного руководителя-наставника. Под его руководством многие защитили диссертации, лучшие из которых остались работать не только в этом институте, но и в головном профильном научном учреждении РАН.

В 2009 г. в опубликованном к 60-летию В. Кажарова сборнике статей было отмечено, что «на сегодняшний день можно говорить о школе Кажарова как о свершившемся факте». Будучи ярким выраженным генератором научных идей, Валерий Хаширович являлся центром притяжения талантливых молодых ученых, многим из которых он открыл путь в большую науку. Еще больше тех, на кого он оказал опосредованное влияние, считающих себя его учениками, соратниками и сподвижниками [Актуальные проблемы ... 2009: 40]. О значимости В. Кажарова в данном направлении его деятельности свидетельствует то, что на современном этапе без его учеников не представляется возможным написание как полноценных учебных пособий по истории народов КБР, так и различных фундаментальных работ обобщающего характера.

Значимость личностного фактора В. Кажарова в должности самого успешного заведующего отделом истории института за все годы существования данного структурного подразделения трудно переоценить. Несмотря на то, что коллектив всегда рассматривал его доверенным лицом всех директоров, с которыми беспрерывно работал в руководящей должности, тем не менее, он презирал бюрократию. В условиях кардинальных перемен, связанных с ведомственной принадлежностью гуманитарного института, с В. Кажаровым коллектив ассоциировал стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Характерно, что он всегда имел свою четкую гласную позицию практически по всем волнующим коллектив проблемам. И часто его принципиальная конструктивная позиция отражалась в принимавшихся коллективных решениях по разрешению общих проблем. И в данном случае членство в профсоюзе он мотивировал вовсе не потребностью в защите его трудовых прав и интересов, а возможностью самому оказаться быть полезным для коллектива в целом.

Со смертью В. Кажарова невосполнимой оказалась организационная и творческая работа ученого по мобилизации творческого потенциала региона на решение актуальных проблем кавказоведения. Вызывает сожаление, что перестал выходить «Исторический вестник КБИГИ», работа по возобновлению его издания в формате «Кавказского исторического вестника» вошла в историю в качестве только благих намерений. Было бы абсурдным связать уход известного ученого из жизни с новыми обстоятельствами, которые «объективно» не позволяют продолжить это дело в реалиях сегодняшнего дня. Проблема в другом – некому этим вопросом заняться на том же высоком уровне, на котором он решался В. Кажаровым.

Вообще, обращение к творческому наследию В. Кажарова было бы не полным без отражения той роли, которую он сыграл в вопросе доведения до кондиции Адыгской (черкесской) энциклопедии в 2002–2003 гг. [Адыгская (черкесская) энциклопедия 2006], которая была написана и издана с научным аппаратом – беспрецедентным в практике кавказоведения изложением материала в подобном формате. Обращает на себя внимание, что в изданном в 2001 г. сборнике, посвященном 75-летию Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, в биографическом очерке, отражающем научные интересы, достижения и дальнейшие научные планы В. Кажарова, никакой информации не было про то, что он имел отношение к написанию Адыгской (черкесской) энциклопедии [КБИГИ 75 лет ... 2001: 89]. Как только в 2002 г. он был обозначен здесь в качестве заместителя главного редактора М. Кумахова, ему пришлось организовать заново подготовку очерков по истории и традиционной культуре. К написанию этих разделов были привлечены молодые ученые, которые сумели по новому осветить ключевые проблемы этнокультурного развития адыгов. От исторического сообщества Кабардино-Балкарии в состав редколлегии вошли В. Кажаров, А. Кушхабиев и З. Кожев. После выхода в свет Адыгской (черкесской) энциклопедии (М., 2006 г.) старший научный сотрудник отдела истории института гуманитарных исследований, к.и.н. З. Кожев – автор разделов по политической истории средневекового периода, скажет: «Трудно представить, в каком направлении могла эволюционировать адыгская историография, если бы не роль и значение В. Кажарова в судьбе этого проекта».

Такие твердые и принципиальные позиции в академической науке позволили Кажарову стать лидером в консолидации ресурсов научного сообщества в рамках решения актуальных проблем кавказоведения не только через обобщающие труды «Адыгской (черкесской) энциклопедии», «Истории многовекового содружества», но и в рамках Исторического вестника КБИГИ. К этим работам он активно привлекал известных специалистов не только КБИГИ, КБГУ, но и ученых-коллег из других республик Северного Кавказа, Южного федерального округа, а также головных учреждений страны.

Отмеченные и другие моменты в биографии ученого свидетельствуют о том, что его деятельность была направлена на преодоление замкнутости и разобщенности центров науки и образования в регионе КБГУ и КБИГИ. Как об этом красноречиво заявлял первый президент КБР В. Коков в одном из своих выступлений в середине 90-х годов прошлого столетия: «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук и наши вузы существуют как «параллельные миры», редко пересекаясь общими делами, едиными усилиями и проектами» [Коков 2001: 353]. После смерти В. Кажарова и с прекращением выпуска Исторического вестника эта проблема стала еще более очевидной.

К сожалению, фундаментальный проект трехтомной истории народов Кабардино-Балкарии так и не удалось реализовать в силу отсутствия спонсорской поддержки. Попытки привлечь к данному вопросу меценатов многочисленными письмами не получили соответствующих откликов. Созданный в этих же целях Общественный некоммерческий фонд «Кабардино-Балкарского фонда исторических исследований» так же не решил проблему [Общественный некоммерческий ... 2004]. Между тем разработанный и утвержденный под трехтомный проект основательно проработанный план-проспект в объеме более 100 стр. получил высокую оценку в Институте истории Российской академии наук в качестве образцовой при написании подобных трудов для всех субъектов РФ.

За шесть лет после смерти В. Кажарова историческое сообщество Кабардино-Балкарской Республики ни разу не возвращалось к данному вопросу, хотя и проект, и план-проспект на него не потеряли своей значимости и по сей день. Руководитель проекта был убежден в том, что без такой фундаментальной обобщающей

работы с отражением консолидированного взгляда всего научного сообщества Кабардино-Балкарии на ключевые проблемы прошлого говорить о консенсусе и консолидации в самом обществе сквозь призму формирования полноценного исторического самосознания и исторической памяти будет проблематичным. Отсутствие таких фундаментальных обобщающих работ и соответствующих современным требованиям учебников по истории народов региона дает повод для периодических обострений отношений между титульными народами КБР – кабардинцами и балкарцами через выяснения отношений по вопросам исторической памяти, исторического сознания и исторического наследия в целом.

Говоря о В. Кажарове, нельзя не упомянуть и о монументальном труде «Адыгские песни времен Кавказской войны», являющемся эталоном воплощения принципов междисциплинарности в исследовательской практике, о которых в современных условиях трансформации основ функционирования фундаментальной науки много говорится, но мало что делается в данном направлении [Адыгские песни ... 2005]. Содержание написанных В. Кажаровым разделов, и качество его комментариев к фольклорным материалам, недвусмысленно свидетельствует о том, что если в свое время он избрал бы не историческое, а другое направление гуманитарной науки, он имел бы такой же колоссальный успех.

Нельзя не согласиться и с тем, что главным показателем достижений В. Кажарова являются не его награды в виде почетных грамот, званий, премий, а опубликованный коллективом авторов из числа своих учеников и соратников академический труд «Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа», приуроченный к его 60-летию. Очень редко, когда ученики известных ученых к такому скромному юбилею преподносят такой академический подарок своему живому наставнику. Обычно такое бывает после смерти учителя и то далеко не всегда, даже при наличии многих учеников. Кстати сказать, ни разу не было случаев, чтоб в оценке и признании его научных заслуг через ходатайства о награждении грамотами, званием, премией институт получал отказ от различных инстанций, как это нередко имеет место в нашей жизни. И вот этот момент лишней раз иллюстрирует то, как он всецело соответствовал тем скромным наградам, которые получал при жизни. А вообще, В. Кажаров, высмеивал рьяных коллекционеров символов престижности в науке в виде грамот, званий, премий, орденов и медалей, членства в различных организациях и рассматривал такую практику своего рода компенсацией отсутствия существенных достижений.

Главная награда В. Кажарова в виде книги «Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа», подготовленной его учениками, явилась очевидным показателем успешной наставнической деятельности ученого. Ведь он всегда следовал лозунгу «Молодым дорогу» не на словах, а на деле. Не случайно, что он со своим непростым, а иногда и вспыльчивым характером, ни разу не оказывался в таких ситуациях, когда с ним мог бы произойти случай в отношении с молодежью, чтоб на фоне его должностных полномочий молодой человек мог потерять свое лицо перед ним как старшим человеком. В этом отношении он был сторонником выстраивания с молодежью не вертикальных отношений, как того требуют традиции, а горизонтальных, как того требует современность и та конкретно взятая сфера науки. В противном случае проповедуемые каноны о необратимости движения всего цивилизованного общества к модернизации и гражданскому обществу через освоение принципов демократии всегда будет оставаться в лоне известного выражения авторитарной установки эфенди советской эпохи «Делайте то, что я говорю, но не делайте того, чего я делаю».

Отмеченный принцип, которым руководствовался В. Кажаров по выстраиванию отношений с молодежью в русле горизонтальной, а не вертикальной модели, принес ему славу самого успешного наставника в современной историографии. Все познается в сравнении. На сегодняшний день, как в КЧР, так и в Адыгее наблюдается кризис в плане воспроизводства научных кадров историков.

Обращает на себя внимание, что В. Кажаров готовил кадры из представителей разных этнических общностей, и не только для Кабардино-Балкарии. А то, что его аспиранты имели свойство успешно защищаться не в родной республике, а за ее пределами, свидетельствует о том, что результаты исследований его учеников прошли апробацию в различных диссертационных советах Северного Кавказа, а также Москвы (МГУ). А это очень важно в условиях синдрома мифологизации истории народов Северного Кавказа, особенно когда прошлое становится ареной, в которой малые этнические группы черпают пищу для обид и политических требований. Данное обстоятельство зачастую характеризуется посягательством на чужую историю и чужих предков и установлению определенной этнической иерархии в зависимости от того, чья история представляется более древней, более славной и более могущественной [Ошроев 2012: 204].

В годы учебы в аспирантуре молодым он давал наставления не выбирать в качестве темы диссертационного исследования историографические темы. Аргументировал он это тем, что написанию достойной внимания историографической работы должен предшествовать солидный опыт исследовательской деятельности не в русле библиографических обобщений оценок и суждений под видом историографической работы, как это часто бывает с аспирантами, а в формате скрупулезного анализа конкретных тем в самых различных аспектах с использованием солидных методологических подходов. Ученый твердил, что начинающий исследователь сначала должен овладеть методом анализа для последующего успешного освоения ресурсов синтеза. Предостерегал словами: «Если упустите самый плодотворный период для освоения азов исследовательского мастерства – время закладывания фундамента для дальнейшей успешной научной деятельности расстройкой себя на всякого рода историографические изыскания в духе составления библиографического свода опубликованных по той или иной проблеме работ, то потом будет тяжело возвращаться к стоящим вниманий производству классических, аналитически выдержанных солидных трудов». И действительно, среди его учеников нет ни одного специалиста, вошедшего в большую науку по шифру историографии. Он считал этот шифр уровнем не кандидатской, а докторской диссертации.

Его рассказы о том, какой трудной дорогой и ценой каких усилий он добился того, чтобы увидеть решенным вопрос о его трудоустройстве в научно-исследовательском институте, лишний раз убеждают в том, что выражение «успешными становятся не благодаря, а вопреки обстоятельствам» должно стать девизом каждого молодого ученого.

Обращает на себя внимание и такой штрих в творческом наследии Кажарова, связанный с не свойственной ему практикой принимать участие в работе круглых столов, научных конференций, форумов. Они зачастую напоминали ему встречи, плавно переходившие в застолья мероприятия без надлежащего обращения внимания на принятие основательно проработанных резолюций. В этом плане он жестко придерживался своих сугубо академических принципов, позволявших воспринимать его человеком с аскетическим нравом.

В. Кажаров, для которого константой всей жизни была академическая наука, не боялся, что его могут свергнуть с пьедестала творческих достижений, на вершине которого он застолбил себе достойное место. В этом отношении 70-летие В. Кажарова можно и нужно рассматривать в качестве такого возраста, когда он должен был почувствовать «наступление на пятки» своих же уже зрелых учеников. И этот фактор должен был привести его к такому состоянию, когда в фазе достижения зрелости и вершин исследовательского мастерства он смог бы написать свой главный труд в духе толстовского Хаджи-Мурата. Но, увы, этому не суждено было сбыться, ученый скончался в возрасте 63 года, когда он от фазы «творчество» подошел к фазе «мастер». Парадоксально, но факт, что каждое его произведение было написано именно в таком духе и с такой манерой изложения.

Зачастую авторитет ученого историка определяется умением давать определенные прогнозы развития общества на основе своих познаний о его прошлом и настоящем. В этом плане В. Кажаров известен как ученый, обладавший уникальными прогностическими способностями. Но, к сожалению, его предсказания не получали должного внимания со стороны тех, на которых выходил вопрос с обеспечением безопасности и устойчивого развития общества. Для иллюстрации отметим, что если бы в свое время его предостережения относительно специфики реагирования на проблемы исламского фундаментализма приняли бы во внимание, то можно было бы избежать той трагедии, которую постигла республика 13 октября 2005 г.

Во время презентации Адыгской (черкесской) энциклопедии в 2014 г. доктор исторических наук, профессор К. Дзамихов отметил, что последний труд В. Кажарова «Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в.» (2012 г.) можно рассматривать в качестве завещания. И если мы сможем решить отмеченные здесь задачи, то это будет достойной данью доброй памяти ученого.

Обращает на себя внимание, что этот труд завершается надеждой ученого в решении проблемы наметившейся маргинализации сообщества профессиональных историков, когда научный компонент исторического сознания стал отодвигаться на периферию общественного сознания. Поворот вспять этой тенденции он рассматривал одним из главных условий предотвращения этнического распада и регионального исторического сообщества [Кажаров 2001: 68].

Данное исследование, наряду с первым разделом коллективного труда «Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы» (1999 г.), проливают свет на многие основополагающие внешние и внутренние факторы историко-культурной динамики Кабардино-Балкарии, без которых не представляется возможным написание сколь-нибудь значимых обобщающих трудов по истории народов региона. В частности, это связано с объяснением В. Кажаровым факторов кардинального ослабления влияния традиционной культуры на социорегулятивную сферу в первой половине XX в., с последовавшим окончательным разрывом цепи межпоколенной культурной трансмиссии во второй половине XX в.

Разумеется, ни одно из исследований Кажарова не является исчерпывающим в решении сформулированных им задач. Он имел свойство обозначать важные аспекты затрагиваемых проблем, требовавших на его взгляд дополнительных приложений серьезных исследовательских усилий.

Глубокие взгляды ученого на многие вопросы прошлого, настоящего и будущего не следует ставить в заслугу только природному дару. Эти качества выработались у него в процессе кропотливой работы над собой, своим самообразованием, умением отбирать качественную литературу, знакомившую его с лучшими мировыми достижениями научной мысли. Опыт развития региональной исторической науки показывает, что многие из старших и младших сверстников В. Кажарова выбирали путь историка по объективным (престижность профессии в условиях функционирования советской идеологии) и субъективным (конъюнктурным) соображениям. Специфика творческой самореализации В. Кажарова и секрет его успеха в этом направлении состоит в том, что у него одновременно сильно был развит и неразрывно связан между собой профессиональный и гражданский долг без всяких стремлений продвинуться дальше своей сугубо академической должности. Тем самым он смог оставить после себя образец беззаветного служения науке и обществу.

Все, кто знал В. Кажарова, отдавали дань его целеустремленности, трудолюбию и работоспособности. Его духовное наследие невозможно измерить одними только творческими достижениями через обзор опубликованных и неопубликованных работ, а тем более количеством полученных званий и наград. Есть нечто

большее и возвышенное – бескорыстное служение науке и обществу, которое составляло весь смысл его жизни.

В заключение хотелось бы отметить, что обращения к творческому наследию В. Кажарова в форматах юбилейных дат и связанных с ним других научных мероприятий, как минимум, должны учитывать пять приоритетных моментов.

1. Принятие соответствующих решений/резолуций, направленных на разрешение имеющих место в исторической науке проблем, в том числе отраженных в постановочном плане в творческом наследии В. Кажарова.

2. Актуализация вопросов, связанных с возрождением целевой формы подготовки специалистов-кавказоведов, а так же института повышения квалификации в головных научных и образовательных учреждениях РФ в целях преодоления проблемы провинциализации социогуманитарной науки и предотвращения маргинализации регионального профессионального научного сообщества.

3. Мониторинг вопросов по подготовке фундаментальной трехтомной истории народов Кабардино-Балкарии в соответствии с утвержденным при жизни В. Кажарова планом проспектом, одобренным Институтом истории Российской академии наук.

4. Оценка и развитие выдвинутых В. Кажаровым положений в русле именно той аксиологической парадигмы, в которой он видел основную миссию исторической науки, направленной на сохранение и развитие этнокультурной идентичности, соответствующей программным документам ООН в качестве приоритетной задачи планетарного масштаба по обеспечению основ устойчивого развития современного общества.

5. Повышение роли и значения научного сообщества в повседневной деятельности практиков-политиков через научно обоснованное прогнозирование последствий в культивируемых ими принципах и механизмах управления обществом.

Заключивание на каком-нибудь частном, пусть даже спорном, вопросе в творческом наследии В. Кажарова в обход отмеченных приоритетных проблем каждый раз будет уводить от магистральных тенденций развития науки и общества в проблемы мелкотемья провинциального формата, а так же решение связанных с накоплением символического капитала в руслах индивидуальных, либо узкогрупповых конъюнктурных задач. Одним из приоритетных на сегодняшний день задач, связанных с его творческим наследием, является переиздание наиболее значимых фундаментальных трудов с основательными комментариями с использованием теоретических и методологических достижений социогуманитарной науки.

Источники и литература

1. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. 1248 с.
2. Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 438 с.
3. Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Издательство Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. 360 с.
4. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.
5. *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик, 1993. 136 с.
6. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992. 160 с.
7. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века Кабард.-Балкар. НИИ истории, филологии и экономики. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1994. 437 с.
8. КБИГИ 75 лет. Сборник, посвященный 75-летию Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Юбилейное издание. Нальчик, 2001. 224 с.

9. *Коков В.М.* Путь к достойному будущему народа – опережающее развитие образования и науки // Восхождение к идеалам. Проблемы реформирования государственного и общественного устройства. М.: Славянский диалог, 2001. С. 349–374.
10. *Крутий И.А., Красина О.В.* Человеческий капитал: эволюция представлений. // Социологические исследования - М., 2007, №8 URL: http://www.isras.ru/socis_2007_8.html
11. *Носкова К.А.* Многоуровневая модель формирования человеческого капитала // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/10/6067>
12. Общественный некоммерческий фонд «Кабардино-Балкарского фонда исторических исследований» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rusprofile.ru/id/765044> (Дата обращения: 19.08.2019).
13. *Ошроев Р.Г.* Современная историческая наука на Северном Кавказе в формате концепции устойчивого развития региона // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2012. № 4(48). С. 204–210.
14. Уэщро Мотэ Ди лъэхъэнэм и лъыхъупхъэ. Лъэпкъымрэ щэныгъэмрэ хуэлажъэ тхыдэ щэныгъэхэм я доктор Къэжэр Валерэ илъэс 60 щрикъум ирихъэлэу // ПСЫНЭ. Адыгэ гъашцэмрэ, щэнхабзэмрэ хуэгъэпса журнал. Налшык, 2009. № 8. Н. 6–8.
15. *Федоров Н.Ю.* К социологической интерпретации понятия «человеческий капитал» // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. Вып. 10. Ч. 3. С. 81–84.

SAMPLE SERVICE TO SCIENCE AND SOCIETY TO THE 70th ANNIVERSARY OF V.KH. KAZHAROV

Oshroev Ruben Germanovich, Candidate of History, Associate Professor, Head of the Group for the Study of the Problems of Modern Development of Society, Leading Researcher of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), ruben.kbr@mail.ru

The article is devoted to the analysis of objective and subjective factors in the formation of human capital at the end of the Soviet era and their impact on the further accumulation and reproduction of a key intellectual and personnel resource for the development of a modern regional scientific community. The purpose of the appeal to the formulated subject of research using the resources of an interdisciplinary approach is to disclose the specifics of the formation of human capital in line with modern Caucasian studies on the example of the life and work of the outstanding scientist V.Kh. Kazharov. An appeal to his legacy, which had a tremendous impact on the development trends of the socio-humanitarian science of Kabardino-Balkaria, broadens and deepens the boundaries of existing ideas regarding the problems and prospects of development of modern Caucasian studies as a whole. The implementation of the three-volume fundamental history project of the peoples of Kabardino-Balkaria, which he began during his life, will help to overcome the problem of mythologizing the history of the peoples of the republic and solve the problem of forming historical consciousness based on the achievements of fundamental science, which meets the principles of progressive and consistent dynamics of the development of modern society.

The stated topic has the prospect of further research in the sense that appeal to the life and creative heritage of V.Kh. Kazharov revealed a pressing urgency in the formation of a new scientific direction for regional historiography – the anthropology of the scientific community of Kabardino-Balkaria.

Keywords: Caucasian studies, an interdisciplinary approach, a biographical method, the role of the individual in science, the training of scientific personnel, human capital, the anthropology of the scientific community.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-110-119

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия/ главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального

государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
 - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
 - сведения об авторе;
 - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
 - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31– 33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010b].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961]

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККЕА [АБККЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКЧС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

2. *АП* – Адыгэ псалъальэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

4. *Къыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.

5. *Карaulов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uetm/ior_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.

7. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

8. *Малкондуев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 28 (67). С. 146–154.

9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // *Медиаскоп*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).

10. *Павишук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.

11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.

12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л.
10,7

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 254

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*